

С. Г. ДЕВЕДЖЯН

ЛОРИ-БЕРД

1

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ա. Հ. ԴԵՎԵՋՅԱՆ

ԼՈՌԻ - ԲԵՐԴ

1

1969-1973 թթ.
ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1981

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Р III
У-7026

С. Г. ДЕВЕДЖЯН

ЛОРИ-БЕРД

1

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
1969-1973 ГГ.

08-117-80

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1981

902.6(С43) индекс ББК63.4(2Ар)
Д255

*Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армянской ССР*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
К. Х. КУШНАРЕВА

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор исторических наук С. А. ЕСАЯН,
кандидат исторических наук Р. М. ТОРОСЯН

Деведжян, С. Г.

Д255 Лори-Берд, I/Отв. ред. К. Х. Кушнарева.—Ер.: Изд-во АН
АрмССР, 1980.—86 с., ил., 17 л. ил.

Работа посвящена результатам раскопок новообнаруженного археологического памятника—Лори-Берда, находящегося в исторической области Ташир-Дзаорагет на севере Армении. Раскопки были произведены автором в 1969—1973 гг. Обнаруженные археологические материалы (середина II тысячелетия—середина I тысячелетия до н. э.) представляют большой интерес для изучения истории не только Армении, но также всего Закавказья и Передней Азии.

Книга предназначена для археологов, историков, а также для широкого круга читателей.

Д 0507000000 31—79
703(02)—81

902.6(С43)
ББК63.4(2Ар)

ВВЕДЕНИЕ

Селение Лори-Берд, известное своими древними и средневековыми памятниками, расположено в одной из интереснейших исторических областей Армении—Ташир-Дзорагете. Эта область охватывала первую и четвертую из шестнадцати провинций, составлявших Гугаркское бдешство исторической Армении.

Ташир занимал плато Таширатан площадью 2050 кв. км, по которому протекала река Ташираджу (ныне Дзорагет). Часть этой провинции составлял Верин Ташир, который охватывал Бамбакадзор (ныне долина реки Памбак) площадью 1075 кв. км. Провинция Дзоропор (в середине века Дзорагет) занимала долину реки Дзорагет (ныне Дебет) площадью 475 кв. км.

Таширу соответствует территория нынешних Калининского, Степанаванского и южной части Алавердского (ныне Туманянского) районов, Верин Таширу—Спитакский, южная и западная части Кироваканского района, Дзоропору—нынешний Туманянский и север Кироваканского района¹. Все эти пять районов вместе занимают площадь в 3822 кв. км.

Естественными границами Ташир-Дзорагета являются горные хребты: на севере—Вираайоц, на юге—Памбакский, на западе—Джавахкский и на востоке—Гугаркский. Долины Дзорагета и Памбака разделяет Базумский хребет. Все пять названных хребтов имеют альпийские зоны.

Почва в долинах черноземная, лорийский же чернозем считается лучшим в Армении; содержание гумусовых в нем достигает 24%, а толщина его доходит до 70—90 см. Пышная растительность Лорийской долины и чудесные альпийские луга, которыми покрыты склоны хребта Вираайоц (Лок, Лалвар, Леджан), являются прекрасными пастбищами, куда сгоняют скот из низменных районов Грузии и Армении². Разнообразен растительный мир

Ташир-Дзорагета: склоны гор покрыты лесными массивами, переходящими по мере возвышения в растительность субальпийской и альпийской зон³.

Вследствие большой изрезанности ландшафта в исследуемых районах наблюдаются значительные перепады температуры воздуха—в среднем течении Дебета, например, зимой температура не достигает минус 15°C, а летом доходит до плюс 38°C. В Калининском и Степанаванском районах, в Базумских горах, Спитаке и на Джавахкском хребте зимой морозы достигают минус 30—35°C. Обильны атмосферные осадки.

Недра Ташир-Дзорагета богаты различными ископаемыми и полиметаллическими рудами, которые использовались человеком с незапамятных времен. Ташир-Дзорагетские меднорудные месторождения, как почти все рудные месторождения Южного Кавказа, относятся к поздней фазе третичной (альпийской) металлогенической эпохи⁴. Местные месторождения относятся к отдельным подзонам Сомхето-Карабахской зоны оруденения. К их числу принадлежит Алавердское меднорудное месторождение, где содержание меди составляет 1,5—7%; здесь встречается также самородное золото.

Шамлугское меднорудное месторождение, где насчитывается более 35 видов руд, из которых основными являются пирит и халькопирит, находится в 13 км северо-восточнее Ала-

³ Атлас АрмССР, Ереван—Москва, 1961 (на арм. яз.).

⁴ Подробные сведения о полезных ископаемых и месторождениях см. в след. трудах: В. Г. Грушовой, Алавердское медное месторождение в Закавказье, Ереван, 1930; К. Н. Паффенгольц, Геологический очерк Армении, Малого Кавказа и прилегающих районов, Ереван, 1946 (на арм. яз.); И. Г. Магакьян, Железнодорожные месторождения Советской Армении, Вестник (естественные науки), 1947, № 1; И. Г. Магакьян, Алавердский тип оруденения и его руды, Ереван, 1947; С. С. Мкртчян, К. Н. Паффенгольц, Э. А. Хачатрян, Алавердский рудный район, Ереван, 1968.

¹ С. Т. Еремян, Армения по «Ашхарацуйцу», Ереван, 1963, с. 63, 64, 85 (на арм. яз.).

² Советский Союз. Армения, М., 1966, с. 255—256.

вердского. Об Ахталинском полиметаллическом месторождении имеются сведения, относящиеся к VI и XII вв. В названных месторождениях встречаются самородное золото и электрум. Самородная медь встречается в Алавердском, Шамлугском, Сисимаданском и других месторождениях. Отдельными зонами этих месторождений являются Анкасар, Акори, Сангяри, Ардви, Алвард, а также правобережье реки Дебет, от с. Шног до горы Чатин.

В другую подзону входит группа месторождений Привольное (Калининский район), известная медно-гематитовым оруденением, однако здесь были обнаружены также полиметаллические руды. Отдельные скопления этих руд—горы Вьючная, Черемша, Круглый Бугор, Леджан, Пхиндзасар, Архашан. Месторождение Мец-Дзор находится в 6 км севернее с. Агарак (Степанаванский район) и, в отличие от вышеуказанных, содержит также оловянные руды. Здесь встречается мышьяк в виде изоморфного компонента меди и других полиметаллических руд. У с. Шахназар предполагаются месторождения агата, минеральных красок и свинца. Северо-западнее с. Сарчапет (Калининский район) обнаружено полиметаллическое оруденение, которое простирается до бассейна реки Мошевани в Грузии.

Месторождения реки Марц по своему строению схожи с полиметаллическими месторождениями Алаверди, Шамлуга и Ахталы. В Базумскую подзону входят Анкадзорская, Тандзутская, Фроловская и Чибухлинская группы месторождений. Анкадзорское медно-рудное месторождение (Шаали-Элиар) содержит также теллур, селен, золото и серебро. Здесь известны Назари-Юртское, Антониевское, Чамлугское и Сисимаданское месторождения.

С верховьев реки Лестев вплоть до Кировакана простираются Фроловские оруденения, Амзачианские месторождения золота и Тандзутские месторождения серного колчедана.

Чибухлинская рудная зона (Степанаванский район) находится в северной части одноименной вершины. Здесь, помимо основного металла—меди, обнаружен ряд редких и рассеянных элементов. Месторождения, аналогичные Алавердскому по оруденению, но менее богатые медью, имеются в районах Шног и Кохб.

Е. Лалаян в труде «Борчалинский уезд»⁵, наряду с этнографическими, географическими и историческими сведениями, подробно описывает также полезные ископаемые этой губернии и их месторождения «на основании устных сообщений на месте и некоторых публикаций». Е. Лалаян отмечает, что во всем районе и, в частности, на хребте Чатин-Даг, на-

блюдаются следы древних колодцев и плавлен.

А. А. Нессен также упоминает месторождения этого района, особенно те, которые носят следы древних разработок. К их числу относятся долина реки Болнис, правый приток реки Машавери и гора Демир-Даг, где имеется большое количество древних разработок, пустые породы и железные рудники. По свидетельству Абиха, здесь находились рудники железного блеска и окисленной меди. Последнее, так же как и характер найденных шлаков, указывает, что в древности здесь добывали железо и медь. Следы древних разработок найдены в с. Дсех. В Алавердских рудниках Морган заметил шлаки с высоким содержанием металла и со включениями карбоната меди, что говорит о разработке рудника в далеком прошлом⁶. Особый интерес представляют следы древних разработок Сисимаданских рудников (на правом берегу реки Памбак), которые довольно подробно описал А. А. Нессен, основываясь на исследованиях Абиха середины прошлого века.

Проведенные в Северной Армении геологоразведочные работы, которые преследовали цель выяснить возможность эксплуатации месторождений древними горняками, показали, что Алавердские, Шамлугские, Сисимаданские и Ахталинские рудники имеют все данные быть использованными в древности и могли эксплуатироваться уже в эпоху поздней бронзы. В Шамлуге и Ахтале довольно развита также и окисленная зона.

Эксплуатационными возможностями обладают также рудники Анкадзора (Шаали-Элиар) и Антоновский, для которых характерно богатство окисленных зон, многочисленные разработки, часть которых, судя по характеру, можно отнести к древним временам (III тыс. до н. э.)⁷.

Согласно данным геолога С. Гогиняна, большинство месторождений Ташир-Дзорагет сохранили следы древних разработок, о чем свидетельствует наличие древнейшего металлургического шлака в медных рудниках Алварда, Белой Церкви и Чибухлу. Он полагает, что в древности эксплуатировался также находящийся недалеко от Степанавана золотой рудник Арманис, так как холм, образующий рудник, когда-то назывался Воскесар (Золотая гора), а наличие ямок на поверхности рудного тела говорит об использовании рудника в древности.

⁶ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, V. I, Paris, 1889, с. 65, 85; А. А. Нессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, с. 50—51.

⁷ А. Ц. Геворкян, Е. П. Черных, В поисках медных рудников в Армении, АО за 1970, М., 1971, с. 401; А. Ц. Геворкян, Древнейшая металлургия и горное дело в Армении, М., 1972, с. 6 (автореферат).

⁵ «Этнографический журнал», Тифлис, 1901, с. 271—436 (на арм. яз.).

В здешнем руднике также наличествуют использованные рудоносные жилы. Подобные жилы распространены как в золотых копях Арманица, так и в рудном поле Привольное.

Ташир-Дзорагет богат также ценными строительными материалами. Долины рек и Базумский хребет богаты минеральными источниками; особенно характерными являются окрестности Алаверди, Ахталы и Шамлуза, связанные с соответствующими оруденениями.

Как видим, область Ташир-Дзорагет находится в благоприятных природно-климатических условиях и занимает удобное географическое положение. Невзирая на горный, изрезанный ущельями ландшафт, наличие множества рек способствовало развитию земледелия в горных районах, а обилие альпийских лугов—развитию скотоводства. Богатство недр разнообразными полезными ископаемыми способствовало раннему развитию металлургии и доведению ее до высокого уровня. Все эти благоприятные естественные условия стимулировали развитие жизни и культуры абorigенов на протяжении веков и тысячелетий.

Ташир-Дзорагет—район, богатый археологическими памятниками. Несмотря на то, что здесь систематические археологические исследования до недавнего времени не проводились, осуществленные в разное время небольшие археологические раскопки и случайно найденные предметы указывают на то, что это была густо населенная территория, по крайней мере начиная со второй половины III тыс. до н. э. Более ранние памятники пока не обнаружены, однако есть все предпосылки для поиска таковых.

Известные сегодня археологические памятники области Ташир-Дзорагет указывают на интенсивное ее заселение в эпоху ранней, средней и поздней бронзы, а также в эпоху раннего железа. К этим периодам относятся многочисленные образцы материального производства, накопленные при раскопках, начало которых положено в 70-х гг. прошлого столетия.

В 1871 г. Александр Ерицян раскопал 23 погребения в селе Ворнак (Акнер), которые он отнес к двум периодам бронзового века. Здесь в большом количестве было обнаружено бронзовое оружие, браслеты, украшения и керамика. В 13 селах Лорийского уезда (в том числе Дсехе, Кариндже, Шаали, Аларексе, Куртане) его внимание привлекли могильники, относящиеся к периодам бронзы и железа. Раскопав погребения Санаина, он убедился в том, что они относятся к той же эпохе, что и ворнакские⁸. Раскрытые в Кобайре погребения относятся к эпохе раннего железа.

⁸ Матенадаран, архив Ал. Ерицяна, папка № 157, документ № 18, Отчет Ерицяна от 4 августа 1871 г.

Первым исследователем Ташир-Дзорагетских памятников в широком масштабе был инженер Алавердских рудников, геолог и археолог Жак де Морган. В 1887—1888 гг. он открыл и подверг предварительному изучению более 900 погребений в Мусиери, Шейтан-Даге, Ахтале, Уч-Килисе, которые представили неизвестный ранее археологический материал периода широкого освоения железа. К чести Моргана надо сказать, что в этот ранний период развития археологии ему удалось достаточно точно классифицировать и датировать раскопанный богатый материал. К сожалению, перевезенные в Лувр ценные археологические предметы так и остались неопубликованными, а в книге Моргана⁹ было описано лишь несколько десятков древних предметов.

В 1893 г. в с. Ворнак (Акнер) вел раскопки Н. Марр. Выявленный материал относится к разным этапам эпохи железа¹⁰. В следующем году Е. А. Такайшвили поручается проведение раскопок в Борчалинском уезде. Он осуществляет раскопки в с. Ворнак, Привольное, Ахпат, Ягдан, Матур¹¹. В этих раскопках особенно ценны материалы Ворнака, которые относятся к периодам начала и широкого освоения железа.

Около 34 лет древние памятники Ташир-Дзорагета не исследовались. Только после установления Советской власти, в 20—30-х гг., усилиями работников Комитета по охране памятников Армении были проведены разведочные работы в Памбаке (1928 г.), Кировакане (1933—1935, 1939—1940 гг.). В этих работах особый интерес представляли частичные раскопки Е. Байбуртяна, который установил наличие памятников III тыс. до н. э. в Кироваканском районе (Тагаворанист, Димац). К сожалению, результаты своих исследований этот замечательный археолог опубликовать не успел. Особое значение для древней истории Ташир-Дзорагета имеет знаменитый Кироваканский курган середины II тыс. до н. э., исследованный Б. Б. Пиотровским в 1948 г. Следует отметить, что исследователь составил общий обзор этого кургана и известных в то время памятников Ташир-Дзорагета¹².

В период 1930—1950 гг. стали известны многочисленные ценные предметы, найденные в результате частичных раскопок или совер-

(Тифлис) о раскопках в Лори; П. С. Уварова, *Museum Caucasicum*, V, Тифлис, 1902, с. 102—104; Е. Лалаян, *Раскопки погребений в Советской Армении, Ереван, 1931, с. 9* (на арм. яз.).

⁹ J. de Morgan, *ук. соч.*, с. 65, 85.

¹⁰ ОАК за 1893 г. с. 36; ГИМА, Коллекция № 765: Гос. Эрмитаж, отдел Востока, № 16842—17234.

¹¹ Дневник Е. А. Такайшвили, дело АК № 17 за 1894 г.; ОАК за 1894 г., с. 14—15.

¹² Б. Б. Пиотровский, *Археология Закавказья, Л., 1949, с. 46—47.*

шенно случайно (погребение Гаджиган¹³, комплекс изделий с участка строительства Алавердского клуба, Ахталинский клад и др.).

Разведочные и археологические работы в Ташир-Дзорагете в 50-х гг. вел А. А. Мартиросян (Гехарот, Варданлу, Евклу, Макаришен, Ахтала, Жданово), который, помимо указанных памятников, подробно изучил, классифицировал и датировал также ряд ранее известных, но малоизученных комплексов района, относящихся к III—I тыс. до н. э.¹⁴. В 1960 г. велись частичные раскопки в Гехароте С. А. Есянян. Исследованием памятников III тыс. до н. э. занималась Э. В. Ханзадян, которая в 1959—60 гг. тщательно изучила известное поселение Коси-Чотер в Кировакане.

Начиная с 1969 г., автор настоящей книги осуществляет раскопки совершенно нового, уникального и разнообразного комплекса, который расположен близ г. Степанаван, на территории с. Лори-Берд. Это—огромное древнее могильное поле, находящееся на высоком плато, окруженном глубокими ущельями, и омываемое реками Дзорагет и Мисхана. Это также поселение на мысу реки Мисхана. Описание и исторической интерпретации этого интереснейшего комплекса, охватывающего целое тысячелетие (XVI—VI вв. до н. э.) и посвящена настоящая работа. Однако для того, чтобы по-новому представить раннюю историю племен, обитавших в области Ташир-Дзорагет, следует кратко остановиться на выявленных здесь памятниках предшествующего периода.

Несколько слов из истории изучения памятников Ташир-Дзорагета III тыс. до н. э. Ими богат, в частности, Туманянский район. Здесь при случайных работах были найдены образцы керамики в с. Шамлуг, Шног, Ардви и Ворнак. В последнем в 1893 г. вел раскопки Н. Я. Марр. В 1969 г. у молочного завода с. Лорут А. Калантарян зафиксировал следы поселения III тыс. до н. э. с коническими ямами, заполненными золотом и керамикой с рельефно-вогнутым и резным орнаментом. В с. Лорут и Кюбер были найдены трубчатобушный топор и маленькие кинжалы архаичного типа. В производстве металлических изделий этого раннего периода особое место занимает медный клевец из Алаверди.

В 1967 г. на правой стороне нового шоссе, ведущего из Степанавана в Арманис, Р. М. Торосян и О. С. Хнчикян собрали на древнем поселении богатый подъемный материал. В 1972 г. на полях Лори-Берда был найден наконечник стрелы раннего периода, а близ

с. Меджан в местности Гол-Охер погребения III тыс. до н. э. с характерной чернolocенной керамикой. Предметы этого времени в Спитакском районе обнаружены в с. Гехарот, на нескольких холмах Спитака и в с. Мец Парни.

Ценные открытия были сделаны в г. Кировакане, в памятниках Димаца, Тагавораниста, Маштоциблур и, в частности, на поселении Коси-Чотер. В 1935 г. в Димаце среди вещей из погребений эпохи поздней бронзы К. Г. Кафадарян¹⁵ обнаружил архаичное копье, которое А. А. Мартиросян относит ко второй половине III тыс. до н. э.¹⁶.

К числу памятников Димацях принадлежит поселение Тагавораниста, где в 1893 г. в одном из грунтовых погребений Н. Я. Марр обнаружил характерную для ранней бронзы посуду¹⁷. В 1938 г. Е. Байбуртян и К. Г. Кафадарян на поверхности поселения собрали керамику эпохи ранней и поздней бронзы. При раскопках Е. Байбуртяна выявляется опорная стена помещения высотой 1,43 м и часть глинобитного пола с остатками керамики, среди которой большой черной лощеный кувшин. Керамический материал этого поселения представлен в основном черепками карасов, мисок, чаш, аналогичных с материалами Айгевана¹⁸, Джуджевана¹⁹, Арича²⁰. Здесь обнаружены также терки из черного обсидиана с вогнутой рабочей поверхностью, прополки из кости и рога.

В двух километрах южнее Тагавораниста находится холм Месропа Маштоца с примыкающим могильником. Здесь выявлена интересная керамика эпохи ранней бронзы: горшок с геометрически орнаментированными поясами на шейке и рельефно-вогнутым узором в широкой части корпуса.

Следы поселения раннебронзовой эпохи обнаружены также в северо-восточной части Кировакана, напротив Тагавораниста²¹, а также на берегу реки Тандзут.

Поселение Коси-Чотер находится на возвышенном мысу, около реки Памбак, отрезанном с двух сторон глубокими ущельями; его южная терраса имеет по вертикали 10 огромных площадок, занятых, по-видимому, остат-

¹³ К. Г. Кафадарян, Раскопки погребений в Кировакане, Изв. АН АрмССР, 1941, № 3—4, с. 55 (на арм. яз.).

¹⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы, с. 30—31.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 35—36.

¹⁸ Раскопки Б. Б. Пиотровского и С. А. Есянян.

¹⁹ С. А. Есянян, Памятники эпохи ранней бронзы северо-восточной Армении, ВОН, № 7, 1971, с. 73, табл. V, рис. 2; табл. VI, рис. 7, 8, 9.

²⁰ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, с. 68, рис. 29.

²¹ Е. Момджян, Краеведческий музей Кировакана, журн. «Эчмнадзин», 1965, А, с. 60—62 (на арм. яз.).

¹³ Раскопки А. О. Мнацаканяна.

¹⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 90, 142; его же, Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода, ВОН, 1956, № 6.

ками поселения²². Шурф площадью 25 м², заложенный Э. В. Ханзадян, выявил следующую картину: верхний слой толщиной 1,5 м содержал керамику VIII—V вв. до н. э. На двухметровой отметке были обнаружены каменные основания круглого жилища III тыс. до н. э. с обмазанным полом. На полу жилища оказались обломки рухнувшего деревянного перекрытия, обгоревшие куски плетеного тростника, покрывавшего крышу, а также кости животных, каменные и костяные орудия, керамика, украшения. В жилище открыта овальная яма с золой, обломками зернотерок, прялица, вкладыши серпов и пр. На полу, в центре, находился глиняный культовый очаг, а в северо-восточном углу—четырёхугольный каменный хозяйственный очаг.

В 1967 г. во время строительных работ археологи Р. М. Торосян и О. С. Хякикян собрали на поселении большое количество керамики III и I тыс. до н. э., а также заложил здесь разведочный шурф. Несмотря на малые масштабы и разведочный характер проведенных раскопок в целом, на поселении Коси-Чотер были выявлены несколько строительных слоев, многочисленные орудия, керамика и прочие бытовые предметы. Среди керамики обращают на себя внимание великолепные чернолощеные карасы, фасад которых украшен геометрическим и рельефно-возгнутым узором. Такие карасы известны из Гарни²³ и Джуджевана²⁴, а также из Бенгашенской крепости²⁵ и Озни²⁶. Карасы кухонные, как в Арче²⁷. Характерны также поддонники с одной полусферической ручкой, которые находят широкие аналогии в материалах Армавира, Севана, Заглика²⁸, Кюль-Тепе²⁹, а также на поселении Луговос³⁰. В строении горшков четко выделяются три составные части, сильно подчеркнуты переходы от венчика к корпусу и от корпуса к основанию, что связано с техни-

кой их формовки. Для мисок характерны «глухие» ручки. Украшены они рельефными «усиками», типичными для мисок Элара, Арагаца, Гей-Тепе, Джудейда (фаза I)³¹. Иногда на них изображены зооморфная фигура, копы и крестообразная звезда перед ней. Достоинством внимания такое сочетание животного, металлического оружия и небесного тела, которые были почитаемы первобытным человеком. Многочисленные примеры подобных рельефных изображений были обнаружены также при раскопках Арча³².

Найденные здесь каменные орудия (вкладыши серпов, ножи из обсидиана, пестики, лопица, топоры, булавы, колесики), а также изделия из кости являются обычными для широкого круга раннеземледельческих поселений Кавказа³³. Встречены также глиняные очажные подставки цилиндрической, четырехугольной, подковообразной формы; последние декорированы изображениями людей и животных. Это традиционный атрибут поселений III тыс. до н. э. Армянского нагорья, Малой Азии, Сири³⁴. Изображения животных—головы быков и овов—выражают идею силы и оплодотворения. Существует точка зрения, что подковообразные подставки, будучи установленными на очаги в жилищах, символизировали акт оплодотворения домашнего очага мужщиной³⁵.

Поселения эпохи ранней бронзы Кировакана по своему расположению и характеру каменных фундаментов жилищ близки к памятникам Ширака. Они также были покинуты в эпоху средней бронзы³⁶, что характерно для горных и предгорных поселений Кавказа III тыс. до н. э. Благодаря особенностям своего расположения, Кироваканское поселение устанавливает культурные связи как с поселениями Северного Кавказа, так и с памятниками сирийской равнины (Амук).

Нововыявленные поселения неолит-эне-

²² Э. В. Ханзадян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., Ереван, 1967, с. 21—23.

²³ Э. В. Ханзадян, Гарни, IV, 1969, с. 50, рис. 40.

²⁴ С. А. Есян, Памятники эпохи ранней бронзы..., с. 71, табл. II, рис. 4—6.

²⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трналети, I, Тбилиси 1941, табл. СХХIV₅.

²⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкишском районе, Тбилиси, 1948, с. 31, рис. 14; с. 32, рис. 15; с. 33.

²⁷ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 60—61, рис. 16.

²⁸ Б. А. Куфтин, Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, ВГМГ, XIII—V, 1944, с. 110, рис. 65, 1—4.

²⁹ О. А. Абибуллаев, Остатки жилищ во втором слое поселения Кюль-Тепе, около Нахичевана, МИА, № 125, М.—Л., 1965, с. 49, табл. III, рис. 2—3.

³⁰ Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, МИА, № 100, М., 1961, табл. VIII, рис. 8—13.

³¹ R. Y. Braidwood and L. S. Braidwood, Excavations in the Plain of Antioch, I, OLP, London, 1960, с. 271, 3.

³² Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 65, рис. 22; с. 66, рис. 24; с. 67, рис. 26.

³³ Е. А. Байбуртян, Орудия труда древней Армении, Изв. Арм. ФАН СССР, 1933, № 1, рис. 14—24, 69 (на арм. яз.); С. Сардарян, Первобытное общество в Армении, Ереван, 1967, с. 172, табл. XLVII, рис. 5—11; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трналетии..., с. 447, табл. СХIX; Э. В. Ханзадян, ук. соч., табл. II—IV, VI, рис. 28; *её же*, Разведочные раскопки близ Кировакана, Изв. АН АрмССР, 1962, № 10, с. 81 (на арм. яз.).

³⁴ С. А. Сардарян, ук. соч., с. 175, рис. 3; Т. С. Хачатрян, ук. соч., рис. 39—41; R. J. Braidwood and L. S. Braidwood, ук. соч., с. 372, рис. 289, 3.

³⁵ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубиншвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, с. 165.

³⁶ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 39—40.

олиты во всей Передней Азии, в частности, на территории Закавказья, указывают на то, что истоки раннебронзовой культуры Армянского нагорья можно искать на месте и процесс ее развития происходил параллельно с развитием синхронных переднеазиатских культур³⁷.

Основными видами хозяйства племен эпохи ранней бронзы Ташир-Дзорагета являлись земледелие и скотоводство. Характер сельскохозяйственных орудий и дошедшие до нас остатки пищи указывают на то, что ведущая роль в этот период принадлежала злаковому хозяйству³⁸. Пшеница и ячмень высевались вместе, их изучение позволяет заключить, что климат Закавказья III тыс. до н. э. был более влажным, нежели в исторические времена³⁹. Найденные косточки некоторых фруктов указывают на их культурное выращивание уже в это время⁴⁰.

Раскопками на поселении Коси-Чотер обнаружены кости животных, позволяющие говорить о составе стада его древних обитателей. Здесь определены два индивида очень больших крупнорогатых (*Bos taurus*), бык (*Bos primigenius*), буйвол (*Babulus*), козы (*Capra*), овцы (*Ovis*), лошадь (*Equus caballus*), свинья (*Sus serofa*)⁴¹. Близкие к поселениям пастбища не удовлетворяли растущих потребностей животноводства и поэтому стада летом необходимо было гнать в горы, на богатые пастбища, что придавало скотоводству яйлажный характер⁴². Об этой форме развития скотоводческого хозяйства свидетельствуют петроглифы армянских гор, создателями которых, несомненно, являлись ранние земледельцы и скотоводы раннебронзового периода⁴³.

Бурное развитие скотоводства в определенной мере умалило жизненную значимость охоты, однако полностью вытеснить ее не

могло в такой области как Ташир-Дзорагет, где леса и обилие диких животных предоставляли большие возможности для охотников. Об этом свидетельствуют найденные в Коси-Чотере костные остатки диких животных — благородного оленя (*ceruus elaphus*), дикого козла (*Capriolus*), серны (*Capra aegagrus*), косули (*Capreolus capreolus*). Не менее ярко говорят об этом замечательные сцены охоты, сохранившиеся на петроглифах Армении⁴⁴.

Область Ташир-Дзорагет являлась одним из связующих звеньев между очагом культуры III тыс. до н. э. — Араратской равнины и возвышенными северными провинциями Армянского нагорья. Армянское нагорье с древнейших времен являлось одним из крупнейших металлургических центров. Народы процветающих цивилизаций Древнего Востока, будучи лишенными металлических руд, держали путь в Малую Азию и на Армянское нагорье, которые поставляли им медь, олово, железо, серебро, золото. Древнейшими металлургическими центрами были Ритуниские горы на берегу озера Ван, Джуламеркские и Сасунские горы. Эти горные области долгое время оставались также транзитными торговыми центрами⁴⁵.

За последнее десятилетие раскопки древнейших поселений Чатал-Уюк (Малая Азия) и Чайюню-Тепеси (Армянское двуречье) отодвинули начало металлургии к VII—VI тыс. до н. э. и указали родину ее возникновения⁴⁶. Е. Черных предполагает, что вся медь раннебронзовой культуры Северного Кавказа привезена из Закавказья и что для развития ранней металлургии Восточной Европы одним из важных стимулов была деятельность «куроаракских» мастеров III тыс., которые в начале этого периода использовали закавказскую медь. Влияние это продолжалось с начала III и до середины II тыс. до н. э.⁴⁷.

Ц. Н. Абесадзе, изучая химический состав металлических предметов из памятников южной Грузии на рубеже III и II тыс. до н. э., а также из Триалети II тыс. до н. э., находит, что существовали две микропроизводственные мастерские, которые использовали руды различных химических составов. Она допускает, что одна из них использовала мышьяковистую

³⁷ А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К интерпретации энеолитической культуры Армении, ВОН, 1967, № 3, с. 52—62 (на арм. яз.); Р. М. Торосян. Раскопки поселения Техут, ИФЖ, 1968, № 1 (на арм. яз.).

³⁸ С. А. Сардарян, ук. соч., с. 230—235; Э. В. Ханзян, Культура Армянского нагорья..., с. 33—35.

³⁹ Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, СА, XI, 1949, с. 173; его же, Археология Закавказья, с. 32—33.

⁴⁰ Б. Н. Аракелян, Гарин, I, Ереван, 1951, с. 25; Т. Н. Чубинишвили, О некоторых особенностях древних культур Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.), Тезисы докладов, Тбилиси, 1971, с. 51.

⁴¹ Определение остеологического материала произвела С. К. Межлумян.

⁴² Б. Б. Пиотровский, Основные этапы древнейшего земледелия в Армении, ИФЖ, 1961, № 3—4, с. 110; его же, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, 1955, с. 6.

⁴³ А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян, Наскальные изображения Гегамских гор, Ереван, 1971, с. 26.

⁴⁴ Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, Наскальные изображения Сюника, Ереван, 1970 (на арм. яз.); А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян, Наскальные изображения..., с. 49—50.

⁴⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы... с 29; М. Dunand, Vuyblos, Vuybouth, 1968, с. 20, 21, 26.

⁴⁶ Е. Н. Черных, Первый металл планеты, Наука и жизнь, М., 1968, № 2, с. 33—37.

⁴⁷ Е. Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы, М., 1966, с. 47—50; его же, Спектральный анализ и изучение древнейших металлургий Восточной Европы, Археология и естественные науки, М., 1965, с. 101—103.

полиметаллическую медную руду Алаверди и Ахталы⁴⁸.

Несмотря на свою слабую изученность, памятники III тыс. до н. э. Ташир-Дзорагет представляют исследователям почти все образцы металлического производства эпохи ранней бронзы (топоры-клевцы, трубчато-

обушные и вислобушные топоры, кинжалы, копья). Это позволяет предполагать, что в вывозе закавказского металла область Ташир-Дзорагет, где большинство распространенных медных и полиметаллических месторождений эксплуатировалось с древности, бесспорно занимала видное место.

Приведенные материалы показывают, что Ташир-Дзорагет являлся одним из самобытных культурных очагов Армянского нагорья и играл, наряду с другими районами Кавказа, большую роль в общем развитии культурных центров Передней Азии.

⁴⁸ Ц. П. Абесадзе, Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо-Картли; *ее же*, К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры, Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов, I, Тбилиси, 1974, с. 18—64 (на груз. яз.).

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Несмотря на то, что за последнее десятилетие в Закавказье число открытых памятников эпохи средней бронзы значительно увеличилось, на территории Армении они выявлены все еще в незначительном количестве. Сказанное полностью относится к области Ташир-Дзорагет. Вместе с тем именно здесь находятся некоторые уникальные погребения, в которых обнаруживаются произведения искусства местной, малоазийской и переднеазиатской художественных школ. Как отмечает Б. Б. Пиотровский, эти погребения принадлежат вождям богатых скотоводческих племен, осуществлявших обменные связи со странами Востока, в частности, с восточными районами хеттского государства¹. Блестящая, полная своеобразия культура эпохи средней бронзы Закавказья была впервые открыта и омыслена в конце 30-х годов Б. А. Куфтиним, исследовавшим в Триалети серию богатых курганных погребений вождей местных племен. Тогда эти памятники казались уникальными. Однако уже в 1948 г. во время строительных работ было случайно открыто погребение того же облика на территории Армении, в г. Кировакане. Раскопки его осуществлялись Б. Б. Пиотровским. Таким образом стало очевидным, что памятники Триалети не единичны; это открывало широкую перспективу для новых археологических исследований.

Однако значительный территориальный разрыв между названными двумя пунктами закономерно приводил к вопросу—развивалась ли эта культура лишь в определенных локальных очагах или она имела сплошное распространение. Еще до начала систематических раскопок памятников эпохи средней бронзы на территории Армении решению этого вопроса в определенной мере способствовала выявленная главным образом при случай-

ных обстоятельствах серия предметов, принадлежность которых к этому периоду не вызывает сомнений. Это фрагменты монохромной расписной посуды, обнаруженные Н. Я. Марром еще в 1893 г. в могилах Ворнака, изящные бронзовые рапиры возможно эгейского происхождения из Дзорагеса и Гачагана², набор золотых и серебряных украшений из погребения в Узулларе, а также керамика из с. Лорут. К числу украшений узунларского погребения относится золотой «медальон»³, напоминающий своим декором украшение золотых диска и листа из курганов XVI и XVII Триалети⁴, гофрированные трубочки из золотой фольги, аналогичные украшениям из погребения № 36 Топ-кара⁵, бронзовый кинжал сопоставляющийся вместе с аналогичными находками из михетских курганов⁶ с крито-микенскими и восточно-альпийскими мечами-рапирами⁷.

Кироваканское курганный погребение (Гугаркский район), находящееся в зоне исследуемой нами обширной области Ташир-Дзорагет, заслуживает особого внимания как памятник, остающийся все еще узловым для периода средней бронзы⁸, поэтому остановимся на нем несколько подробнее. Погребение

² Т. Пассек, Б. Латынин, Очерк по истории Северного Азербайджана, ИОИНА, № 3, 1926, Баку, с. 140; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 70—71.

³ С. Г. Деведжян, Некоторые золотые и серебряные предметы Ташир-Дзорагета эпохи бронзы, ВОН, 1966, № 12, с. 104, табл. 1.2, табл. П 6 (на арм. яз.).

⁴ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, с. 441, табл. С111, с. 99, рис. 105 и 106.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, с. 15, табл. XIVa.

⁶ Там же, с. 99.

⁷ А. А. Захаров, Малая Азия и эгейский мир, Труды секции археологии, РАНИОН, II, М., 1928, с. 33, рис. 1—4, табл. П.

⁸ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, с. 46—47.

¹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, с. 46—47; его же, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, М., 1955, с. 5—6; его же, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, 1955, XXIII, с. 7.

оказалось грунтовым, камера имела площадь 30 кв. м, глубину 3 м, перекрытие было каменным на деревянных опорах. В центре камеры на деревянном катафалке находился прах кремнированного покойника. В двух углах камеры оказались черепа и конечности волов.

Исключительные по своей научной значимости материалы кироваканского погребения⁹ были в свое время изучены А. А. Мартиросяном¹⁰. Однако детальной интерпретации этот комплекс до сих пор еще не получил.

Керамика кироваканского погребения представлена двумя группами: красной расписной и черной лощеной.

Семь сосудов первой группы имеют красную лощеную поверхность, покрытую черной росписью. Шесть из них—высокие «гидрии», шейки которых расписаны вертикально спускающимися волнистыми линиями, кругами, треугольниками, заполненными волнами. Есть также ромбы с двумя коцентрическими кругами в центре. Керамика с подобными орнаментальными мотивами имеет большое распространение в памятниках эпохи средней бронзы (Эчмиадзин, Заринаш, Тазакенд, Триалети¹¹) и в других местах.

Среди сосудов интересна чаша, расписанная поясом, состоящим из тройного ряда полукружий. В материалах ранней бронзы имеется сходный орнамент, однако этот мотив находит особенное распространение в эпоху средней бронзы. Аналогичные чаши обнаружены в Эчмиадзине, Эларе, Гарни, Тазакенде, Воскевазе, Мугни, Триалети и в других памятниках¹².

Среди черной лощеной керамики выделяются крупные, с широким корпусом, высокие сосуды, большей частью орнаментированные¹³.

Плечики этих гидрий опоясывают зигзаги, треугольники, меандры, спускающиеся от горла прямые ленты, заполненные прямыми или косыми точечными линиями, нанесенными штампом. Встречаются также ряды отштампованных круглых ямочек или треуголь-

ники, заполненные ямочками, а также рельефные «пуговицы».

На некоторых керамических изделиях геометрические формы исполнены врезным способом, что, кстати, встречается в памятниках, датированных несколько более ранним периодом¹⁴.

Напомним, что гребенчатым штампом выполнен декор значительной части черной лощеной керамики эпохи средней бронзы, что демонстрируют сосуды Гарни, Элара¹⁵, Лори-Берда, Триалети¹⁶. Декор, выполненный круглым штампом, присутствует в памятниках Триалети и Лори-Берда.

Пять мисок из Кироваканского комплекса—типичная кухонная посуда, аналогии которой известны из Лори-Берда, Гарни, Элара¹⁷ и рядовых погребений Эчмиадзина¹⁸.

Металлические предметы кироваканского погребения представлены не только известными триалетскими формами, но являются нам также новые образцы металлургии эпохи средней бронзы. В погребении обнаружено три бронзовых кинжала и наконечник копья¹⁹. Последний заканчивается полый втулкой. Ближайшая его аналогия—копье из XV кургана Триалети²⁰. Б. А. Куфтин и К. Шеффер, сравнивая триалетское копье с копьями Рас-Шамры-I, датируют его XVI—XV вв. до н. э.²¹ А. А. Мартиросян, принимая ту же датировку²², считает эти копья привозными, сирийского происхождения.

Золотая чаша Кироваканского комплекса изготовлена из куса золотой пластины. В широкой части чаши, между двумя орнаментированными поясами, вычеканены шесть выпуклых львиных фигур, стоящих с разнутой пастью попарно друг против друга. Чаша по форме похожа на золотую недекорированную чашу из VII кургана Триалети²³, а аналогичных стилизованных львов можно увидеть на золотом «барабане» XV кургана²⁴. Следует

⁹ Там же.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 46—47; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 64—66.

¹¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, табл. LXXXII; К. Х. Кушнарева, Тазакендский могильник в Армении, СА, 1960, № 1, с. 141, рис. 3—14; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 68, табл. II, рис. 1, 2.

¹² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 68, табл. II, рис. 6—8; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. LXXXI; К. Х. Кушнарева, ук. соч., с. 141, рис. 3—7; Г. Е. Арешян, Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века, СА, 1973, № 4, рис. 1—2.

¹³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. I.

¹⁴ Э. В. Ханзадян, Гарни, IV, с. 110, рис. 91, 92.

¹⁵ Там же, с. 108, рис. 91; с. 112, рис. 94, 95; табл. XXV, XXXI.

¹⁶ О. М. Джанаридзе, Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг., СА, 1964, № 2, с. 114, рис. 14.

¹⁷ Э. В. Ханзадян, Гарни, IV, табл. XXV, 4.

¹⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 69.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 47.

²⁰ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. CVI.

²¹ Б. А. Куфтин, Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетии и Имеретии, Тбилиси, 1949, с. 73.

²² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 64.

²³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 437.

²⁴ Там же, с. 435, табл. С.

отметить, что львы на кироваканской чаше стилизируются мастерством исполнения, изяществом, точностью деталей. Стиль изображений перекликается с характером трактовки животных на кубке из V кургана Триалети²⁵, а также с некоторыми памятниками хеттского искусства²⁶. По своему стилю определенное сходство с нашими львами имеют также фигуры животных на серебряной чаше, найденной в погребении Майкопа²⁷. Как известно, этот комплекс несколько предшествует нашим памятникам²⁸.

Кироваканская чаша формой своей напоминает маленькие керамические чаши II группы Узерлик-Тепе, которые являются подражанием металлическим формам²⁹.

Изяществом и простотой исполнения выделяется также полусферическая серебряная чаша, орнаментированная семью рядами вписанных друг в друга полукружий. Орнамент этот—повторение в металле гирлянд на красных расписных керамических чашах.

Весьма интересны два серебряных кубка с ручками, по ряду деталей сопоставляющиеся с серебряным ведерком с великолепной чеканкой³⁰. Эти изделия, характеризующиеся высоким положением ручек, Г. Арешян сравнивает с расписными чашами Воскеваза, имеющими аналогичные ручки. Формы эти имеют свои аналоги в малоазиатской и греческой керамике начиная с V тыс. до н. э. и находят особенно большое распространение в Малой Азии в хеттский период. Кубки цилиндрической формы имеют свои аналоги в керамике хеттского стиля Аладжа-Уюка (вторая половина II тыс. до н. э.) и в западных частях Малой Азии. Основываясь на этих данных, исследователи считают предметы эти ввезенными³¹.

Любопытно также маленькое серебряное ведерко цилиндрической формы с вогнутым корпусом и длинной подвижной дужкой. Формой корпуса оно напоминает кубок из XVI погребения Триалети³², некоторой вогнутостью—сосуды Аладжа-Уюка, а катушечной частью дужки и формой дна—кубки Вафио³³.

В погребении Кировакана был обнаружен также ряд бронзовых орудий. Это асимметричный топор-секира, являющийся прототипом закавказских секир эпохи поздней бронзы. Аналоги последнего известны из с. Навур³⁴, Грма-Гелс³⁵, Хоредж³⁶. Ранние формы этих топоров—прямые продолговатые орудия обнаружены в ряде памятников Кавказа III тыс. до н. э.³⁷.

Кироваканский стоярный топорик сравнительно короток и представляет II фазу развития этого орудия (после орудий приреванского клада), которое сохраняя еще свою архаичность, в то же время подходит к формам эпохи поздней бронзы.

Обнаруженное бронзовое долото дополняет ряд стоярных инструментов этого погребения. Подобные долота многочисленны в памятниках эпохи поздней бронзы (Лчашен, Севан, Такна, Толорс, Ходжалы, Арачадзор и др.).

Хорошо сохранился медный котел, склепанный из отдельных листов меди. Котел служил для варки ритуального мяса во время похоронной церемонии и был установлен в погребении как необходимый обрядовый предмет, так как точно такие же котлы были обнаружены в Лори-Берде и в XV кургане Триалети³⁸.

С котлом надо связать бронзовый крюк, который, без сомнения, служил для извлечения кусков мяса из котла.

Обнаруженные в погребении три кинжала имеют архаичный облик. Первый из них листовидной формы с тремя отверстиями на черенке имеет свои аналоги в находках Чобисхеви³⁹, Новосвободной⁴⁰. Кинжалы этого типа использовались в Месопотамии, начиная с раннединастического периода. Форма эта имела распространение в северной Ассирии, Киликии и на Кипре. В центральной части

²⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 61, рис. 26, с. 64, рис. 29; С. А. Есаян, Оружие и военное дело Древней Армении, Ереван, 1966, с. 33—34.

²⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 18, рис. 20.

²⁷ В. Г. Котович, В. М. Котович, Находки древних бронзовых топоров в Дагестане, сб.: «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, с. 79, рис. 2—3.

²⁸ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян, Приреванский клад древней бронзы. КСИИ, в. 134, М., 1973, с. 122; ОАК за 1898, табл. II, 23; табл. III, 35, 36; табл. IV, 53; А. А. Нессен, К хронологии..., с. 171, рис. IV—I.

²⁹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. IXV и IXVI.

³⁰ Т. И. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе, Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавახети) в 1953—1955 гг., СА, 1957, № 4, с. 126, рис. 62.

³¹ ОАК за 1898, с. 39, рис. 60.

²⁵ Там же, табл. XCI.

²⁶ E. Akurgal, The art of the Hittites, New York, с. 113—114.

²⁷ ОАК за 1897, с. 7, рис. 26.

²⁸ А. А. Нессен, К хронологии «Больших кубанских курганов», СА, XII, 1950, с. 162; Р. М. Мунчаев, Кавказ на заре бронзового века, М., 1975, с. 197.

²⁹ К. Х. Кушнарева, Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама, МИА, № 67, рис. 13, рис. 1—3, рис. 15—3.

³⁰ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 411.

³¹ Г. Е. Арешян, ук. соч., с. 45—47.

³² Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. CII.

³³ Г. Е. Арешян, ук. соч., с. 48.

Малой Азии они появляются в начале II тыс. до н. э. Последний образец был найден в Тарсоне (1700—1650 гг. до н. э.)⁴¹. Лучшие их аналоги известны из Рас-Шамры.

Второй кироваканский кинжал, похожий на первый, имел одно отверстие на черенке. Эта форма в западной и центральной частях Малой Азии бытовала во второй половине III тыс. до н. э. Третий кинжал ромбического сечения фрагментирован. Этот тип известен из слоя эпохи ранней бронзы Язылыккая (Малая Азия).

К ценным предметам кироваканского погребения относятся золотые бусы, для изготовления которых необходимы были техническая изобретательность, усовершенствованные и точные инструменты и, тем более, традиции ювелирного искусства, большое мастерство и высокий вкус. Эти бусы изготовлены, в основном, из двух одинаковых дисков; каждый из них сжимали в полусфере, выдолбленной в камне или металле. Готовую полусферу опускали в смолу, изнутри чеканили, затем обе части соединяли друг с другом⁴².

Для изготовления бусинок продолговатую золотую трубочку заполняли смолоподобным веществом, затем посредством удара заостряли оба конца, придавая этим эллипсоидную форму, далее с лицевой стороны чеканились концентрические пояса, зигзагообразный и точечный декор.

Среди бус встречаются разделители из трех отдельных эллипсоидных бусинок, собранных затем в ряд и заключенных с двух концов в оправу. Эти разделители были назначены в различных частях составленного из трех рядов мелких сердоликовых бус-монист. Более поздние предметы такой же формы, выполненные в бронзе и имеющие значительно большие размеры, мы находим в Лори-Берде, а из олова — в Лчашене.

В Кировакане было обнаружено большое количество лент из золотой фольги, которые обычно использовались для обшивки поверхностей деревянных или бронзовых предметов. На наших лентах нет следов окиси бронзы. По всей вероятности, ими была обшита деревянная шкатулка. Шкатулка, обшитая золотыми листами, была найдена в III кургане Триалети, где она имела также отдельные деления, никрустированные цветными камнями⁴³.

Деревянный катафалк кироваканского погребения украшали многочисленные брон-

зовые заклепки с широкими головками круглой и сердцевидной формы, покрытые серебряными пластинками. Напомним, что покрытые предметы, изготовленных из недорогих материалов, тонкими золотыми и серебряными пластинками, использовали еще древние египтяне⁴⁴. В царских погребениях Ура можно увидеть обшитые золотыми листами фигурки животных. Обнаруженные в храме обелески Библа (XIX в. до н. э.) бронзовые статуэтки воинов были покрыты очень тонким слоем золота⁴⁵. Наконец, в погребениях Триалети, весьма связанных с нашими материалами, встречены золотые и серебряные декорированные листы, которыми были покрыты бронзовые и деревянные предметы⁴⁶.

В кироваканском погребении были найдены многочисленные сердоликовые бусы различные по величине и форме; часть их имеет цилиндрическую форму, полученную методом резки, другая часть закруглена и отполирована.

Обнаруженные в погребении желтоватые каменные крышки закрывали «гидрии». Они имеют параллели в погребениях Эчмиадзини⁴⁷, Лорута, Ахмети (восточная Грузия) и в других местах.

* * *

Начиная с 1969 г., автором настоящей книги производятся систематические раскопки в Степанаванском районе Армянской ССР. Основным объектом работ явился древний могильник в с. Лори-Берд, в 3 км от г. Степанавана. Параллельно с раскопками могильника проводилось исследование древнего поселения, расположенного к северо-востоку от с. Лори-Берд, на высоком левом берегу реки Мисхана. Здесь, на возвышенном плато, напротив нынешнего с. Лори-Берд, ясно видны следы древнего поселения с циклопическими четырехугольными постройками, которые занимают территорию в несколько гектаров. На территории поселения также имеются погребения, отмечающиеся в виде холмов или низких выложенных галькой кругов. Произведенные в 1973 г. контрольные раскопки показали, что относящиеся к эпохе средней бронзы поселение и синхронные ему погребальные памятники были разрушены хозяйством с. Леджан и Агарак в результате освоения новых посевных земель, а также при прокладке шоссе дорог.

Если идти вдоль течения Мисханы, начиная с с. Лори-Берд, справа и слева, на возвы-

⁴¹ D. B. Stronach, The development and diffusion of metal types in early bronze age Anatolia, AS, vol VII, 1957.

⁴² С. Г. Деведжян, Некоторые золотые и серебряные предметы..., с. 105, 108, табл. 1, рис. 7—10, 14.

⁴³ О. М. Джанаридзе, Археологические раскопки в Триалети..., с. 114.

⁴⁴ А. Лукас, Материалы и ремесленные производств Древнего Египта, М., 1958, с. 360.

⁴⁵ M. Dunand, Byblos, Beyrouth, 1968, с. 24.

⁴⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети..., с. 99, рис. 105, табл. СIII, CIV.

⁴⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 69.

шенных склонах заметны развалины циклопических крепостных стен, а местами, справа, видны основания стен толщиной 7 м, которые спускаются вертикально до ее русла. Это указывает на то, что древние жители Ташратапа не довольствовались окружающим их естественным оборонительным поясом и воздвигли несколько рядов ограждений, закрыв тем самым путь для нападения со стороны ущелья. В целом же в результате еще неоконченной разведки древнейших крепостей в Ташир-Дзоргаге зафиксировано 14 крепостей-

С целью выяснения датировки поселения, его стратиграфии и особенностей архитектурной планировки, была раскопана одна из наиболее хорошо сохранившихся построек, расположенная в 60—70 м к востоку от нового моста, напротив здания клуба.

Во время полевых работ обнаружилось, что самое раннее жилище на раскопанном участке было основано в эпоху средней бронзы. Оно было заселено вторично в 1 тыс. до н. э. В середине века здесь располагались жилые кварталы г. Лорэ. Постоянные перестрой-

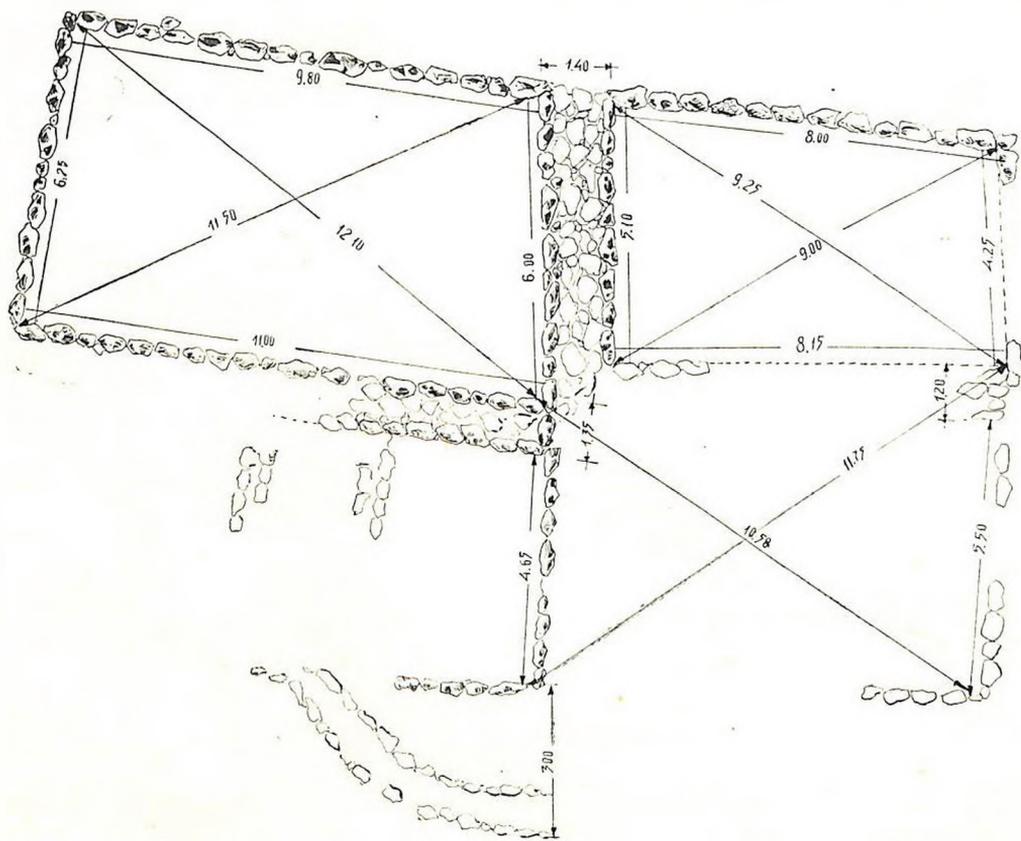

Рис. 1.

последней, из которых 10 находятся в Туманянском, 3—в Степанаванском, одна в Калининском районах⁴⁸.

Еще до начала раскопок на поверхности земли выбранного для исследования участка были заметны следы четырехугольных строений с широкими стенами, сооруженными пачухо из больших необработанных камней. Недалеко от поселения, на склоне у реки, заметны остатки оборонительных сооружений и террасы.

⁴⁸ Разведки проводились Г. А. Микасяном.

ки и естественные разрушения нарушили первичную планировку здания, а также последовательность культурных слоев. Тем не менее раскопанное жилище эпохи средней бронзы (№ 1) дало некоторый материал относительно строительства в указанный период. В плане оно имеет вид неправильного прямоугольника. Длина северо-восточной стены—24 м, юго-восточной—26 м. Это громадное продолговатое помещение разделено продольными и поперечными перегородками на 4 комнаты. Ширина внешних стен здания 2,5 м

(рис. 1), толщина перегородок—1,20 м. Разбросанные по углам здания камни и очертания фундамента в этих местах позволяют предположить, что существовали контрфорсы. К центральной части восточной стены с внешней стороны примыкала забутованная камнями площадка, имеющая форму четверти круга (3 м в широкой части), служила, по-видимому, платформой. Раскопками были раскрыты контуры сохранившихся стен, около которых обнаружены остатки ранней и средневековой керамики в смешанном состоянии.

на поверхности, и проложен разведочный шурф в ее северо-восточном участке, содержащем наибольший культурный слой. Оказалось, что основание первобытного строения использовалось в дальнейшем. Об этом свидетельствует средневековая стена, проходящая через центр комнаты. Следует отметить, что под упомянутой стеной были также обнаружены обломки глазурованного средневекового сосуда. Образцы матерьяльной культуры, полученные из проверочного шурфа, состояли из смешанных обломков средневековой керамики и керамики VIII—VI вв. до н. э. Разрушенность культурного слоя под-

Рис. 2.

Полностью раскопана только комната № 2, имеющая вид неправильного прямоугольника (рис. 2). Длина ее—8 м и 8,15 м, ширина—5,10 м и 4,25 м. В юго-западном углу комнаты культурный слой полностью смыт, на других участках имеет различную мощность. Самый толстый слой (60 см) оказался в северном углу. В восточном и западном углах слой колеблется от 20 до 40 см. На полу комнаты находились камни обвалившейся северо-восточной стены. Пол был вымощен мелким галечником и покрыт желтой глиняной обмазкой. Ниже пола материк—почва и скала.

Среди образцов матерьяльной культуры, обнаруженных в этом жилище, большую часть составляли обломки разнообразной глиняной посуды; встречены также каменные орудия труда, наконечник стрелы, оселки, изготовленные из обработанного камня, зернотерки, гладилки и т. д.

С целью выяснения характера комнаты № 1, смежной с севера с комнатой № 2, были раскрыты контуры каменных стен, видимых

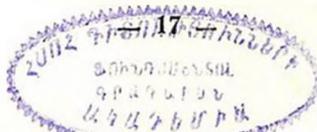
твердилась также обнаружением средневекового мощеного плитками пола на дне шурфа.

В траншеях, заложенных в комнатах № 3 и 4, была найдена почти исключительно средневековая посуда.

Среди находок на поселении наибольший интерес для нашей темы представляют предметы, находившиеся на полу комнаты № 2. Это наконечник стрелы, каменные орудия, керамика (табл. I).

Наконечник изготовлен из непрозрачного черного обсидиана, имеет треугольную форму, обе поверхности мелко и гладко отретушированы; в разрезе он овальный, часть основания обработана методом давления, в результате чего появилось четырехугольное углубление. Длина его 4 см. Наконечники стрел подобной формы, изготовленные тем же способом обработки, известны по среднебронзовому периоду и обнаружены в Эчмиадзине⁴⁹, Узерлик-

⁴⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 69, рис. 34.

Тепе⁵⁰, Кети⁵¹ и в других синхронных поселениях.

В обнаруженной коллекции оказался кремневый вкладыш серпа в форме полумесяца, с зубчатым рабочим краем и гладко отретушированными поверхностями. Длина 6,2 см. Вкладыши подобной обработки известны еще по находкам в слоях ранней бронзы Шенгавита⁵². Встречены они в могильнике эпохи средней бронзы в Кети⁵³ и в нижнем слое синхронного поселения Узерлик-Тепе⁵⁴.

Одни из скребков изготовлен из темно-дымчатого прозрачного обсидиана, он треугольной формы, имеет длину 4,5 см, в ширину 3,2, обработка односторонняя. Другой также из прозрачного дымчатого обсидиана, в разрезе треугольной формы, поверхность спинки—двускатная. Вся окружность скребка кроме ударной части обработана мелкой, наклонной, заостряющей ретушью. Параллели этому орудью найдены во многих древних земледельческих поселениях Кавказа (Хатунарх, Цахкунк, Шулаверн), Передней и Средней Азии (Тель-Халаф, Тель-Джудейде, Чатал-Уюк, Джейгун).

В коллекции имеется пять оселков, три из которых изготовлены из валуна с гладкой поверхностью, в поперечном разрезе овальные. Два—из черного валуна; у одного, длиной 5,2 см, шириной 1,8 см также овального в разрезе, в центральной части имеется круглое отверстие диаметром в 3 мм. На нем следы нескольких ударов острого орудия, подтверждающего использование его в качестве оселка. Подобный оселок был также обнаружен при раскопках Узерлик-Тепе⁵⁵. Другой оселок имеет в поперечном разрезе трапециевидную форму (длина 9,7 см, ширина 1,2 см); отверстия отсутствуют.

Встречены также ступки и зернотерки. Ступки изготовлены из базальта, четырехреберные (длина 10—12 см), рабочая часть выщипанная, на одной из них заметны красные следы, по-видимому, от размельчавшейся красной охры. Эти орудия часто встречаются в поселениях, датируемых III—первой половиной II тыс. до н. э. От зернотерок дошли только терочники, сделанные из пористого базальта. В длину имеют 27,5 см и 30 см, высота—9 см и 5,5 см. На верхней части вто-

рого терочника небольшая гладкая поверхность—результат долгого использования.

Из костяных предметов найдено только одиннадцатисантиметровое шило. Такие орудия очень распространены в памятниках III—II тыс. до н. э.⁵⁶

Из обломков керамики, лежащей на полу комнаты № 2, наибольший интерес представляют чернолощенные образцы, имеющие различные орнаменты, нанесенные гребенчатым штампом. Это обломки крупных шаровидных горшков, или тонких чашек, с серой или черной «подкладкой», изготовленные на гончарном круге. На их поверхности имеются крупнозубчатые орнаменты в виде двух полос, углов, нерегулярных меандров и прямых линий. Два обломка глиняного сосуда средней величины декорированы треугольным орнаментом, заполненным в одном случае равномерными, в другом неравномерными горизонтальными и вертикальными линиями, нанесенными гребенчатым штампом. Обломок чаши с пунктирными волнами под бровкой имеет также два неглубоких бороздчатых пояса.

Эта керамика с ее характерным орнаментом имеет множество аналогий в закавказской керамике эпохи средней бронзы из таких памятников, как Лчашен⁵⁷, Кети⁵⁸, Арчи⁵⁹, Айгешат⁶⁰, Шамирам⁶¹, Узерлик-Тепе⁶² и др.

Хотя жилище еще не раскопано полностью, его широкие стены, кладка из крупных камней, следы оборонительных сооружений позволяют утверждать, что это строение сложено циклопической кладкой, а поселение является крепостью циклопического типа, очень плохо сохранившейся потому, что она была обитаема в течение длительного времени.

Существование циклопических крепостей в Армении, судя по археологическим материалам, наблюдается начиная с III тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. и позднее эти крепости продолжали оставаться неприступными укрепленными поселениями местных племен.

Поселение Лори-Берда, исходя из полученных ранних материалов, относится к XVII—XV вв. до н. э. Оно очень хорошо увязывается также с наиболее ранним погребением № 6 Лори-Бердского могильника, уникальная камера которого имеет архитектурное

⁵⁰ К. Х. Кушнарера, Поселение эпохи бронзы... с. 408, рис. 17—4.

⁵¹ Л. А. Петросян, Новые памятники средней бронзы, ИФЖ, 1976, № 3, с. 256, табл. II (на арм. яз.).

⁵² С. Г. Сардарян, Первобытное общество в Армении, Ереван, 1967, с. 172, рис. 1—4.

⁵³ Раскопки Л. А. Петросяна, материал не издан.

⁵⁴ К. Х. Кушнарера, Новые данные поселения Узерлик-Тепе, МИА, 125, М.—Л., 1965, с. 78, рис. 9 (8—14).

⁵⁵ К. Х. Кушнарера, Поселение эпохи бронзы..., с. 408, рис. 17, 11.

⁵⁶ К. Х. Кушнарера, Новые данные..., с. 8, рис. 10 (8).

⁵⁷ А. А. Мнацаканян, Основные этапы развития культуры Лчашена, ИФЖ, 1965, № 2, табл. 3, 4—8 (на арм. яз.).

⁵⁸ Л. А. Петросян, Новые памятники..., с. 256, табл. 2.

⁵⁹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, рис. 60, 73.

⁶⁰ Раскопки Р. М. Торосяна.

⁶¹ Раскопки Г. Е. Арешяна.

⁶² К. Х. Кушнарера, Новые данные..., рис. 24—25.

строение, близкое циклоническим сооружениям.

* * *

Наши основные археологические раскопки были сосредоточены на обширном могильнике, на территории которого находится с. Лорри-Берд. В свое время могильник занимал площадь около 2 кв. км. Погребения доходят до крепостных стен средневекового города—крепости Лорэ. Развалины последнего стоят на треугольном высоком неприступном мысу. Плато омывается с востока рекой Мисхана, а с юга—притоком реки Дебед, Дзорагетом.

ительства, археологические работы были сосредоточены именно здесь.

Раскопки показали, что погребения Лорри-Берда расположены беспорядочно, на разном расстоянии друг от друга. Это были курганы или кромлехи с кольцевой каменной оградой. Курганы имеют в диаметре от 2 до 12 м и высоту 0,5—2 м, а диаметр кромлехов—4—15 м. Большая часть раскопанных до сих пор погребений относится к периоду поздней бронзы и раннего железа, однако исследованное в 1971 г. погребение № 6 показало, что захоронения в могильнике начались в последние века эпохи средней бронзы.

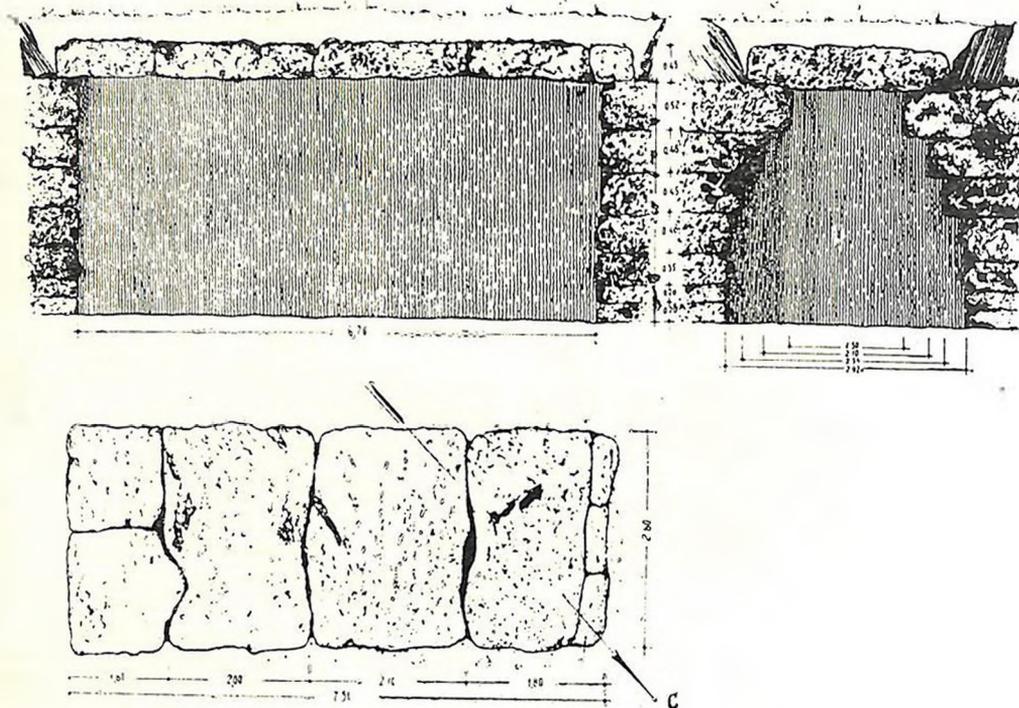

Рис. 3.

Обе эти бурные горные реки образуют на своем пути глубокие ущелья. Это исконный Таш-ратап—уютная долина, окруженная со всех сторон горами. Условия здесь способствуют развитию земледелия и скотоводства.

Могильник расположен по обе стороны шоссе, ведущего в село. К сожалению, та часть памятника, которая осталась под деревней или используется как пахотная земля, навсегда пропала для науки, поскольку современная техника полностью снесла насыпи курганов и даже покрывающие их плиты. В сравнительно лучшем состоянии находится часть могильника, используемая под пастбище и покос. Несмотря на то, что и отсюда было унесено немало количество камней для стро-

Первое погребение (№ 1) этого времени было открыто осенью 1968 г. И. Гарибяном случайно, при исследовании средневекового городища Лорэ. Находится оно по правую сторону шоссе, ведущего в село, на расстоянии от него примерно 30—40 м. Внешне это круг диаметром 14 м, выложенный по контуру камнями. На глубине 20 см от поверхности земли были выявлены огромные плиты перекрытия. Как выяснилось, погребальная камера была ограблена в средние века поэтому находок в ней не оказалось. Однако погребение замечательно своим архитектурным строением (рис. 3). Это—прямоугольная каменная камера, ориентированная с северо-запада на юго-восток; длина ее 6,7 м, ширина—2,92 м,

глубина—2,6 м. По дание стены выложены необработанными камнями средней величины в 7 рядов. Каждый верхний ряд, начиная со второго, несколько смещен вперед под некоторым углом, вследствие чего в последнем ряду противоположные стены приближаются друг к другу, образуя ложный свод и уменьшая пролет. На них и были уложены четыре плиты перекрытия. Торцовые стены имели обыкновенную вертикальную кладку.

В 1969—1973 гг. было расконано 13 погребений. Исследованные погребения представляют собою каменные ящики или, за некоторым исключением, грунтовые ямы. Своим архитектурным строением особенно выделяются погребения № 1, 2, 6, 7 и 9, которые имели большие камеры и дали великолепные образцы материальной культуры эпохи средней и поздней бронзы. Не меньший интерес представляли также грунтовые или полугрунтовые могильники средней величины (№ 4, 11, 12) эпохи раннего железа, выделявшиеся обрядом захоронения и уникальными предметами, находящимися в них.

В этих погребениях сплошь и рядом фиксируется наличие повторных захоронений (относящихся, в основном, к VII—VI вв. до н. э.) и последствия систематических грабежей. Это обстоятельство, к сожалению, значительно обеднило и исказило содержание гробниц—исчезли плиты перекрытия, нарушилось первоначальное положение скелетов и погребального инвентаря, исказились обряд захоронения, исчезли драгоценности, была разбита вся керамика. И тем не менее, составить представление о конструкции этих погребений и погребальной обстановке по сохранившимся деталям безусловно все же можно. Надо сказать, что повторные захоронения не нанесли погребениям столь значительного вреда, как ограбления, во время которых варварски разрушались конструкции и предметы материальной культуры.

Как было сказано, материалы средней бронзы имелись только в погребении № 6. Оно находится рядом с первым и своим архитектурным исполнением повторяет его. Можно предположить, что это были два сходных синхронных склепа, в которых поконились останки умерших друг за другом двух вождей племени. Погребение не имело внешних признаков, кроме двух торчащих из-под земли камней. Поверхность его была покрыта травой. Огромные плиты перекрытия были открыты на глубине 20 см. Погребение было ориентировано с северо-запада на юго-восток. После снятия трех огромных каменных плит на глубине 2,7 м показались черепки посуды эпохи раннего железа, бронзовая булава, цепочка и сердоликовая бусинка-разделитель, большое количество которых было обнаружено в могильниках № 2 и 4 железного века.

Выяснилось, что погребение ограблено в

древности. По мере углубления раскопа, начиная от нулевой отметки, постоянно попадались большие каменные обломки и фрагменты сосудов. Пол погребения был зафиксирован на глубине 3 м от поверхности плиты. Продольные стены погребения были выложены необработанными камнями, по семь рядов на каждой стороне и, начиная со второго ряда, наклонно сближались друг к другу таким образом, что в верхней части, приблизившись, образовали ложный свод, на котором покоились плиты весом в несколько тонн. Ширина погребения равнялась у основания 3 м, а у перекрытия 1,55 м, длина погребения—5,5 м. Северо-восточная поперечная стена выложена ровно и правильно, противоположная же ей стена сложена из более крупных, грубых камней и оставалась нетронутой лишь в нижней части на высоте 1 м от пола⁶³. Камера была использована вторично, вероятно, в VII—VI вв. до н. э. От раннего захоронения остались лишь отдельные предметы, а также головы и конечности лошадей, которые обнаружены по углам юго-восточной узкой стены. Именно в этой части камеры, под слоем земли, оказались *in situ* котел, крючок и миска эпохи средней бронзы.

Вся керамика погребения была разбита и разбросана. Котел был установлен на очаге из трех маленьких камней, в центре был кусок сгоревшего дерева; в котле находилось несколько обломков позвоночника теленка или оленя и копытная кость лошади, сильно позеленевшие от окиси бронзы.

Керамика погребения № 6 делится на три группы: 1) красная расписная, 2) черная лощеная и 3) бурая матовая. Из первой группы сохранились черепки двух сосудов—расписной гидрии и краслощенного горшка. От гидрии осталась лишь часть шейки и плечика. Это характерный для эпохи средней бронзы сосуд с черной росписью, нанесенной волнообразными линиями. На венчике имеются нанесенные черной краской штрихи, а на горлышке неоднократно повторяющиеся между вертикальными линиями по три вертикальных волнообразных линии. У основания горловины в узких бороздчатых поясах изображены волны, между которыми на прямоугольных участках расположены волнообразные горизонтальные линии. Эта группа декоров завершена рядом остrokонечных треугольников, также заполненных горизонтальными волнами, оканчивающимися кружками (табл. II, 1).

Керамическую посуду с подобными узорами мы видим в погребениях Кировакана и Триалети⁶⁴. Она имеет аналоги также в ке-

⁶³ Обмеры произведены архитектором С. Г. Матевосяном.

⁶⁴ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 80, рис. 89, табл. XXXII, XXXIII.

рамике Эчмиадзина и Заришата (район Карса)⁶⁵.

Черная лощеная керамика погребения, представленная в большом количестве, оказалась раздробленной; ее трудно восстановить. С внутренней стороны она бурая, иногда лишь блекло-горчичная. Глина большей частью смешана с песком и хрупка. Имеются сосуды с прямым, высоким украшенным горлышком, большие глиняные горшки с подчеркнутым основанием, у которых прямо у основания расположены парные бороздчатые пояски. Узоры и техника их исполнения те же, что и в других памятниках среднебронзовой эпохи. Наибольшим количеством представлены сосуды, орнаментированные лощением, с сопутствующими ямочками, накладными «пуговичками», желобчатыми узорами и множеством ручек. На некоторых черепках заметны легкие выпуклины, сделанные нажатием изнутри до обжига сосуда. Имеются врезные ромбовидные сетчатые пояса, заполненные косым пунктиром, разного оформления ленты, волнообразные пояса, исполненные гребенчатым штампом (табл. III, IV).

Нанесение узоров лощением применяется уже в эпоху ранней бронзы, но широко распространяется в памятниках эпохи средней бронзы. Этот способ орнаментации преобладает в керамике Триалети и Лори-Берда, а в период поздней бронзы достигает своего полного расцвета. Сосуды, декорированные ямочками, также восходят к культуре ранней бронзы, но здесь они опоясывают керамическую посуду целиком. То же самое можно сказать о накладных «пуговичках», которые есть в Кировакане⁶⁶ и Триалети⁶⁷.

Разнообразнейшие пояски, исполненные рядами точек, исполненных гребенчатым штампом, также украшают посуду упомянутых памятников⁶⁸, что же касается узоров в виде мелких неравномерных точечных волн, зигзагов, то они характерны для керамики Лчашена, среднего слоя Узерлик-Тепе, Муханат-Тепе, Тазакенда, Кзыл-Калы и др.⁶⁹. Представляется, что узкожелобчатые крупные

лощенные пояса зигзагов следует считать пережитками рельефного орнамента эпохи ранней бронзы. Такие пояса имеются на сосудах VII и XV курганов Триалети⁷⁰. Сосуды с множеством кольцеобразных ручек и рисунком из горизонтальных зигзагов и тонких лощеных линий, напоминающим древо жизни, походят на сосуд с множеством ручек из погребения № 2 Топ-Кара в районе Цалки. Такая керамика с накладными «пуговичками» была обнаружена также в XV кургане Триалети вместе с бронзовым копьем эгейского типа и вазой. Поверхность другого сосуда со множеством ручек из того же кургана также декорирована волнами и другими лощеными узорами, как на нашем образце. Подобная керамика обнаружена также в XLI—XLV триалетских курганах⁷¹. Напомним, что керамику с множеством ручек Б. А. Куфтин сравнивает с кносскими дворцовыми пифосами середины II тыс. до н. э., которые также имеют накладные «пуговички». Он считает эти предметы следствием эгейского влияния, проникшего в то время на Южный Кавказ⁷².

Третью группу составляет серая матовая кухонная посуда, представленная единственной уцелевшей миской. Она имеет в частности аналогии в Кировакане. Другая маленькая миска и матовая чашечка с тонкими стенками хорошо сопоставляются с керамикой Кети⁷³ (табл. II, 2, 3).

К металлическим предметам Лори-Бердского погребения № 6 относится медный котел высотой 33 см. Принцип и способ выполнения те же, что у котла кироваканского погребения, даже кажется, что это работа одного и того же мастера. Тулово изготовлено из двух кусков медного листа, соединенных изнутри заклепками. Днище круглое, загнутое, изготовлено из одного куска, кромки которого заходят за ребра на 5,5 см и прикрепляются изнутри близко расположенными заклепками. Венчик котла с двух сторон обит лентой из меди и местами заклепан изнутри.

Обе ручки высокие, крепкие и прикреплены заклепками к стенкам котла (табл. II, 4). Напомним, что котлы такого типа были найдены также в погребениях V и XV Триалети⁷⁴, в Шамираме⁷⁵.

⁶⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 68, 70, табл. II, 1—2, табл. III, рис. 3.

⁶⁶ Там же, табл. I, рис. 1—3, 5.

⁶⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. LXXIII.

⁶⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. I, рис. 2, 4; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. LXXIV.

⁶⁹ А. О. Мнацаканян, Основные этапы..., табл. III, рис. 4—5; К. Х. Кушарева, Новые данные..., с. 90, рис. 20—2; с. 91, рис. 23; с. 92, рис. 24; *ее же*, Тазакендский могильник..., с. 141, рис. 3—1; А. Спицын, Некоторые Закавказские могильники, ИАК, 1909, с. 8, рис. 13; с. 9, рис. 16, 17.

⁷⁰ Э. М. Гогадзе, Периодизация и генезис курганной культуры Триалети, Тбилиси, 1972, табл. 19, рис. 10; табл. 23, рис. 3, 9.

⁷¹ Там же, табл. 32, рис. 16, 21; табл. 23, рис. 9; табл. 30, рис. 4; табл. 32, рис. 14.

⁷² Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. ..., с. 20—21.

⁷³ Раскопки Л. А. Петросяна.

⁷⁴ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. LXV и LXVI; Э. М. Гогадзе, *ук. соч.*, табл. 22, рис. 12; табл. 17, рис. 19.

⁷⁵ Раскопки Г. Е. Арешяна.

Рядом с медным котлом был найден бронзовый крюк с трубчатой втулкой (табл. 11, 5), как в кироваканском погребении⁷⁶. Он, вероятно, служил для извлечения из котла мяса.

В Ташир-Дзорагета до сих пор не обнаружены памятники, относящиеся к раннему периоду средней бронзы, которые характерны для комплексов Тазакенда, Кармир-Ванка, Элара, Нор-Баязета (Камо), даже для датированных более поздним периодом Лчашена, Севан-ГЭСа, Узерлик-Тепе и др. Все обнаруженные материалы относятся к XVI—XV вв. до н. э. Скорее всего явление это может быть объяснено слабой изученностью района и, вероятно, этот пробел заполнится в процессе будущих раскопок. Бесспорно следствием малой изученности района является и то обстоятельство, что в таком мощном древнем металлургическом центре, как Алавердский район, до сих пор известны лишь пять памятников эпохи средней бронзы. Обнаруженные рапиры и книжалы свидетельствуют о том, что в XVI—XV вв. до н. э., как и в более ранний период, культура Закавказья развивалась под некоторым влиянием эгейского мира, Сирии и малоазийских стран, что наложило свой отпечаток на формы металлических изделий и керамики. Обнаруженные в памятниках Ташир-Дзорагета золотые предметы повторяют триалетские формы и дают возможность рассмотреть этот район как полноценное звено в цепи ярких триалетско-кировкаканских погребений, выявляющее определенные связи с западным миром.

В памятниках Гугаркского района самым замечательным и важным комплексом является кироваканский курган, пока единственный в своем роде на территории Армянской ССР. Однако факт его существования указывает на то, что богатые триалетские захоронения не уникальны и что эта культура охватывала некогда огромную территорию. В кироваканском погребении выявлен такой же погребальный обряд, что и в погребениях Триалети и Лори-Берда. Расписная керамика имеет те же формы и узоры, что и керамика Триалети, Лори-Берда, Эчмиадзина, Заришата, Элара и т. д.

Для черной лощеной керамики характерны большие размеры и следующий декор: отпечатанные точечные линии, ямочки, рельефные ленты и накладные «пуговички»; излюбленный мотив—меандр и треугольник. Уникальностью декора выделяются горшки со звездчатым орнаментом⁷⁷. Вообще керамике кироваканского погребения свойственна монументальная ясность, особенно в сравнении со

смешанно-декорированной триалетской посудой. Это подчеркивается отсутствием в кироваканской керамике, в частности, лощеного узора.

Обряд кремации, имевший место в триалетских курганах и, вероятно, в Лори-Берде, напоминает захоронения хеттских царей⁷⁸. Формой захоронения и погребальными церемониями армянские погребения связываются не только с хеттским, но и с греческим и крито-микенским миром. Речь идет о микенских шахтовых гробницах первой половины II тыс. до н. э.⁷⁹, которые представляют собой прямоугольные каменные ящики, содержащие исключительно интересные художественные предметы. Гробницы покрыты плитами иногда с высеченными рельефами колесниц и спиралевидным узором, встречающимся также на повозках Лчашена и Адиамана⁸⁰. Кстати, это самое раннее свидетельство о боевых колесницах, запряженных конями, которые использовались в Греции (XVI в. до н. э.)⁸¹. Следует также упомянуть, что погребальные урны, обнаруженные на Диполинском кладбище Афины⁸² и датированные серединой VIII в. до н. э., декорированы расписными изображениями и геометрическим орнаментом. Тема росписи—сцены похорон и оплакивания. Покойник положен на высокие деревянные носилки с плетеной (сетчатой) основой, сходные с найденными в Лчашене. В одном случае эти носилки с покойником положены на четырехколесную повозку с впряженными в нее двумя конями. Этот ряд заполнен изображением свастик, солнечных знаков, птиц, людей. Обряд захоронения, воспроизведенный на урнах, сближается с таковым в кавказских памятниках бронзового века. Напомним также, что меандр, излюбленный декор упомянутых урн, характерен для посуды из этих памятников.

Гомер в своей «Иллиаде» оставил замечательное по силе описание похорон Патрокла, друга Ахилла. Его уместно вспомнить в связи с намечающимися в материальной культуре параллелями между Кавказом и эгейским миром. Вначале по приказу Ахилла для погребального костра были срублены вековые

⁷⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 83.

⁷⁹ G. Perrot, Ch. Chipiez, Histoire de l'art dans l'Antiquité, La Grèce primitive, L'art mycénien, Paris, 1894, с. 764, ff. 359, с. 765, ff. 360, с. 767, ff. 362.

⁸⁰ А. О. Мнацаканян, Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, СА, 1960, № 2, с. 140, рис. 2 и 3; Е. Лалаян, Раскопки погребений в Советской Армении, Ереван, 1931, с. 194—197, рис. 193—196 (на арм. яз.).

⁸¹ Г. Чайлд, У истоков Европейской цивилизации, М., 1952, с. 113.

⁸² Искусство Древней Греции (памятники мирового искусства), М., 1971, рис. 70 и 71.

⁷⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 65, рис. 31, 1.

⁷⁷ Там же, табл. 1, 4.

дубы, затем мирмидоняне впрягли коней в колесницы и воины с колесничными вскочили на свои места. Впереди были конники, за ними пешие воины, среди которых друзья Патрокла несли его тело, полностью покрытое срезанными с голов волосами. Ахилл, шедший сзади, держал голову Патрокла. Когда дошли до погребального костра, Ахилл срезал прядь волос и положил ее в ладонь Патрокла, затем удалил войска, оставив только участников похорон для того, чтобы развести костер. Тело Патрокла положили на вершину огромного погребального костра, заклали бесчисленное множество жертвенных баранов и телят, салом которых Ахилл покрыл все тело Патрокла. Туши животных положили вокруг костра, а к ложу покойника прислонили флаконы с маслом и медом. Ахилл бросил в костер четырех коней и двух царских псов, затем еще двенадцать троянских юношей. Всю ночь, пока горел костер, Ахилл оплакивал друга и призывал к себе его душу, производя жертвенные возлияния вина из золотой чаши. А наутро, когда утих ветер и костер начал гаснуть, ахейцы потушили его черным вином и, собрав из центра костра кости Патрокла, положили их в золотой сосуд и запечатали его тонким полотном и салом. Затем, начертив круг вокруг костра, вырыли там землю и, положив туда прах, возвели гробницу.

Создается впечатление, что погребальный обряд, воссоздающийся по археологическим памятникам Кавказа и эгейского мира, сблизается с описанием похорон Патрокла в бессмертной поэме Гомера.

Найденные в погребениях Кировакана и Триалети черепа и конечности двух быков, а в Лори-Берде—коня создают впечатление о захоронении целых животных⁸³. По всей вероятности, туши их варились в больших котлах, установленных в погребениях, и преподносились во время погребального обряда в качестве священной тризны. Известно, что священных животных резали только в праздничные дни. Поскольку головы быков, волов и лошадей, уложенные таким образом, встречаются только в больших и богатых погребениях, надо полагать, что смерть вождя обращалась в траурный обряд, при котором приносили в жертву впряженных в катафалк священных животных.

В отличие от триалетских курганов, в погребении Кировакана имеется несколько видов орудий, которые развиваются на основе местных традиций; оружие отражает тесные связи с эгейским и малоазиатским миром. Большой интерес представляют золотые и серебряные чаши и тонкие золотые бусы, найденные в кироваканском погребении. Это об-

разцы высокохудожественных ювелирных изделий, выполненных на уровне искусства своего времени. Как бы не акцентировался вопрос о том, что золотые и серебряные чаши непосредственно связаны с малоазиатской культурой и привезены отсюда, неоспоримым остается факт, что декор на них (геометрический, гирлянды) в точности повторяет орнаменты местной посуды эпохи ранней бронзы и, как верно заметила Э. Ханзадян, эти предметы можно было бы отнести именно к этому периоду, если бы они не были найдены в комплексе кургана⁸⁴.

Погребение № 6 Лори-Берда, которое можно поставить в ряд с богатыми погребениями Триалети и Кировакана, выявляет как в керамике, так и в металле все характерные стороны материального производства эпохи. Отсутствие в нем предметов из драгоценных металлов является по-видимому лишь следствием его разграбленности. Так, рисунок, выполненный гребенчатым штампом на черной лощеной керамике нашего погребения, широко распространен на посуде Кировакана и Триалети, лощеный же декор и гравированные узоры, заполняющие желобчатые уголки лори-бердской керамики, отсутствуют в Кировакане, но встречаются в Триалети⁸⁵.

Разнообразные лощеные декоры на черной керамике, тонко выполненные на матовых ленточных фонах, буквально повторяют подобную триалетскую керамику, на которой они часто сочетаются с «луговчиками» и множеством ручек⁸⁶. Сосуды с многочисленными ручками не встречены в Кировакане, нет там и сосудов с волнообразной точечной орнаментацией, исполненной гребенчатым штампом. Последние отсутствуют также и в Триалети, однако очень распространены в Лчашене и Узерлик-Тепе. Таким образом, исполнением декора погребение Лори-Берда занимает промежуточное положение между памятниками Кировакана и Триалети, что наблюдается также и в более позднее время. Надо отметить, что керамика Лори-Берда имеет большее сходство с триалетской, нежели с кироваканской. Возможно, причина этого кроется в том, что кироваканское погребение пока единственное.

Металлические же предметы Лори-Берда—котел и крюк—находят прямые аналоги в кироваканском погребении.

Не уникален открытый нами комплекс и своим архитектурным строением. Подобную конструкцию имеют ошаканские постройки—так называемые «дома Огузов». Таковые из-

⁸³ Э. В. Ханзадян, Гарни, IV, с. 116.

⁸⁴ Э. М. Гогодзе, ук. соч., табл. 30, рис. 10, 30 и т. д.

⁸⁵ Там же, табл. 15, рис. 5—12; табл. 18, рис. 19, 23, 24, 26; табл. 16, рис. 1—9; табл. 19, рис. 10—19, 21—28; табл. 22, рис. 20—26 и т. д.

⁸⁶ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 83.

вестны также из Сиснана и со склонов Арагана. Исследователи находят, что «дома Огузов» с их ложными сводами служили прототипом деревянных перекрытий армянских домов⁸⁷. Древнейшие примеры подобных перекрытий (азарашенов) встречаются уже в доурартском поселении Кармир-Блура⁸⁸.

Напомним, что кирпичные и каменные ложные ступенчатые своды имели погребения II династии Египта, Мари, Ура и раннединастического периода Киша⁸⁹. Сводчатые перекрытия были распространены в могилах циклопической культуры острова Сипрос⁹⁰.

⁸⁷ С. В. Вартамян, Азарашен и его значение в армянской архитектуре, ВОН, 1967, № 6, с. 78 (на арм. яз.).

⁸⁸ А. А. Мартиросян, Город Тайшебаши, Ереван, 1961, с. 24, рис. 96.

⁸⁹ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 114, 229, 223, 233, 237.

⁹⁰ Его же, У истоков ..., с. 86, рис. 25.

Открытое в последние годы в Сиснане богатое погребение армянского периода имеет точно такое же строение, что и погребение № 6 Лори-Берда. Таким образом, устанавливается, что это погребальное архитектурное строение, характерное для Армении, восходит к XVI—XV вв. до н. э.

Рассмотренный комплекс Лори-Берда связан с могилами III группы Триалети, которая представлена, в частности, погребениями V, VII, XV, с погребениями № 2 Топ-Кара, а также с богатым захоронением Кировакана, которые датируются XVI—XV вв. до н. э. В целом этот период характеризуется глубоким расслоением общества, привилегированным положением родо-племенной верхушки, которое особенно наглядно иллюстрируют памятники погребального характера.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Известные в настоящее время в Ташир-Дзорагете памятники эпохи поздней бронзы создавались в течение нескольких веков. Изучение этих разновременных комплексов позволяет выявить динамику материальной культуры местных племен на протяжении этого времени.

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ФАЗЫ. Памятники ранней фазы эпохи поздней бронзы до недавнего времени не были фактически исследованы, если не считать вскрытых погребений в с. Гехарот (Спитакский район). Исключительно интересные погребения, характерные для этой фазы, были выявлены благодаря нашим раскопкам в Лори-Берде. Они охватывают хронологически всю эпоху поздней бронзы и так же значительны, как и единственное, по весьма ценное для истории культуры погребение эпохи средней бронзы. Проведенные раскопки показали, что жизнь в этой красной горной равнине не прекращалась и после середины II тыс. до н. э. На том же могильнике, где была раскрыта могила эпохи средней бронзы, появились погребения рядовых общинников, жрецов и вождей периода поздней бронзы.

Эти поздние захоронения были произведены в погребениях № 2, 7—9, в некоторых из них зафиксированы также повторные захоронения эпохи раннего железа. Часть погребений оказалась ограбленной. Материалы, относящиеся к ранней фазе поздней бронзы, дали погребения № 2 и 7.

Погребение № 2 (раскопки 1969 г.) имело сверху каменноземляную насыпь округлой формы диаметром 7,5 м и высотой 0,5 м. Грунтовая погребальная камера оказалась перекрытой огромными каменными плитами, из которых на месте осталась лишь одна, а остальные либо свалились в яму, либо были унесены. Плиты перекрытия покоились на каменной кладке, сложенной по краям ямы, часть камней наклонилась со временем к погребальной яме. Могила ориентирована с северо-запада на юго-восток; ее длина—5,8 м, ширина—2,35 м, глубина—2,45 м (рис. 4). По-

гребение это было двухслойным, в верхнем слое было произведено богатое захоронение, относящееся к VII—VI вв. до н. э. Вследствие этого пострадало захоронение эпохи поздней бронзы—наиболее важные предметы были смещены, искажился первоначальный вид погребения. Тем не менее, оставшиеся предметы дают возможность составить представление о захоронении раннего периода, которое также было богатым. Материалы раннего и позднего захоронений разделялись слоем земли толщиной в 20—50 см.

В углу северо-восточной стены, в центральной части и у западной стены погребения были обнаружены литые бронзовые фигурки птиц с клиновидным стержнем для вбивания в дерево. На полу, у западной стены, был найден сильно разрушенный медный котел; у той же стены, под свалившейся плитой, находились в раскопленном состоянии красивые черполощенные культовые сосуды. Это—расписные миски, «курильницы», горшки, светильник. Большинство из 30 бронзовых бубенцов, предназначенных для конского убора, оказалось здесь под каменной плитой. В могиле обнаружены также бронзовый набалдашник, 20 пуговиц, 8 из которых покрыты серебряной пластиной, эллипсовидная дощечка с бронзовым ободком и многочисленными полусферическими металлическими гвоздями, бронзовые бусы, бляшки в форме звездочек, трубочки, декорированные щипцы, пряжка-пуговица с обсидиановой вставкой. В центре погребения, на полу, были найдены три обсидиановых наконечника стрел и две золотые бусинки. Скелет нижнего погребения не был обнаружен, что наводит на мысль о кремации.

Учитывая размеры могилы № 2, а также обнаруженные здесь предметы, которые непосредственно связываются с богатыми содержащими повозки гробницами Лчашена, можно предположить, что здесь, по всей вероятности, также была размещена повозка или колесница. Надо отметить, что в погребениях Лори-Берда дерево почти не сохранилось, оно

пострадало не только вследствие неблагоприятной среды, но и из-за повторных захоронений и грабежей.

Погребение № 7 (раскопки 1971 г.) находилось несколько западнее погребения № 2

сохранили под собой очень ценный археологический материал. Именно они и оправдали тяжелый труд раскопщиков. На остальной огромной поверхности пола погребальной камеры кроме разбитой керамики, восьми крем-

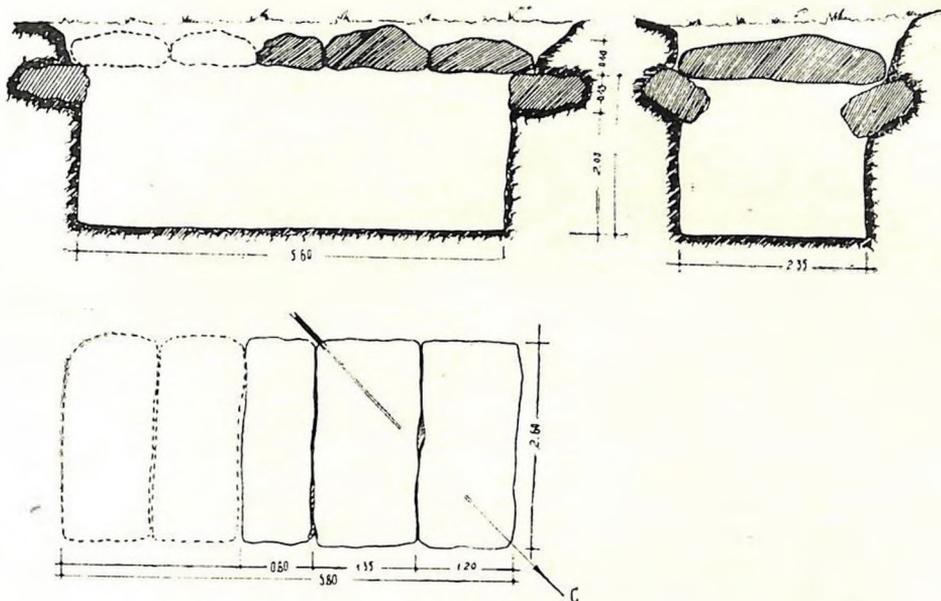

Рис. 4.

н, как все крупные могилы, имело ориентацию с северо-запада на юго-восток. Курган имел овальную каменно-земляную насыпь высотой не более 10 см. Диаметры ее—10 и 8 м. Погребальная камера представляла собой прямо-

угольный каменный ящик, вертикальные стены которого выложены камнями средней величины. Длина камеры 8 м, ширина—2,5 м, глубина в северной части—2,6 м, в южной—2,8 м (рис. 5).

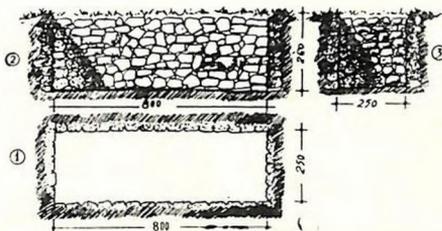

Рис. 5.

угольный каменный ящик, вертикальные стены которого выложены камнями средней величины. Длина камеры 8 м, ширина—2,5 м, глубина в северной части—2,6 м, в южной—2,8 м (рис. 5).

С первых же дней раскопок стало ясно, что погребение было ограблено, так как отсутствовали плиты перекрытия. Обломки некоторых из них валялись на полу, на расстоянии 2,5 м от юго-восточной узкой стены, и

тому размякли и их невозможно было отделить от земли. Частично восстановленные керамические сосуды имели культовое назначение. Это высокие полые декорированные «курильницы», миски в форме половинки ореха, орнаментированные горшки. Бронзовые предметы были представлены различными бубенцами, статуэтками птиц, моделью колесницы, предметами роговидной формы, пуговицами, покрытыми гравированным серебром, кинжа-

лом с широким лезвием, котлом, бусами, гвоздями, украшениями, бронзовыми пластинами, являющимися фрагментами деревянных изделий, и пр. Среди бус и других украшений видны были остатки охры, которой обычно «красили» покойников.

Человеческого скелета не было обнаружено; очевидно и здесь была произведена кремация. В двух углах юго-восточной стены погребения были обнаружены головы и конечности лошадей. Здесь оказались также челюсти и конечности крупного рогатого животного—коровы (*Bos Brachyceros*) и кусок кости козы или овцы. В восточной части погребения сохранились в разбросанном виде остатки дерева цилиндрической формы, обрамленного бронзовыми ленточными пластинами. Такие же обломки дерева сохранились на клинообразных основаниях птиц и роговидных кольцевых скульптурках. Все это указывает на то, что захороненное важное лицо было погребено со своей колесницей и двумя лошадьми, а обнаруженные здесь остатки дерева, бронзовые пластины, модель колесницы, роговидные предметы, статуэтки птиц-бубенцов и многочисленные другие предметы украшали роскошную деревянную колесницу. Бубенцы-колокольчики, крупные бронзовые пуговицы и ряд других предметов составляли комплект сбруи и мелодично звенели во время торжественного шествия. По-видимому, роскошными были и многочисленные личные предметы покойника, однако искусно изготовленные предметы из редких металлов были унесены из погребения грабителями, что лишает нас возможности восстановить их облик.

Металлические предметы погребений. Обнаруженные в погребениях Лори-Берда металлические изделия, в основном украшения и предметы роскоши, изготовлены главным образом из бронзы; имеются также предметы бытового назначения. Однако оружие, замечательные образцы которого мы видим в погребениях эпохи поздней бронзы Лчашена и Артика, здесь почти отсутствует. Последнее бесспорно объясняется тем, что погребения были ограблены, и надо надеяться, что дальнейшие раскопки выявят интересные образцы оружия.

Среди замечательных предметов погребального инвентаря особое место занимает бронзовая модель колесницы (погребение № 7). Колесница запряжена парой лошадей, имеет квадратную полую подставку, на основании и ребристых частях которой есть треугольные, а на верхней части продолговатые вырезы. Внутри подставки заложены два бронзовых шарика, игравших в свое время роль колокольчиков. Подставку подпирает высокое основание с якоревидным окончанием, на котором модель вращалась вокруг своей оси. Сама колесница имеет легкий кузов, в

котором стоят два воина¹. Общая высота модели—18 см, длина—14 см.

Передняя часть кузова обрамлена полукруглой дугой, опирающейся на вертикальный шест. Сзади кузов открыт, в центр вставлено вертикальное устройство с кольцевидным окончанием. Передняя центральная часть кузова соединена с этим устройством посредством двух небольших брусков, идущих один от основания кузова, а другой выше и делящих его на равные части. Ось, расположенная в задней части, завершена колесами, имеющими по шесть спиц. От центра кузова снизу поднимается дугообразное дышло, вертикальный конец которого имеет кольцо для упряжи (удил). Ярмо, идущее по обе стороны от дышла, покоится прямо на гривах коней. На концах ярма также имеются кольца, через которые должны были проходить поводья. Эти роговидные завершённые колечки напоминали роговидные статуэтки того же могильника и сходные предметы из Лчашена. Коня сухопары, с продолговатыми черепами, пасти полуоткрыты, треугольные уши приподняты, грива очень высокая, вздыбленная. Глаза подчеркнуты углублениями, тело тонкое, стройное, хвосты длинные.

Воины стоят по обе стороны кузова, опираясь туловищем о его край, ноги каждого из них, сливаясь в нижней части, образуют по одному бруску. Один из воинов изображен в такой позе, как будто держит в руках поводья. У каждого из них на поясе под левой рукой прикреплен кинжал. У одного шлем с высоким гребнем, второй без головного убора. Шен у воинов длинные, лица плоские, продолговатые, вместо глаз—углубления, выражены рты и носы с горбинкой.

Перед конями на высокой перекладине, расположенной в центральной части подставки, помещена миниатюрная статуэтка самца косули с длинной мордочкой, небольшим хвостом и парой дугообразных рогов (рис. 6). Сравнив лори-бердскую колесницу с найденной в 1957 г. в Лчашене можно заметить, что они ничем не отличаются друг от друга—точно так же изваяны их четырехугольные подставки, якоревидное основание, кузов, дышло, высокогривые кони и роговидные петли ярма. И на лчашенской колеснице левый воин не имеет шлема. Разница состоит лишь в том, что в первом случае колеснице преследуют косулю, а во втором—олена. Точно такой же кузов мы видим и у лчашенской модели 1956 г. с той лишь разницей, что она несколько большего размера и ее колеса имеют по 8—9 спиц. Кузов третьей модели Лчашена, найденный в 1958 г., отличается от нашего и

¹ С. Г. Деведжян, Лори-бердская колесница эпохи поздней бронзы, ИФЖ, 1976, № 1, с. 212—213 (на арм. яз.).

от двух других лчашенских тем, что пол его сделан в виде решетки, а задние кольцевые и разделительные прутья в центре отсутствуют. Дышла последних двух моделей подняты непосредственно от основания, одно изогнуто, другое—дугообразное. Дышло лори-бердской

кольца заменены статуэтками птиц, придающими колеснице более парадный вид. Лори-бердские колесницы также были украшены птицами, которые будут рассмотрены ниже. Следует подчеркнуть, что модель Лори-Берда отличается от других легкостью и особым

Рис. 6.

модели своим верхним вертикальным концом сходно с такими же элементами ассирийских колесниц².

Вонны двух лчашенских колесниц (ГИМА № 2009/442, 2049/81) и лори-бердской модели, стоящие слева, без шлемов. Выясняется, что стоящие слева вонны, как правило, управляли колесницами. На ярме лори-бердской и двух указанных лчашенских моделей видны кольца, а на четвертой вместо колец—скульптурки птиц. Ее подставка гладкая, вонны здесь стоят прямо, положив руки на плечи друг другу. Перед конями отсутствуют фигурки животных, как это имеет место в остальных скульптурных группах. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с охотничьей или боевой сценой, а с изображением торжественного шествия. Здесь роговидные

² R. D. Barnett, W. Forman, *Assyrische Palastreliefs*, Prague, с. 20.

изяществом исполнения. Напомним, что еще одна маленькая модель колесницы без лошадей была найдена в Паравакаре (X—IX вв. до н. э.)³.

В странах Древнего Востока колесный транспорт появился еще в период халафской культуры (V тыс. до н. э.)⁴. Очевидно под влиянием передневосточной традиции формировались лучшие транспортные средства древней Армении⁵. Разумеется для нас могут пред-

³ С. А. Есаян, А. О. Мнацаканян, *Находки новых бронзовых статуэток в Армении*, СА, 1970, № 2, с. 158, рис. 1—1.

⁴ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, табл. XIX.

⁵ А. О. Мнацаканян, *Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г.*, СА, 1957, № 2, с. 149, рис. 8;

ставлять интерес лишь те передне-восточные боевые колесницы, которые можно рассматривать как далекие прототипы армянских образцов. С этой точки зрения достойна внимания колесница (или катафалк), изображенная на расписном глиняном сосуде из Хафаджи (раннединастический период)⁶. Ее кузов по форме напоминает ящик с высокой дугообразной передней частью, служившей, по-видимому, своеобразным щитом. На дышло сидит птица, две из трех запряженных лошадей имеют ярмо и связаны при помощи поводьев и уздечки. Очевидно лица стоящих в кузове людей в масках. Изображение этой сцены кажется очень близким к искусству бронзового века как по форме колесницы, фигурам коней и птиц, так и по сходству широкоплечих людей в масках.

Группа шумерских колесниц имела высокую переднюю и низкую ступенчатую заднюю часть. Таковы медная из Тель-Аграба и глиняная из Киша модели первой половины III тыс. до н. э.⁷ На одном из найденных в раннединастическом Уре⁸ рельефов изображена колесница с высокой передней частью и дышлом и низкой задней частью. Колеса описанных колесниц во всех случаях тяжелые, изготовлены из трех массивных досок. В древнем Шумере их использовали не только как средство передвижения или боевые колесницы, но они служили также катафалками. Колесницы упомянутого типа были спущены в известные гробницы Ура и Киша. Притом в некоторые гробницы были спущены по две или три колесницы одновременно⁹. Этот древний обычай захоронения впервые практиковали, видимо, в шумерской среде. Вместе с тем даже при наличии вышеотмеченных общих черт древние шумерские колесницы очень далеки от изучаемых моделей Армении и хронологически, и в конструктивном отношении.

Из всех известных типов колесниц Древнего Востока, моделям Лчашена и Лорн-Берда наиболее близки хеттские. Надпись царя Аниттаса гласит, что еще в XIX в. до н. э. в хеттской армии имелся отряд колесниц¹⁰—специальное быстроходное боевое подразделение. Типы хеттских колесниц сохранились на египетских барельефах, изображающих батальные сцены египетско-хеттской войны 1296 г. до

н. э., в частности, бой за хеттскую крепость Кадеш. Они имеют щитовидные и полукруглые передние и открытые задние части, два колеса с восьмью спицами, пару лошадей. В кузове колесниц, несмотря на ее малые размеры, помещалось три человека—управляющий (возница), стрелок и щитоводец¹¹.

В Карнаке, в храме Амона, изображен подвигающийся на колеснице фараон Сети I, принимавший участие в войне против хеттов¹². Его колесница очень похожа как на хеттские, так и на изображенные на наших моделях. По данным египтян, хетты в этой войне имели 3500 колесниц. Нет ничего невероятного в том, что египтяне подражали хеттам или просто взяли на вооружение легкие хеттские колесницы. Найденная при раскопках в Египте хеттская колесница¹³, изготовленная полностью из дерева, в точности повторяет модели Армении (рис. 7) с той лишь разницей, что

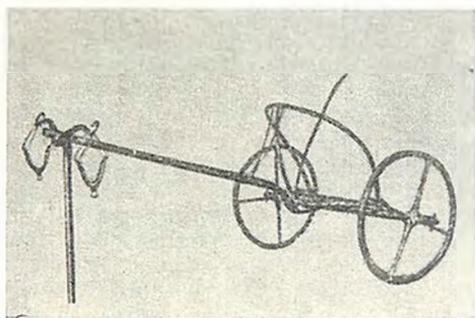

Рис. 7.

ее колеса имеют по четыре спицы; эти колесницы были более легкими, чем ассирийско-вавилонские или египетские: по восстановленным образцам они весят 5—10 кг¹⁴. Разные части упомянутой колесницы изготовлены из различных сортов дерева: ось—из пихты, колеса и другие части—из хлебного дерева, ободки колес обернуты березовой корой. Если колесница была изготовлена в Египте, то древесина могла ввозиться только из «страны» Нахарин—Наирн ассирийских надписей, так как береза южнее района Вана не растет¹⁵. При изготовлении повозок и колесниц Лчашена также использовалась древесина разных пород деревьев. Так, колеса изготавливались из пльма, ось и дышло—из дуба, а покрытие—из красного дерева (тиса)¹⁶.

его же, Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, СА, 1960, № 2, с. 143, рис. 7; с. 142, рис. 5.

⁶ Г. Чайлд, Древнейший Восток..., с. 231, рис. 84.

⁷ Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, Л.—М., 1958, с. 115.

⁸ Г. Чайлд, Древнейший Восток..., табл. XXIVa.

⁹ Там же, с. 230.

¹⁰ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, с. 43.

¹¹ В. Замаровский, Тайны хеттов, М., 1968, с. 276.

¹² Искусство Древнего Востока, М., 1968, рис. 136a.

¹³ В. Замаровский, ук. соч., с. 279.

¹⁴ Там же, с. 298.

¹⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, с. 124.

¹⁶ В. Паланджян, Деревянные повозки из раскопок

Существует мнение, что хетты и ассирийцы коневодству и изготовлению колесниц научились у хурритов, но, усовершенствовав эти виды производства, произвели переворот в военном искусстве¹⁷. Известно, что появление колесниц в Египте связывается с вторжением гиксосов (начало XVII в. до н. э.), значительную часть которых составляли хурриты. А. А. Мартиросян ищет истоки возникновения лчашенских повозок и колесниц, с одной стороны, в колесном транспорте Передней Азии, и с другой—в недрах местного деревообрабатывающего ремесла III тыс. до н. э.¹⁸ С. А. Есян дошедшие со второй половины II тыс. до н. э. образцы повозок рассматривает как продукт влияния хеттской культуры¹⁹. Некоторые исследователи считают колесницы Лчашена хурритскими. В. Иванов, например, рассматривающий эти колесницы как митаннийские, связывает это с переселением племен, знакомых с колесницами²⁰. Вместе с тем, первые два названных автора, приводят убедительные данные, явно доказывающие, что колесный транспорт для Армении второй половины II тыс. до н. э. не был новостью, а имел свои глубокие местные традиции. Найденные же модели по своему строению ближе всего связаны с хетто-хурритскими образцами.

Хетто-хурритское влияние в области распространения коневодства, колесного транспорта, боевых колесниц в масштабах Переднего Востока было очень велико. И. М. Дьяконов предполагает, что колесницы и коневодство проникли в Ахейскую Грецию из Малой Азии²¹. Действительно, в произведениях искусства греческого мира есть много таких характерных элементов, которые говорят о мощном воздействии малоазийской культуры. Так, например, в пятой шахтовой гробнице Микен (XVI в. до н. э.) на плите высечена легкая колесница, стержень задней части которой напоминает кольцевой стержень наших моделей. Воин имеет на поясице книжал с широким лезвием, как на модели Лорн-Берда. Рассматривая колесницу на сосуде из Эпикоми (XIII в. до н. э.)²² с выразительными в паз длинноногими, длинногривыми конями с уздой и ярмом, нельзя не вспомнить отдельные детали наших колесниц. Найденный на Капри

ритон²³ в виде повозки (1100—1000 гг. до н. э.) формой кузова напоминает колесницу Лорн-Берда. Любопытна глиняная модель колесницы с острова Крит²⁴: стержень задней части ее кузова имеет такую же конструкцию, как у колесниц Армении. Три последних образца относятся к более позднему времени, чем армянские модели и их хетто-хурритские прототипы; и по этой причине они сохраняют и повторяют многочисленные традиционные среднеазиатские элементы.

Следует отметить, что колеса телег или колесниц греческого мира большей частью имеют четыре спицы. Такое же количество спиц имела и упомянутая хеттская колесница, обнаруженная в Египте. Исследователи ковенно отмечают, что колеса с четырьмя спицами начали использоваться не позднее XVII в. до н. э.²⁵ Как видим, формы колесниц по всей Передней Азии несут неизбежное взаимное влияние, начиная с Южной Месопотамии и до эгейского мира, с Закавказья до Египта. Когда обосновавшиеся в Карфагене для приобретения золотой пыли, слоновой кости, дорогих сортов дерева финикийцы около 1000 г. до н. э. отправлялись в глубь Африки на повозках и колесницах, они оставляли на своем пути изображения колесниц, высеченные и нарисованные на скалах. Последние очень похожи на наши колесницы. Ж. Мазель находит, что они близки колесницам гиксосов²⁶.

С точки зрения хетто-хурритских и крито-микенских соответствий интересна также следующая деталь. Один из воинов, стоящих на лорн-бердской колеснице, в шлеме, другой—нет. Шлем, по-видимому, был круглый, фескообразный. Шлем маленький и довольно низко надвинут на лоб. Особенно четко подчеркнут большой по размерам гребень шлема. Он поднимается прямо от верхушки и широко спадая, спускается с двух сторон. У воина с лчашенской модели мы видим тот же шлем. Шлемы такого рода морфологически напоминают хеттские, раннеурартские и ассирийские²⁷. Однако их нельзя считать одинаковыми. Довольно большое сходство шлем нашей модели имеет со шлемом найденной в Мараше бронзовой фигурки воина, вероятно, хетта, с небольшим книжалом на поясе²⁸. Сходные шлемы мы наблюдаем у воинов, сидящих на колеснице, на бронзовом декоративном топо-

у селения Лчашен Севанского района АрмССР, Труды ГИМА, 1959, № 5, с. 259.

¹⁷ И. М. Дьяконов, Предыстория..., с. 43; В. Замаровский, ук. соч., с. 279.

¹⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 101.

¹⁹ С. А. Есян, Из истории колесного транспорта древней Армении, 1960, ИФЖ, № 3, с. 150.

²⁰ В. Замаровский, ук. соч., предисловие В. В. Пянова.

²¹ И. М. Дьяконов, ук. соч., с. 43.

²² Н. А. Сидорова, Искусство эгейского мира, М., 1972, с. 210, рис. 227.

²³ Эгейское искусство, М., 1972, рис. 104.

²⁴ Сообщение Б. Б. Пиотровского.

²⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 100.

²⁶ Jean Mazel, Avec les Phéniciens, Paris, 1968, с. 246—250.

²⁷ С. А. Есян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, с. 101, табл. XVI, рис. 1, 2, 6, 11.

²⁸ G. Perrot, Ch. Chipiez, Phénicie, Cypre, Paris, с. 319, 320, 447.

ре из Саккыза (конец II—нач. I тыс. до н. э.). Эту колесницу тянет лев, а позади колесницы сидит птица с распростертыми крыльями²⁹. Очень близки к нашему экземпляру шлемы людей, изображенных на бронзовом треножнике из Олимпа. Они держат в руке предмет, напоминающий модель повозки (VIII в. до н. э.)³⁰. Шлем нашей модели, по мнению Б. Б. Пиотровского, имеет хурритское происхождение.

Как отмечалось выше, племена Армении, начиная с III тыс. до н. э., уже имели в своем распоряжении распространенные типы средств передвижения. Позднее, во второй половине II тыс. до н. э., в быту родо-племенной знати Армении находят широкое распространение боевые колесницы, которые не отличались от лучших типов колесниц Передней Азии.

Начиная с IX в. до н. э. широкое распространение в Армении находят урартские колесницы³¹. В Передней Азии вначале хетто-хурритские, а затем ассиро-урартские колесницы были теми основными моделями, которые затем нашли широкое распространение и в иранском мире, в районах Восточного Средиземноморья, а потом и на греческом континенте³². Урартские колесницы похожи своей формой на ассирийские, последние представляют собой легкие ящики, на боковых сторонах которых изображены скрещивающиеся колчаны³³. Здесь также уместно упомянуть чеканку на серебряном кубке из Хасанлу (IX в. до н. э.)³⁴, на котором мы видим колесницу ассирийского типа со скрещенными колчанами на тяжелом кузове, дышло, завершенное птичьей головкой, такое же высокое, как и на наших образцах. Весьма интересна для нашей темы и золотая модель колесницы ахеменидского периода (VI—IV вв. до н. э.)³⁵, которая, по мнению Р. Гиришмана, имеет бактрийское происхождение. Ее кузов—прямоугольный

²⁹ Jean Louis Huot, Iran, I, Genève, Paris, Munich 1965, с. 86.

³⁰ Искусство Древней Греции (памятники мирового искусства), М., 1970, рис. 776.

³¹ Б. Б. Пиотровский, Урартская колесница, в сб.: «Древний мир», М., 1962, с. 340—343.

³² Такие влияния и заимствования обосновываются также фактами, имеющими место в прочих областях материнской культуры. Исследователи показали сходство как металлических, так и керамических предметов Армении и Грузии первой половины II тысячелетия с эгейским миром. Эгейское происхождение имеют рапиры XVI в. до н. э. Алаверди, Гачагана и погребений Грузии.

³³ А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян, Урартский колумбарий Нор Ареша, ВОН, 1958, № 10, с. 71 (на арм. яз.); С. А. Есаян, Оружие и военное дело..., с. 149—150; Б. Б. Пиотровский, Урартская колесница, с. 340—343.

³⁴ E. Porada, Alt-Iran, 1962, с. 103.

³⁵ R. Ghirshman, Iran, Munchen, 1964, с. 248, 301.

ящичек, в колесницу впряжены четыре лошади с прямым ярмом, дышло невысокое, у колес по девять спиц. Один из двух сидящих в кузове мужчин ведет колесницу при помощи золотых штей, проходящих через кольца на ярме. Гиришман считает, что колесницы такого типа были распространены в Урарту и приводит в качестве примера несколько дарственных колесниц из Мусасирского храма, а также большую бронзовую колесницу Русы I (VIII в. до н. э.) со скульптурным изображением царя. Однако он считает, что находящиеся в колеснице люди, судя по одежде и другим деталям, иранцы.

Таким образом, этот тип колесницы, возникший в котловине Древнего Востока, является наиболее совершенным. Она является продуктом древних мастеров Армянского нагорья, тесно связанных с древней цивилизацией Востока.

Бронзовые статуэтки птиц из погребений № 2 (3 шт.) и 7 (2 шт.) делятся на два вида. Четыре статуэтки имеют клинообразные отростки, с помощью которых они крепились к деревянным цилиндрическим предметам, принадлежащим по всей вероятности колесницам или повозкам, иногда использовались и закладки (табл. V, 4—7). Это доказывается не только их находками в погребениях с повозками в Лчашене, но и наличием статуэтки птицы на модели колесницы из Лчашена. Наши образцы изготовлены в различных литейных формах, но очень близки друг другу. Глаза намечены выпуклыми кружками, в большинстве случаев инкрустированы пастой кирпичного цвета. Той же пастой инкрустированы находящиеся в области крыльев и груди продолговатые треугольные вырезы. У птиц расширенные хвосты, они напоминают голубей. Средняя их высота вместе с клином 9 см, а от груди до хвоста—8 см. Эти статуэтки, по всей вероятности, служили не только украшением, но и символизировали быстрходность колесниц. Статуэтки птиц, устанавливавшиеся на колесницах, известны еще с древневосточных изображений колесниц V—IV тыс. до н. э. и связываются также с культом солнца. Символы солнца—колесница, колесо, птица и конь, таким образом выступают здесь в единстве.

Кроме описанных птиц, прочно и неподвижно укрепленных на ярме и дышле повозки или колесницы, в погребении № 7 была обнаружена фигурка птицы, установленная на декорированном стержне, заканчивающемся в форме якоря, как на модели колесницы (рис. 8). Высота фигурки 8,5 см, а вместе со стержнем—19 см. Эта птица стоит на небольшом диске и может вращаться вокруг своей оси. В ее полном корпусе имеется бронзовый шарик, благодаря которому при вращении она звенит. Крылья птицы хорошо выражены, на ее клюве, шейке, крылышках и груди нанесена

тонкая гравировка. Под туловищем и крыльшками продолговатые разрезы. Она очень похожа на найденные в Лчашене³⁶ и Ацарате³⁷. Создается впечатление, что не все птицы закреплялись в дереве. Иногда толстые якоревидные концы заканчиваются шарами, так что вряд ли было возможно крепить их к дереву.

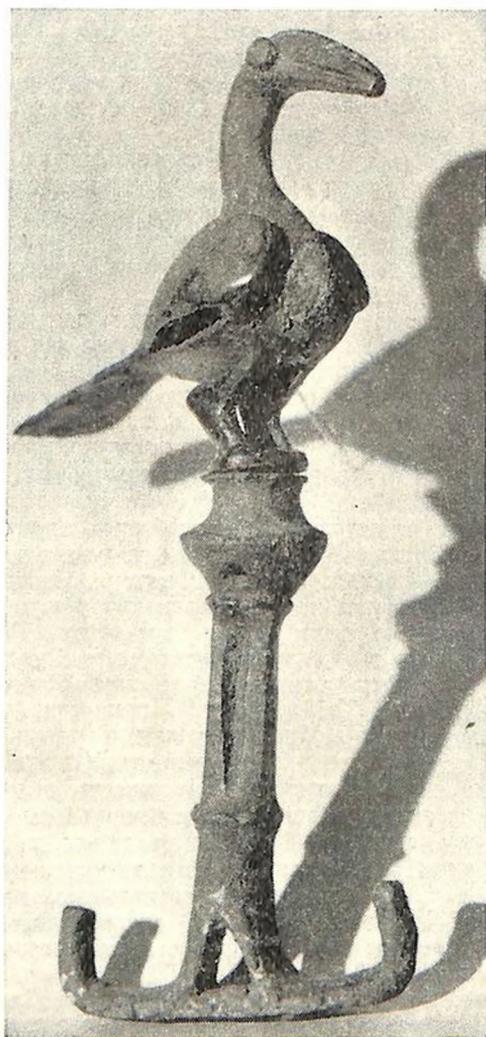

Рис. 8.

Якоревидные основания несли символическую нагрузку. Такие отдельные постаменты без какой-либо статуэтки были найдены при раскопках могил Лчашена и Артика³⁸. Их, оче-

³⁶ А. О. Мнацаканян, *Раскопки курганов...*, с. 152, рис. 13; *его же*, *Лчашенские курганы*, КСНММК, 1961, рис. 25—7.

³⁷ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы...*, табл. X.

³⁸ Т. С. Хачатрян, *Матерьяльная культура древнего Артика*, Ереван, 1963, с. 113, табл. 30, рис. 4.

видно, держали в руках как знак высокой власти. Вспомним, что на одном фригийском барельефе изображена малоазийская богиня Кибеллу со скульптуркой птицы в руке: птица сидит на стержне-постаменте, заканчивающемся полумесяцем³⁹.

На другом барельефе из Зенджирли изображен трон, украшенный головами быков и другими скульптурками (VIII в. до н. э.). На троне сидит царь Баррекуба с якоревидным предметом в левой руке, на котором закреплена пальметка⁴⁰, вероятно сделанная из какого-либо неустойчивого материала. Не исключено, что якоревидные скульптурки Лчашена и Артика служили основаниями аналогичных пальметок, изготовленных, скажем, из перьев или просто всеров.

Любопытны бронзовые скульптурки из погребения № 7 (3 экз.), которые имеют форму литых «рогов» различной величины (12—15 см) и так же, как скульптурки птиц, посажены на клинообразный отросток (табл. V, 1—3). Их прямоугольные основания с треугольными вырезами, заполнены стекловидной пастой. Концы «рогов» полусферические, с четырьмя расположенными накрест треугольными вырезами, заполненными той же пастой. «Рога» неизменно касаются друг друга, образуя в центре петлю. Эти украшения в Лчашене и других местах встречаются только в богатых погребениях вместе со скульптурками птиц. В Лчашене, в частности, они найдены в могилах, содержащих повозки. Здесь были встречены продолговатые (деревянные) цилиндрические предметы, обшитые бронзовой пластиной, в которые при помощи клиньев были вбиты эти роговидные украшения. Есть основание предполагать, что эти предметы, как и другие металлические фигурки, украшали повозки и колесницы.

Судя по моделям колесницы Лорн-Берда и Лчашена можно предположить, что они были установлены на концах дышла и ярма. Нет сомнения, что они служили не только в качестве украшений, но имели и практическое значение, являясь своеобразными кольцами прочности. В отличие от клиньев птиц, не имеющих отверстий в конце, их клинья во всех случаях оканчиваются отверстиями, выявляющими важность их прочного закрепления в деревянной основе. По-видимому, через эти кольца проходили трензеля повозьев. Такие роговидные скульптурки мы видим на моделях колесниц Лорн-Берда и Лчашена. Сходные скульптурки обнаружены также в Ацарате вместе с бронзовыми фигурками птиц⁴¹.

³⁹ П. М. Дьяконов, *ук. соч.*, с. 113, рис. 23.

⁴⁰ E. Akurgal, *The art of the Hittites*, New York, табл. 131.

⁴¹ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы...*, табл. X, 2.

В погребениях № 2 и 7 были найдены очень плохо сохранившиеся бронзовые котлы (табл. VI, 1, 2). Котел из погребения № 2 большой с круглым корпусом и дном, широким покатым «плечом», ручки не сохранились. Котлы эти своей формой резко отличаются от котлов эпохи средней бронзы и похожи на синхронные котлы с тремя ручками из Лчашена и Крги⁴². Котел из погребения № 7 несколько отличается от предыдущих отсутствием широкого «плеча». Его высокая ручка тянется с обеих сторон котла лентой длиной 22 см, прикрепленной к котлу заклепками. Форма и конструкция ручки этого котла похожи на лчашенские и ахталинские экземпляры⁴³.

В погребениях № 2 и 7 обнаружены многочисленные бронзовые бубенцы (табл. VI, 3—17, 19). Они имеют различные формы, у большинства внутри шарик—язычки. В погребении № 2 найдено более 30 бубенцов; преобладают продолговатые, с удлиненными отверстиями, а также шаровидные. Крупные из них имеют внутри шарик, мелкие—внутри покрыты пастой.

Точно такие же бубенцы обнаружены в Лчашене, в бассейне оз. Севан⁴⁴. Другая их разновидность—бубенцы с горизонтальными вырезами—характерна для погребения № 7. Еще один вариант—продолговатые, узкие бубенцы с тонкими и треугольными вырезами. Они находят аналогии в лчашенских комплексах и в Артике. Совершенной новостью являлась пара крупных бубенцов из погребения № 7. В центре они почти биконические, с продолговатыми треугольными вырезами, снаружи, с двух сторон, висят довольно массивные цепочки, а внутри—парные бронзовые шарик (табл. VI, 18). Сходные бубенцы были обнаружены в Тепе-Гийане (начало II тыс. до н. э.). По предположениям исследователей они украшали колесницы⁴⁵.

В лори-бердских погребениях найдены: а) самый многочисленный и распространенный тип бронзовых пуговиц—круглые полусферические (табл. VII, 1, 3—5). Часть из них покрыта серебряной пластинкой без декора (II шт.), другие декорированы тонко выгравированными розетками (погребение № 7; табл. VII, 13, 14). Для изготовления обитых пуговиц круглую тонкую серебряную пластину надевали на бронзовую пуговицу и загибали с обратной стороны края пластины внутрь.

Круглые полусферические пуговицы без декора часто встречаются в памятниках поздней бронзы и раннего железа. Их, прежде всего, можно видеть в Лчашене; здесь они покрыты серебряной и золотой фольгой. Аналогии в Лчашене имеют также пуговицы, покрытые серебром и украшенные тонкими розетками. Такая розетка выгравирована на поддоне серебряного кубка из Лчашена. Подобные бронзовые пуговицы найдены также в Узунларе. Наконец, их можно видеть на ассирийских фресках, на сбруях лошадей (VIII в. н. э.)⁴⁶; б) круглая массивная бронзовая пуговица с плоской поверхностью, на которой выгравированы в виде розетки семь треугольников, а в центре круг, никрустированный синей и желтоватой стеклообразной пастой; снизу широкая петля (погребение № 7; табл. VII, 2); в) бронзовая овальная пуговица или бляха, сделанная из закрученной в круг бронзовой сплетенной проволоки, в которую вставлен гладкий прозрачный обсидиан с парой спиралей из тонких бронзовых нитей. Снизу толстая петля. Это очень тонкая ювелирная работа, где естественный прозрачный камень гармонично сочетается с бронзой (погребение № 2; табл. VII, 9).

Интересны также пуговицы, которые были пришиты к панцирю (табл. VII, 6—8). Среди них: а) полусферические мелкие пуговицы, имеющие с оборотной стороны прямые петли (погребение № 2). Диаметр их—1 см, высота—4 мм. Более мелкие из них пришивались к материи или коже рядами. Такие же пуговицы есть в Хртанце, в погребении № 6 Головино⁴⁷ и в ряде других памятников Армении; б) полусферические мелкие пуговицы, которые с двух сторон вместо петли имеют зубчики. Они крепились на кожаном панцире и делали вонза, таким образом, неуязвимым (погребение № 2). Подобные пуговицы встречаются, в частности, в Лчашене, панцирь же на кожаной основе с такими же пуговицами найден из раскопок в Артике⁴⁸. Эти находки не единичны; подобные предметы были обнаружены в таких памятниках, как Головино⁴⁹ и Диллижан⁵⁰. В Шейтан-Даге, в погребении № 38 эпохи железа, три ряда таких пуговиц украшали кожаный пояс покойника. Бляхой

⁴⁶ Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока, М., 1968, рис. 241.

⁴⁷ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. VII, рис. 3.

⁴⁸ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 60, рис. 9.

⁴⁹ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у с. Головино, КСИИМК, 1952, вып. XLVI, рис. 17—2 и 18.

⁵⁰ Л. Карапетян, А. Шагинян, Археологические находки в Диллижане, ВОН, 1961, № 12, с. 70 (на арм. яз.).

⁴² С. А. Есаян, О некоторых бронзовых сосудах древней Армении, ВОН, 1966, № 8, с. 91, табл. 1, 10.

⁴³ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XII, 1.

⁴⁴ Е. Лалаян, Раскопки погребений в Советской Армении, Ереван, 1931, с. 192, рис. 189 (на арм. яз.).

⁴⁵ E. Herzfeld, Iran in the ancient East, London, 1941, с. 142, табл. XXIX; с. 143, рис. 259.

для пояса служила пуговица покрупнее⁵¹; в) бронзовая эллипсоидная оправа, в которую вставлена деревянная дощечка, украшенная плотными рядами полых бронзовых полусфер диаметром 4 мм. Они крепятся к дереву четырьмя острыми зубцами (табл. VII, 10). Предмет этот напоминает фрагмент головни-ского панциря (XII—XI вв. до н. э.)⁵² с той лишь разницей, что там ободок круглый, а здесь овальный, бронзовые же полусферы мельче и укреплены более плотными рядами. В погребении № 2 найдены два таких предмета, в погребении № 7—огромное количество бронзовых полусфер, а в погребении № 14—экземпляр с серебряным ободком. Они имеют свои аналоги в Лчашене.

В погребении № 7 обнаружен бронзовый нож или кинжал с очень широким необычным клинком, острыми краями и слабо выраженными тремя продольными «жилками» (табл. VII, 12). В этой связи следует вспомнить опять Лчашен, где найдено множество подобных предметов с широкими лезвиями, которые завершаются рукоятками. Такие же ножи, без декора, с более коротким лезвием мы видим в различных комплексах того же Лчашена.

В погребении № 2 обнаружен малый наконечник «носоха» хорошей сохранности с серебристым блеском (возможно, наконечник посеребренный), он был прикреплен к тонкой палке. Верхушка округлая, выпуклая, декорирована двумя рядами треугольных проемов (табл. VII, 11). Декор этот весьма характерен для предметов эпохи поздней бронзы, ему часто сопутствует инкрустация.

Для наших погребений характерны различные гвозди: а) с крупными полукруглыми головками, плоским или круглым окончанием. Часть головок заполнена пастой кирпичного цвета; б) с полусферическими головками диаметром 11 мм, имеют толстые и круглые в сечении концы; в) тонкие, четырехгранные и остроконечные гвозди, прибитые к бронзовым ленточным пластинам (табл. VIII, 1—19). Аналогичны им есть в Лчашене, Самтавро и других местах.

Гвозди служили различным целям и выбирались в каждом случае особо. Гвозди с полусферическими головками создавали одновременно и декор, который мы часто видим на остатках деревянных предметов. Возможно, в этих случаях к дереву крепилась и ткань, но, к сожалению, до нас она ни в одном случае не дошла. Из мелких украшений в погребении № 2 обнаружены различные бронзовые украшения, обломок предмета с треугольными разрезами, украшение типа медальона, на

котором были выведены тонкие спирали. В погребении № 7 найдены бронзовые ленточные пластины шириной 5,5 см и более, которые опоясывали цилиндрические жерди и были прикреплены к ним с помощью гвоздей. Эти широкие бронзовые ленты, имеющие множество аналогий в комплексах Лчашена, связываются с повозками.

В могиле Лори-Берда встречены также предметы неизвестного назначения. В погребении № 7 обнаружены бронзовые прямоугольные украшения (6 шт), составленные из трех параллельных трубочек с суживающимися концами и боковых планок с соответствующими тремя отверстиями. Они имеют незначительные расхождения в размерах (табл. VIII, 20, 22). Безусловно, отверстия сделаны для напизывания их на нитку. Они могли быть украшениями отдельных частей пояса. Аналогичны их можно найти в Лчашене. Эти последние изготовлены, однако, из олова, а трубки тоньше и менее выпуклые⁵³. Точно таким же способом были изготовлены более ранние кироваканские и лори-бердские золотые тонкие бусы. В той же могиле был обнаружен трубкообразный бронзовый предмет с острым концом длиной 12,5 см с одним круглым отверстием в широкой части. Предмет сильно разрушен (табл. VIII, 21). Следует предположить, что это колющее оружие. Параллели ему найдены в больших могильниках Лчашена, сходное оружие обнаружено также в кромлехах Хртаноца периода развитого жезла⁵⁴.

В погребении № 7 был найден бронзовый прямоугольный предмет, к углам которого прикреплены мелкие колесики диаметром 1,5 см. В них накрест расположены по четыре треугольника, инкрустированных деревом (табл. VIII, 23). Колесики напоминают солнечные диски, которые обрамляли культовый бронзовый диск из Аладжа-Уюка (2500—2000 гг. до н. э.)⁵⁵. Они инкрустированы точно также, как концы роговидных скульптурок. Такие изображения часто встречаются в наскальных композициях Гегамских гор и Сюника⁵⁶.

Инкрустированные деревом предметы в Лори-Берде встречаются редко, они очень ха-

⁵³ Б. Б. Пиотровский предполагает, что эти предметы являлись сырьем и доставлялись на Кавказ из европейских и средиземноморских стран, богатых оловом.

⁵⁴ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. III, рис. 4, 5.

⁵⁵ Е. Акургал, ук. соч., табл. 7.

⁵⁶ Г. О. Караханян, П. Г. Сафян, Наскальные изображения Сюника, Ереван, 1970, табл. 71, рис. 1; табл. 150, 198, рис. 2; табл. 212, рис. 1 и т. д.; А. А. Мартиросян, А. Р. Израелян, Наскальные изображения Гегамских гор, Ереван, 1971, рис. 85, 145, 293, 304 и т. д. (на арм. яз.).

⁵¹ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, Paris, 1889, с. 51, рис. 12.

⁵² А. О. Мнацаканян, Раскопки погребений в с. Головино, ТГИМА, 1959, № 5, с. 37, рис. 16 (на арм. яз.).

рактерны для Лчашена. В Лорн-Берде наряду с деревом для инкрустации использовалась цветная стекловидная паста и паста кирпичного цвета.

В том же погребении № 7 был найден полный массивный предмет хорошей сохранности с семью сквозными отверстиями на стенках, с одним гвоздем и нижним расширяющимся в виде ланы выступом, на котором вырезаны ряды зигзагов (табл. VIII, 24). Предмет этот, по всей вероятности, являлся пожкой деревянной мебели.

Бронзовые бусы имеют разную форму—биконическую, бочкообразную, ромбическую (13 шт.; табл. IX, 1). Последние изготовлены из тонкой бронзовой пластины, заполнены сероватой пастой. Это давало возможность сэкономить металл, одновременно облегчив вес бусинки. Бусы эти имеют прямые аналоги в Лчашене и в Артике⁵⁷.

Цилиндрические, бочкообразные, катушкообразные бусы, имеющие свои аналоги в Лчашене, делались также из серебра (табл. IX, 2).

Золотые бусы (табл. IX, 5, 6; рис. 23б, 9, 10) обнаружены в погребении № 2 (2 шт.)⁵⁸. Они темно-желтого цвета, каждая весит 800 мг и содержит 56% чистого золота. Одна из них—цилиндрическая—состоит целиком из зерен. Эта бусина сделана при помощи припаянных шариков. В разрезе видно шесть шариков. Подобные золотые бусы найдены в погребениях № 1 и 2 Лчашена⁵⁹, серебряные—в Кировакане⁶⁰ и в погребении № 15 Лорн-Берда, а бронзовые—в погребении № 9 Артика⁶¹.

Другая золотая бусинка длиной 1,6 см и шириной 7 мм имеет эллипсовидную форму и украшена зернью. Обе ее стороны декорированы одинаково: в центре—по две пары спиралей из тонкой золотой проволоки, скрученные противоположно друг другу; они обрамлены восьмью гроздевидными украшениями, составленными из чрезвычайно мелких зернышек; эти украшения, в свою очередь, обрамлены рядом таких же мелких зерен. Для изготовления подобных бусинок вырезали эллипсовидную золотую пластинку, искусно соединяли края, превращая ее в полую бусину, затем крепили на ней спирали и украшали

зернью. Бусина очень прочна и долговечна, она имеет два отверстия, обрамленных тонкими золотыми поясками и является великолепным образцом ювелирного искусства.

Золотые бусы и пуговицы, украшенные зернью,—явление довольно распространенное. Они известны из Лчашена⁶²; зернь мы встречали на серебряных подвесках из Кировакана⁶³. Зернью и спиралью украшены головки золотых и серебряных булавок, найденных в богатых погребениях Трпалети⁶⁴.

В большом количестве в лорн-бердских погребениях найдены каменные бусы (рис. 9). Их особенно много в погребении № 2; достаточно сказать, что общий их вес составлял около 1,5 кг. Так как в погребении произведены повторные захоронения, то иногда вопрос их хронологического разграничения затруднен. Это, в частности, относится к каменным бусам, определенные виды которых продолжают существовать на протяжении долгого времени.

Среди сердоликовых бус преобладают шаровидные, хорошо отшлифованные красного, желтого и розового цветов. Они разных размеров, просверлены с одной или двух сторон. Многочисленны также «рубленные» бусы, обработанные менее тщательно. Есть бусы поменьше, плохо отшлифованные, просверленные лишь с одной стороны. Много мелких бус, просверленных с одной стороны. Красные и многочисленные янтарные бусы темно-красного цвета, прекрасно обработанные и просверленные с двух сторон. Одна бусина-подвеска красная, из непрозрачного камня и имеет лопатообразную форму длиной 3 см.

В погребениях Лорн-Берда обнаружены также бусы различных цветов и форм из пасты и стеклообразной массы. Больше всего распространены здесь мелкие цилиндрические и шарообразные, в основном синие и белые и в меньшем количестве черные и красные. В погребении № 7 их мало, зато во втором числе их доходит до нескольких десятков тысяч. Они были сложены кучками из одноцветных и разноцветных бус. Местами по их расположению видно, что предпочтение отдавалось сочетанию из трех белых и одной синей. Здесь был также их мельчайший вид—бисер, который крошился при прикосновении. Бисер был очень распространен в могильных комплексах и бывал очень долго—он был обнаружен в Гехароте, Хртаноце, Трпалети и др. Возможно, бисер не только нашивали и носили в качестве ожерелья, но и пришивали к одежде и другим предметам, как это видно, например, на уникальном экземпляре, найден-

⁵⁷ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 83, табл. 7.

⁵⁸ С. Г. Деведжян, Золотые и серебряные украшения погребения № 2 Лорн-Берда, ИФЖ, 1971, № 1, с. 272, рис. 9, 10 (на арм. яз.); *еже*, Лорн-Бердский могильник, СА, 1974, № 2, с. 186, рис. 6—3, 7.

⁵⁹ А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов... СА, 1957, № 2, с. 148, рис. 4.

⁶⁰ С. Г. Деведжян, Некоторые золотые и серебряные предметы Ташир-Дзорагста эпохи бронзы, ВОН, 1966, № 12, с. 108, табл. 1, рис. 16. (на арм. яз.).

⁶¹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 83, табл. 7.

⁶² А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов..., с. 148.

⁶³ С. Г. Деведжян, Некоторые золотые и серебряные предметы..., с. 108, табл. 1, рис. 6.

⁶⁴ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трпалети, табл. ХСV, ХСVII.

ном при раскопках Султан-Тепе в 1952 г. Предмет этот, по всей вероятности, представлял собой кошелек, расшитый белым и светло-синим бисером рисунком в виде ковровых ромбиков, окаймленных красным и желтым⁶⁵.

стеклянная прямоугольная буса-разделитель цвета темной синьки, имеющая два отверстия, декорированная выпуклыми параллельными линиями (табл. IX, 7). Подобные бусы обнаружены в одном из комплексов Артика, датированном XIV—XIII вв. до н. э., вместе с хурри-

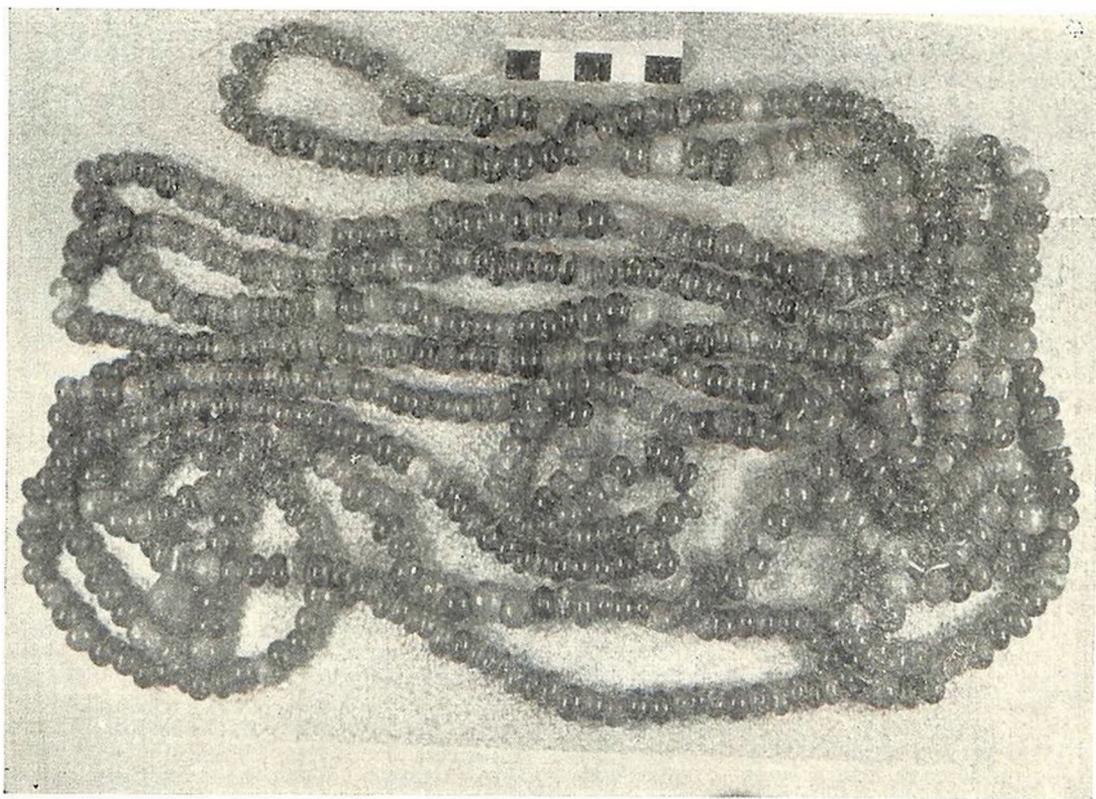

Рис. 9.

В погребениях № 2 и 7 встречены биконические пастовые бусы с радиальными выемками и линиями. Они светло- и темно-синего цвета, на некоторых видны следы блестящей глазури. Имеются еще шаровидные бусы темно-синего цвета и напоминающие по форме косточки маслины (табл. IX, 3, 4).

Встречены цилиндрические бусы (длина их 2,2—7 см), в которых на белую глиняную основу нанесена синие-зеленая глазурь. Обнаружены также трехреберные, цилиндрические, катушкообразные бусы, на которых нанесена тонкая линейная гравировка. Цилиндрические и миндалевидные бусы делались также из мелкообразной белой массы. Бусы из синие-зеленых зернышек создают впечатление виноградных гроздьев. В погребении № 7 обнаружены синие, зеленые, желтые и белые стеклянные бусы, однако среди них самая эффектная—

митанийской печатью, а также в Ариче вместе с расписной керамикой и другими характерными предметами эпохи средней бронзы⁶⁶. Как верно заметил Т. С. Хачатрян, бусы эти являются хурри-митанийским экспортом.

Особый интерес представляют стекловидные грушевидные бусы, изготовленные из пасты и декорированные зернью (погребение № 2), которые имеют заканчивающуюся кольцом бронзовую ось (табл. IX, 8).

В погребении № 2 обнаружены также две очень крупные шаровидные бусины и маленькая бусинка-разделитель из черного янтара (табл. IX, 9). Этот материал в Армении встречается редко. Такие бусы, только меньших размеров, найдены еще в Лчашене.

В погребении № 2 была обнаружена коническая печать из хрупкого песчаника; вы-

⁶⁵ R. D. Barnett, Assyrian objects from room. M₂ AS, 1953, vol. III, с. 49, табл. Vc.

⁶⁶ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака. Ереван. 1975, с. 158.

сота—1,5 см, диаметр—1,8 см. На наклонной ее поверхности выгравированы два ряда треугольничков, на проходящем через центр горизонтально-бороздчатом пояске проделано отверстие для нити. Основание печати плоско-круглое, в центральной части резьба в виде глаза, а вокруг радиальная гравировка. Отпечаток ее на глине напоминает светило или просто восходящее на горизонте солнце (табл. IX, 10).

В погребении № 7 найден точно такой же, но полусферовидный предмет с крестообразной гравировкой. Изготовлен он из мелоподобной пасты и покрыт беловатой глазурью. Глазурь на его основании разрушена и рассыпана, что затрудняет его функциональное определение; возможно это просто подвеска, так как подобные конические подвески найдены также в Лчашене.

Из того же погребения происходит цилиндрическая пастовая печать—бусина с изображением древа жизни (табл. IX, 3). Она приближается к известной печати из арктического погребения № 625, которая по мнению исследователя является репликой сирийско-палестинских и хуррит-митаннийских изделий⁶⁷.

В погребениях № 2 и 7 обнаружены также наконечники стрел (табл. IX, 11, 12.). Во втором они из серого обсидиана с квадратным основанием, очень тонко отретушированы. Из восьми наконечников погребения № 7 только один сделан из прозрачного обсидиана, остальные из красного и серого кремня. Они также имеют чрезвычайно тонкую ретушь, зубчатые заостренные концы и выемки для древка. Эти наконечники очень характерны для ранней фазы поздней бронзы Кавказа, их можно видеть во многих памятниках, в том числе и в Лчашене.

Керамика. Подавляющую часть керамики из погребений Лори-Берда эпохи поздней бронзы составляют культовые сосуды, декорированные различными способами. Среди них примечательна трехцветная и инкрустированная керамика, специфичная для начального периода поздней бронзы и хорошо знакомая по великолепной, украшенной скульптурками культовой керамике Лчашена. Кухонная посуда в этих комплексах малочисленна.

В обоих погребениях были обнаружены высокие полые внутри цилиндрические, суживающиеся в середине сосуды, которые в археологических материалах Армении составляют уже довольно большую группу. В специальной литературе они пока не имеют определенного названия и называются весьма условно курильницами. В каждом погребении Лори-Берда оказалось по 5—6 курильниц. Они грубые, изготовлены вручную из плохо

отмученной глины, стенки толстые, плохо обожжены, имеют лощеную черную поверхность. «Курильница» из погребения № 2 имеет высоту 30 см, расширяется кверху в виде горна. Центральная ее часть, находящаяся между двумя выпуклыми поясами, декорирована. Пояс шириной 8,5 см украшен резными меандрами, состоящими из прямых углов. Последние заполнены дырочками, инкрустированными пастой белого и красного цветов и окрашены сверху теми же красками. Каждая пара сторон, создающих угол, покрашена и инкрустирована одним цветом. Выше расположен поясок шириной 5 см, заполненный простыми треугольничками в два ряда, обрамленный рельефными валиками. Треугольнички обращены друг к другу острыми углами, заполнены ямочками и инкрустированы также белым и красным. Вместе с курильницами был найден фрагмент, похожий на крышечку от этих сосудов (табл. X, 1—3).

Следует заметить, что курильницы из погребения № 7 похожи по форме друг на друга, но отличаются от таковых из погребения № 2. Они более высокие (36—38,5 см), корпус их более узкий, основания грубо-уголчатые (1,7 см), стенки вертикальные. Последние, постепенно суживаясь, придают курильнице коническую форму, а затем, сразу же раскрываясь, принимают в верхней части форму горна. Венчики тонкие и изящные (толщина 1 см).

Лишь две курильницы декорированы горизонтальными поясами из широких желобков и треугольничков. Острые углы треугольничков направлены кверху и заполнены мелкими углублениями, причем треугольнички верхнего ряда меньше нижних. Другие украшены широким поясом меандров, которые, как и предыдущие, заполнены дырочками. Они в свое время были раскрашены и инкрустированы красным и белым цветом, о чем свидетельствуют кое-где сохранившиеся следы краски. Венчики этих сосудов подвергнуты сильному воздействию огня (табл. X, 4—9).

Вообще курильницы были черполощеными, что видно по отдельным небольшим участкам. На поверхности цвет и лощение совершенно не сохранились. Глина смешана с песком, не просеяна.

Среди черепков был найден также фрагмент черного матового толстого сосуда, декорированного процарапанными горизонтальными волнами; сосуд был, очевидно, курильницей. На других фрагментах курильниц наряду с треугольным декором имеются также вырезанные изображения древа жизни, выкрашенные в красный цвет (табл. X, 7, 9). Как в погребении № 7, так и № 2 мы не смогли увидеть первичное состояние курильниц, так как все они сразу остались под обрушившейся плитой и обломались. Можно предположить, что каждая из 5—6 курильниц, содер-

⁶⁷ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 158, рис. 77.

жавшихся в могильниках, имела свою особую роль и предназначение.

Как уже было сказано, курильницы в настоящее время в Армении составляют солидную группу. Еще в 1906—1908 гг. Е. Лалаян при раскопках в бассейне оз. Севан, в так называемой «гробнице священного быка» (Мртли дзор) обнаружил «три воронкообразные глиняные трубки», которые, по его предположению, служили для разжигания огня при курении ладана. Он предполагает, что трубки ставились на обнаруженные в той же могиле квадратные декорированные «ящики» с отверстиями⁶⁸. Позднее аналогичное явление было зафиксировано в Лчашене, где полный декорированный «ящик» был установлен на курильнице⁶⁹. Кстати, описанное Е. Лалаяном погребение имеет большое сходство с погребением № 7 Лори-Берда.

Две курильницы, одна из которых оказалась расписной, были обнаружены в 1964 г. в окрестностях Еревана. Они датируются начальной фазой поздней бронзы⁷⁰.

Предметы эти до сих пор были обнаружены лишь в богатых погребениях, в которых устанавливалось одновременно несколько курильниц. Они, как правило, декорированы треугольниками, меандром и изображениями змей, которые на лчашенских экземплярах исполнены барельефом. Меандр на лори-бердских курильницах также напоминает змей. В Триалети эти предметы датируются последней фазой поздней бронзы. Они более приземистые, имеют дно и, очевидно, использовались в качестве подставок⁷¹.

Подобные предметы встречены не только в памятниках Армении, но и во многих странах Передней Азии, однако до сих пор не выяснено для какой цели они служили. В Передней Азии они изображаются часто на печатях и на предметах изобразительного искусства. Эти продолговатые полые изделия часто имеют также окошечки-отверстия. Их культовое назначение не вызывает сомнения, они распространены в большом географическом ареале и бытовали довольно долго. На одной шумерской печати⁷² со сценой жертвоприношения мы видим изображения двух курильниц, сложенных покрытых четырехугольными отверстиями. На более высокой лежит голова животного (вероятно, козы), а на нижней

стоит кубок, из которого поднимается пар. Надо полагать, что в этих сосудах горел огонь.

В музее Американского университета в Бейруте экспонируются две великолепные высокие курильницы из Сирии, которые напоминают по некоторым своим элементам наши образцы. Они названы «разжигателями» — курильницами для ладана (*insense burners*). Хотя место их обнаружения неизвестно, однако отмечено, что сходные сосуды часто встречаются недалеко от города Хама (Сирия). Одна курильница датируемая XIX—XVI вв. до н. э. имеет вертикальные стенки и два конца, завершающиеся ступенчатым расширением; в центральной части одно треугольное отверстие, острым углом вниз; сверху и снизу отверстия нарисованы светлой краской на темно-горчичном фоне отдельными поясами «бегающие спирали», длинношеие птицы, козлы и треугольнички, заполненные точечками. Все эти фигуры напоминают изображения на наших однотипных предметах и керамике эпохи поздней бронзы. Другая курильница, датированная XII в. до н. э., имеет форму узкой и длинной трубки, основание которой расширяется; она розового цвета, имеет рельефно выгравированный орнамент из желобчатых поясов и вертикального слочного узора. В стенках прорезаны многочисленные узкие и длинные «окошки», расположенные в шахматном порядке. В Мегиддо найдены разновидности этих сосудов⁷³.

Другой образец курильниц с двумя ручками и двумя прямоугольными «окошечками» считается подставкой⁷⁴. На третьем, сильно суживающемся кверху образце, установлен сосуд в форме чаши, соединяющейся с подставкой мелкими отверстиями⁷⁵. Нижняя часть служит как для разжигания огня, так и в качестве подставки. В числе культовых предметов медного века из Мегиддо также представлены курильницы, расписанные, как и курильницы Лчашена и Лори-Берда⁷⁶, черной, красной и белой красками. Таких предметов в Мегиддо очень много. Любопытно, что они также встречаются в культурах III тыс. до н. э. (Тене-Гавра⁷⁷ и Табара-аль-Акрад⁷⁸).

В древнем Шумере подобные предметы, по-видимому, связывались с обрядами плодородия. На стеле Ур-Намму, одного из царей

⁶⁸ Е. Лалаян, Раскопки погребений..., с. 80.

⁶⁹ А. О. Мнацаканян, О двухцветной керамике Лчашена, Изв. АН Арм. ССР, 1957, № 5, с. 115, рис. 8.

⁷⁰ С. А. Есаян, Л. Л. Каранетян, Новооткрытый могильник близ Еревана, ИФЖ, 1965, № 4, с. 282, табл. 1. 2 (на арм. яз.); С. А. Есаян, Ереван, Ереван, 1969, табл. 33, 7.

⁷¹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 66, табл. LIII.

⁷² J. Klima, Gesellschaft und Kultur des alten Mesopotamien, Prag, 1964, с. 79, p. b.

⁷³ Gordon Loud, Megiddo II, seasons of 1935—1939, Chicago, 1948, с. 10, 11, табл. 87.

⁷⁴ Там же, рис. 12.

⁷⁵ Там же, табл. 145, рис. 14.

⁷⁶ Kathleen M. Kenyon, Archaeology in the Holy Land, London, 1960, рис. 49.

⁷⁷ E. A. Speiser, Excavations at Tepe-Gawra, vol. I, Philadelphia, 1935, табл. XXX.

⁷⁸ S. Hood, Excavations at Tabara al Akrad, AS, 1948—49, 1951, vol. I, с. 113, рис. 7, 20, 20a.

III династии Ура, из таких изделий растет дерево и течет вода⁷⁹, а на печати, найденной в храме Ашпунака, рядом с выросшим колосом изображен алтарь в виде курильницы, из которого выступает пламя⁸⁰. Здесь же присутствуют боги, тело одного из них имеет змеевидное окончание. Эта печать, датирующаяся временем царских гробниц Ура, проливает свет на назначение наших курильниц. Можно полагать, что при совершении жертвоприношений, связанных в частности с культом плодородия, они одновременно служили и подставками, и кадилницами. Как известно, на Древнем Востоке и в Армении культ плодородия был связан с умирающим и воскресающим богом, с идеей возобновления всей живой природы, воспроизводства человеческого рода. Явление смерти в сознании людей было тесно связано с рождением, а все это вместе взятое — с возобновлением всего органического мира. Именно поэтому на курильницах Передней Азии изображались колосья или древо, именно поэтому древнее население Армении имело обыкновение опускать в могилу зерна пшеницы, ячменя, хлеб и священные хлебцы. Это было связано и с идеей воскрешения жизни, и с верой в загробную жизнь.

Очевидно курильницы возникли в Южной Месопотамии и Палестине уже в IV—III тыс. до н. э., а затем распространились по всему Востоку, дойдя до Кавказа в XV—XIV вв. до н. э., где они в дальнейшем широко бытовали вплоть до начала I тыс. до н. э.

В каждом из открытых погребений было обнаружено по одному светильнику (табл. XI, 1, 2). Они имеют форму горшков средних размеров с круглым корпусом и широким венчиком. Светильник из погребения № 2 имеет ниже венчика пояс из выгравированных треугольников, заполненных дырочками и инкрустированных красной и белой пастой. На плечиках на равном расстоянии друг от друга установлены пять вертикальных трубочек, внутри которых сохранились следы сажи. Трубочки эти имеют высоту около 7—8 см, украшены мелкими дырочками, расположенными вертикальными рядами, и инкрустированы полосками белой и красной пасты; сверху же покрыты красками тех же цветов. Светильник из погребения № 7 бурый, матовый, на плечах у него пять трубочек высотой 15 см, которые соединяются с корпусом коническими основаниями. Трубочки декорированы желтыми горизонтальными полосами и выкрашены в красный цвет, они изящные, тон остенные, в изломе кирпичного цвета,

хорошо обожжены. Светильники широко известны в различных памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа; так мы их встречаем в Лчашене, в районе Эчмиадзина, в Апаране, Мецаморе, Двине, Гегануше (Кафан), в Шамахяне — близ Дилижана. Великолепный экземпляр был найден в поселении Нацар-Гора (Шида Картли)⁸¹. В Мегиддо была найдена «лампада», имеющая в центре одну, а вокруг шесть трубочек, установленных на гладкой поверхности⁸². Светильники эти, без сомнения, культового назначения. В археологических собраниях они встречаются реже, нежели вышеописанные курильницы. Все известные нам примеры уникальны и не похожи друг на друга. Светильники Лори-Берда сближаются больше всего с лчашенскими и шамахянскими, однако они более совершенны.

Очень любопытны миски в форме половинки ореха; стенки их с двух противоположных узких сторон вогнуты, поверхность трехцветна и инкрустирована; иногда они декорированы лощением. Имеются также образцы без декора (погребения № 2 и 7).

Миска из погребения № 2 изготовлена на гончарном круге — она черная лощеная, с тонкими стенками. Под бровкой, между двубороздчатыми поясами шириной в 3 см, нацарапан пояс из треугольников, заполненных дырочками, инкрустированными красным и белым. Направленные вверх острые углы — красные, а нижние — белые. В этой части сверху наложена слабая беловатая краска. Очень похожи на описанные черепки, найденные в погребении № 7, но у них только нижний ряд пояса из треугольников заполнен дырочками. Они были выкрашены и инкрустированы красным, однако краска почти не сохранилась из-за плохой сохранности самого предмета. В погребении № 2 были найдены также образцы, декорированные лощением, а в погребении № 7 — совершенно без декора (табл. XI, 3—6).

Миски такой формы имели распространение в памятниках Армении в начале эпохи поздней бронзы. Однако их истоки надо искать в ранней бронзе; позднее, в эпоху средней бронзы, они исчезают и появляются вновь, в несколько видоизмененном виде лишь в ранней фазе эпохи поздней бронзы. Сосуды эти особенно характерны для памятников района оз. Севан, где они стали впервые известны из раскопок Е. Лалаяна⁸³. Особенно ими славится древний Лчашен, где только в одном погребении (№ 5) было найдено шесть экземпляров вместе с курильница-

⁸¹ Г. Ф. Гобеджишвили, Холм Нацар-Гора близ с. Сталиншири, Мнмомхилвелл, II., Тбилиси, 1951, табл. XI, рис. 1.

⁸² Gordon Lond, ук. соч., табл. 118, рис. 17.

⁸³ Е. Лалаян, Раскопки погребений..., с. 199, рис. 198.

⁷⁹ Г. Чайлд, Древнейший Восток, с. 160.

⁸⁰ Н. Д. Флитнер, Земледельческие культы Древней Месопотамии в свете последних раскопок, ТОВГЭ, т. 1, Л., 1939, с. 15, рис. 2.

ми и ящиковидными алтарями. Аналогичны им известны также из Арзни⁸⁴ и района Ширака. Подобные сосуды встречаются только в богатых погребениях вместе с другой культовой посудой; они изготовлены всегда с особой тщательностью.

В обнаруженной нами коллекции имеются также инкрустированные горшки с трапециевидной ручкой—они черные лощеные, корпус широкий, венчик несколько выгнут, на плечиках пояс из треугольников, заполненных дырочками, инкрустированными красно-белой пастой и выкрашенными сверху теми же цветами (погребение № 2). В основании пояса эти сосуды имеют по одной плоской трапециевидной ручке, своей приподнятостью напоминающей птичий хвост. Кстати, тот же характер имеют миски, плечи которых декорированы меандрами, покрытыми дырочками (их черепки найдены в погребении № 7); здесь дырочки инкрустированы и затерты краской тех же цветов (табл. XII, 1—5). Горшки эти своими ручками напоминают кувшины и культовые сосуды Лчашена.

В погребении № 2 были обнаружены также черепки черных мисок, украшенных напесенными лощением сетчатыми поясами, зигзагами и пр. (табл. XII, 6—8). Миски такого типа очень распространены в ранней фазе поздней бронзы, для них особенно характерны лощеный сетчатый узор. Эти миски в большом количестве найдены во многих древних памятниках, в том числе в Гехароте⁸⁵ и Артике⁸⁶.

Кухонная керамика в погребениях очень редка. В могилах № 2 и 7 оказались черепки матовых округлых горшков с короткой горловиной, хорошо выраженным венчиком, украшенных желобчатыми поясами. Найден также горшок кирпичного цвета, декорированный семечковым орнаментом (табл. XII, 9—12). Это очень распространенная кухонная посуда, которая использовалась на протяжении долгого времени.

В погребении № 7 были найдены также бурые и черные матовые «замытые» черепки сосудов с пояском напесных пуговиц (табл. XII, 14). Этот декор был очень распространен в памятниках эпохи средней бронзы, однако иногда он появляется и в более позднее время (Гехарот, Лчашен, Артик⁸⁷, Мусиери⁸⁸). Сохранность этих сосудов вследствие воздействия воды и воздуха очень плохая.

⁸⁴ А. О. Мнацаканян, О двухцветной керамике Лчашена, с. 110, рис. 3—5 и 4.

⁸⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 92, рис. 44.

⁸⁶ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 195, рис. 104—108; с. 196, рис. 109.

⁸⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 89—90, рис. 42—5.

⁸⁸ J. de Morgan, ук. соч., с. 144—145, рис. 146—149.

В погребении № 7 найдено также точило из необработанной продолговатой гальки; аналогичное точило обнаружено при раскопках поселения. На нем видны следы сработанности (табл. XII, 13).

Исследование погребений Лори-Берда эпохи поздней бронзы представляется важным в том отношении, что после Кироваканского кургана эпохи средней бронзы в Ташир-Дзорагете не были изучены памятники последующего этапа. Хотя кромлехи Гехарота в какой-то степени восполнили этот пробел, однако они, с точки зрения разнообразия и богатства археологического материала, являются весьма скромными.

К сожалению, ограбленность погребений Лори-Берда и наличие в них двойных захоронений помешали составлению полной картины совершавшихся здесь обрядов. О них сейчас можно судить, привлекая данные лчашенских погребений, которые своим внутренним и внешним оформлением, характерными особенностями сохранившегося инвентаря и обрядом захоронений полностью соответствуют погребениям Лори-Берда XIV—XIII вв. до н. э. Очевидно, конструкции этих могил и обряды погребений племен восточной Армении начали формироваться еще в III тыс. до н. э., впоследствии же, развиваясь и видоизменяясь, на протяжении II тыс. до н. э., оформились полностью на почве древних местных традиций.

Как видим, подобные погребения характерны также для среднебронзовых памятников типа курганов Кировакана и Триалети. Акцентируя развитие чисто местных традиций в конструктивных и ритуальных особенностях памятников, исследователи отмечают, что здесь имеет место также влияние хеттской культуры⁸⁹, с которой была связана культура Армении. Неудивительно, что очень близкие погребальные обряды зафиксированы также в греческом мире. Возможно, что и здесь были сильны те же влияния⁹⁰.

Бронзовые статуэтки Лори-Берда и других памятников Армении эпохи поздней бронзы представляют собой реалистически выполненные изображения животных и птиц, истоки которых, вероятно, следует искать в хеттском и вернее раннехеттском искусстве, насыщенном религиозной символикой. Найденные в Аладжа-Уюке (2500—2000 гг. до н. э.)⁹¹ бронзовые фигурки и декорированные свасти-

⁸⁹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 100; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, с. 45; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 72—73.

⁹⁰ С. Г. Деведжян, Лори-бердская колесница..., с. 218.

⁹¹ Akurgal, ук. соч., табл. 1—6, 8—12.

камни и солярными знаками ажурные украшения прямо сопоставляются с нашими материалами. Эти бронзовые предметы скорее всего принадлежали знати или жреческой прослойке, символизировали их привилегированное положение и использовались при различных обрядах. Напрашиваются и другие сопоставления. На стене одного из храмов хурритского города Мари была обнаружена выполненная инкрустацией и плохо сохранившаяся батальная сцена, изображающая эпизод из последних событий войны между Мари и Шумером. Здесь представлены пленные и ведущий их жрец в шумерской тунике с продолговатым щитом, на котором имеется фигурка быка, весьма напоминающая скульптурку из Лчашена⁹².

Обычай украшать дышла повозок металлическими статуэтками также восходит к шумерским. В одном из погребений Ура на дышле повозки была закреплена статуэтка ослика, изготовленная из сплава серебра и золота⁹³.

Суммируя результаты исследований лчашенских и лорн-бердских бронзовых моделей колесниц, приходим к следующему: а) для погребений племенной знати Армении XIV—XIII вв. до н. э. характерны бронзовые модели колесниц, не имеющих ближайших аналогий в известных моделях Востока и Запада; исследователи рассматривают их как результат местного производства; б) модели указанного периода воспроизводят один основной тип колесниц, подлинные деревянные образцы которых использовались в Армении намного раньше появления их металлических моделей; в) производство и использование определенного типа колесниц совершенно закономерны, так как колесный транспорт появился здесь уже в III тыс. до н. э. и прошел долгий путь развития.

Захоронения раннего периода эпохи поздней бронзы Ташир-Дзорагета показали, что традиции богатой культуры предшествующего периода, несколько видоизменяясь, продолжают и в последующее время. Таким же остается обряд захоронения: в Лчашене и Лорн-Берде вместе с усопшим помещали деревянные повозки, колесницы, украшенные металлическими поясками, статуэтками птиц и др. С двух сторон дышла вместо целых лошадей укладывали их отсеченные головы и конечности. В могилы помещали также большое количество культовых сосудов.

В этот же период значительно углубляется имущественная и социальная дифференциация общества, племенная знать накапливает

большие богатства, что отражается на погребальных памятниках. Развиваются такие виды искусства, как валяние, архитектура. Монохромная или бихромная посуда эпохи средней бронзы сменяется трехцветной чернолощеной, украшенной инкрустацией. Инкрустация культовых сосудов красной и белой пастой является новшеством. Культовая керамика обогащается такими формами, как курильницы, светильники, появившиеся благодаря влиянию юга. Население Ташир-Дзорагета, несмотря на наличие вокруг высоких хребтов, находилось в тесных взаимоотношениях с племенами бассейна оз. Севан. Возможно, выявленное сходство форм материальной культуры в дальнейшем будет объяснено этнической близостью племен бассейна Севана и Ташир-Дзорагета.

Выявляются также культурные связи с Шумером, хурри-митаннийским, малоазийским и эгейским миром. Если учесть также материалы Лчашена и некоторых других памятников Армении на протяжении эпохи поздней бронзы, то можно предполагать, что страна в свою очередь, часть своих изделий вывозила в Месопотамию и Иран. В ранний период поздней бронзы по сравнению с эпохой средней бронзы культурные связи Армении с Западом и Востоком расширяются.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ ФАЗЫ. Памятники средней фазы эпохи поздней бронзы пока малочисленны. Однако они довольно четко характеризуют процесс материальной культуры указанной эпохи, в особенности обработки металла, когда наряду с достигшим высшего подъема производством бронзы в Армении впервые появляются железное оружие и украшения из железа (Ворпак, могила № 16, 1894 г.).

Обнаруженные в могильнике Кировакана (ГИМА, ф. № 1528—1540, 1491—1492) многочисленные образцы ювелирных изделий средней фазы эпохи поздней бронзы свидетельствуют о том, что в Ташир-Дзорагете сохранялись и развивались богатые ремесленнические традиции ранней стадии.

Исследование нами золотых и серебряных материалов могильников Кировакана (Тагаворанст) позволило высказать определенные суждения относительно ювелирного искусства и ремесленной техники Ташир-Дзорагета⁹⁴. Здесь имеются украшения, изготовленные ковкой, чеканкой, давкой, шлифовкой, пайкой и прочими техническими приемами. Характерны также украшения с зернью, широко распространенные в Передней Азии.

О расцвете обработки металла на средней стадии эпохи поздней бронзы (XII в. до н. э.) в Ташир-Дзорагете свидетельствуют также

⁹² Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, М.—Л., 1958, с. 117—120, рис. на с. 119.

⁹³ Там же, с. 123, рис. на с. 127.

⁹⁴ С. Г. Деведжян, Некоторые золотые и серебряные предметы..., с. 100.

секиры из Алаверди и Ахталы, найденные в кладе вместе с плоскими топорами в 1931 г. и в 1957 г. Типологическая классификация и изучение этих секир впервые даны А. А. Мартиросяном. Следуя Мартиросяну, мы дали более подробное и общее исследование материала, охватив все секиры Армении, на фоне общекавказских материалов⁹⁵. В эпоху поздней бронзы металлургический очаг Алаверди включал в сферу своего влияния соседние районы, поставляя им не только сырье, но и готовую продукцию.

Последней фазой поздней бронзы датируется ряд памятников, обнаруженных в Туманянском, Гугарском и Степанаванском районах. К ним относится ахпатское погребение (1936 г.), в котором среди найденных бронзовых и железных украшений особенно ценны обломки широких бронзовых поясов, украшенные геометрическим орнаментом и стилизованными изображениями оленей⁹⁶. Характерный для поясов Закавказья эпохи поздней бронзы образец найден в погребении Сананна (1946 г.) с гравированными зооморфными и геометрическими изображениями. Исходя из символики этих изображений, исследователи связывают этот пояс с культом солнца, а также земных и небесных существ⁹⁷.

В керамике сананнского погребения наиболее примечателен черный лощеный культовый горшок с резным елочным орнаментом на венчике, а также объемными и палеными изображениями тигров и змей. Керамика этого погребения несет на себе некоторые традиционные элементы раннего периода, однако наличие биконического сосуда с траншеевидными ручками позволяет растянуть его датировку до конца эпохи поздней бронзы⁹⁸.

Последними веками II тыс. до н. э. датируются некоторые предметы из раскопок Гагагана (1957 г.) и Кировакана (1924, 1935, 1955 гг.)⁹⁹. Особого внимания достойны материалы из каменного ящика кироваканского Димана (1955 г.), которые имеют аналогию в известных комплексах Нагорного Карабаха (Арчадзор), Такни, Вардакара, Толорса, датирующихся концом XI в. и X в. до н. э.¹⁰⁰.

⁹⁵ С. Г. Деведжян, Некоторые вопросы металлообработки позднебронзового века в Ташир-Дзорагете, ВОН, 1968, № 8, с. 72 (на арм. яз.).

⁹⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 136—138.

⁹⁷ А. О. Мнацаканян, Следы солнцепоклонничества в древней Армении по раскопанным материалам эпохи бронзы (на арм. яз.). Труды ГИМА, 1948, № 1, с. 72—76; А. Р. Исраелян, Культ и верования в Армении в эпоху поздней бронзы, Ереван, 1973, с. 67, 121—122 (на арм. яз.).

⁹⁸ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 139—141.

⁹⁹ Там же, с. 141—142.

¹⁰⁰ Там же, с. 144—145.

В серию памятников Ташир-Дзорагета конца эпохи поздней бронзы должны быть включены и погребения № 8 и 9 Лори-Берда. Первое из них небольшое, в нем отсутствуют металлические предметы и украшения, однако оно выделяется своими сосудами, каждый из которых не повторяет друг друга. Погребение № 9 характерно своими крупными размерами, однако, к сожалению, оно оказалось ограбленным. Керамика вся была повреждена, а металлические предметы унесены.

Погребение № 8 находилось в нескольких метрах от погребения № 7 в юго-восточном направлении. Внешне оно представляет собой кромlech диаметром 4,5 м, обложенный камнями. После расчистки верхнего слоя земли обнаружилась крупная каменная плита длиной в 2 м, шириной в 1,5 м и высотой в 50 см. Рядом с ней находилась плита меньших размеров, под которой и находились все предметы, обнаруженные в погребении. Погребальная камера прямоугольная, вырытая в грунте, ориентирована с севера на юг; размеры ее 1,8×1×1,7 м (рис. 10). Скелет здесь обнаружен не был, но по всей поверхности пола зафиксирован слой пепла, утолщавшийся в двух углах южной стены. Здесь находилось 8 сосудов, в которых и под которыми оказались отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота. Вся керамика была сосредоточена в северной части погребения на площади в 90 кв. см, остальная же часть могилы пустовала. Видимо здесь имела место кремация.

Погребение № 9 внешне представляло собой курган с каменно-земляной насыпью диаметром 13 м и высотой 1 м. При удалении насыпи обнаружился обломок средневековой керамики, а на глубине 70 см—1 м в центральной части был замечен небольшой слой пепла. На той же глубине в слое пепла оказалась кость лошадиной ноги, а под северо-восточной стеной—лошадиная челюсть. В ходе раскопок на разных высотах и даже на полу погребения попадались крупные каменные плиты перекрытия. Ни одна из них не лежала на своем первоначальном месте. Погребальная камера была вырыта в грунте и покрыта громадными плитами, размеры которых в среднем составляли 2×1,5 м (толщина 60—70 см); чтобы стенки ямы не подвергались обвалу под тяжестью перекрытий, верхняя ее кромка была укреплена небольшими каменными плитами.

По краям могилы были помещены огромные плиты, которые одной частью упирались в материк, тогда как остальная часть висела над ямой. На созданных таким образом со всех сторон опорах поперек могилы были положены центральные плиты, которые, сходясь с двух сторон, закрывали погребальную камеру (ширина 2,9 м., длина 6,4 м, глубина 4 м). Поскольку материковая почва имела песчано-галечный характер, неспособный выдержать

вековое давление тяжелых плит, постепенно земля под плитами начала оползать, и в конце-концов произошел обвал основных плит перекрытия в могилу. Часть плит упала косо по отношению к стенам, некоторые оказались

отнесены к комплексам ранней фазы эпохи поздней бронзы, однако в керамике наблюдаются новые элементы, которые заставляют датировать погребение его последней фазой.

Среди бронзовых предметов привлекает

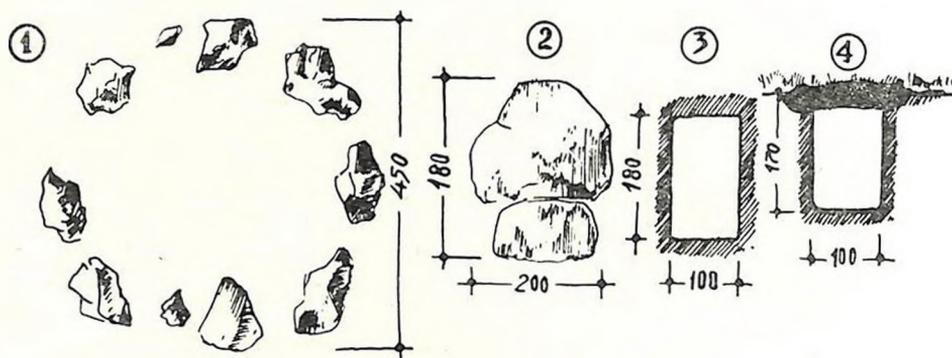

Рис. 10.

лежащими или вертикально стоящими на глубине 3—4 м. Вследствие обвала в поперечном разрезе погребение в верхней части приняло воронкообразную форму с шириной краев 5,7 м после удаления плит. Таким образом, с каждой стороны обвалилось 1,4 м грунта. Обрушившиеся плиты сильно затруднили раскопки. Достаточно отметить, что только из этого погребения с помощью машины пришлось вывезти 22 огромные плиты, часть из которых была поднята с четырехметровой глубины. Погребение было перекрыто четырьмя большими плитами, три из которых вместе с опорными плитами вертикально осели в пространство ямы, из чего следует, что обвал произошел не постепенно, а сразу (рис. 11, 12).

Ограбление могилы имело место ранее обвала, иначе хоть какой-то инвентарь сохранился бы под плитами. После раскопок выяснилось, что в двух углах узкой стены камеры, в центральной части и на полу по диагонали были установлены балки диаметром около 30 см. Следы балок сохранились, начиная с пола и до высоты 1,6 м, а в северо-западном углу — до 2 м. По-видимому, погребальная камера имела балочный настил, служивший основой для каменного перекрытия. Настил с внутренней стороны был обтянут тканью, сохранившейся лишь в виде мелких клочков под головками гвоздей на некоторых балках. В углу северо-западной стены, на высоте 1,4 м от нижней отметки, оказалось правильное отверстие шириной 0,9 м, которое в виде двери поднималось до края погребения. Это был умело замаскированный грабительский лаз (рис. 13).

Металлические предметы. Бронзовые предметы, найденные в этом погребении, имеют несколько архаичный облик и могли быть

вниманием роговидное изделие, являвшееся украшением деревянной мебели или повозки: оно состоит из полутрубки — основания и двух роговидных стержней, смыкающихся в кольцо. Длинное ответвление стержня заканчивается змеевидной головкой с круглыми выпуклыми глазами. Продольные края полутрубки снабжены наложенными лептами, а поперечные имеют колосовидный орнамент. Выходящий из внутренней стенки полутрубки тонкий бронзовый язычок служил для крепления его к деревянному предмету цилиндрической формы, следы которого сохранились (табл. XIII, 1). Хотя предмет этот пока не имеет точных аналогий, в целом он напоминает тероговидные лчаишенские украшения, у которых один рог очень короткий, а другой длинный. Образец этот позволяет предположить, что лчаишенские и лори-бердские роговидные украшения также заканчивались стилизованной змеевидной головкой, поскольку все они имеют на концах крестообразно расположенные никрустированные треугольнички или крестовидные насечки¹⁰¹.

Весьма оригинальна бронзовая голова быка (высота — 8 см) — прекрасное произведение древнего искусства. В ее полый внутренней части сохранились остатки деревянного основания. Животное изображено выразительно и естественно: глаза переданы двумя выпуклостями с круглыми ямочками в центре,

¹⁰¹ Крестообразные насечки на бронзовых браслетах более позднего периода символизируют змеевидные головы, поэтому можно предположить, что это условное изображение змеи практиковалось уже на ранней фазе поздней бронзы.

морда и нос подчеркнуты гравировкой, пасть намечена горизонтальным вырезом, шея в основании расширена, в передней и задней частях шеи, а также у морды имеются треугольные и ромбовидные вырезы (рис. 14). Эта

позднего периода из Арачадзора¹⁰² и Толорса¹⁰³. Стилистическими особенностями лорибердская находка напоминает материалы раннего периода эпохи поздней бронзы. Ромбовидные вырезы на ней имеют свои

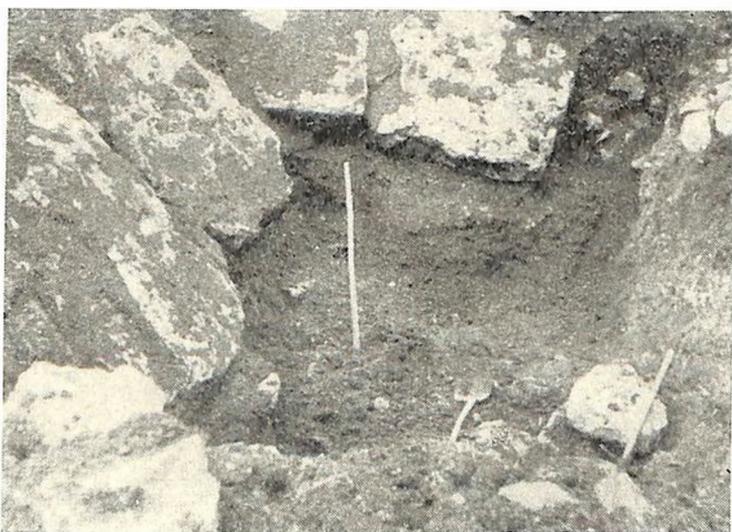

Рис. 11.

скульптура не имеет пока прямых аналогий в материалах Армении бронзового века, однако стиль ее исполнения полностью соответствует искусству и представлениям своего времени. Мы знаем уже сходные по стилю предметы. Так, в Лчашене обнаружены бронзовая статуэтка и объемное изображение головы быка,

аналогии в металле Ширака XII—XI вв. до н. э.¹⁰⁴. Обнаруженные на территории исторической Армении статуэтки быков свидетельствуют о культе этого животного, возникшем здесь в глубокой древности. Об этом же говорят найденные в погребении с. Дираклар бронзовые головы телят и быков¹⁰⁵, статуэтки быков из с. Гушчи¹⁰⁶. Культ быка, вола и буйвола как покровителей земледелия и скотоводства сохранялся в армянском народе до конца прошлого века. Этих животных содержали при монастырях и почитали в качестве священных¹⁰⁷. В плане сказанного важно отметить «погребение почитаемого быка»¹⁰⁸ у с. Кшлак, относящееся к эпохе поздней бронзы.

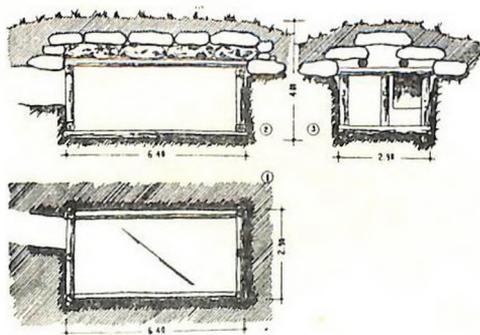

Рис. 12.

укрепленное на подковообразном бронзовом основании. Наша головка формой изображения глаз и треугольными вырезами напоминает бронзовые головы быков несколько более

¹⁰² А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, вып. VI, 1911, с. 135—136, рис. 74—75.

¹⁰³ А. О. Мнацаканян, Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) АрмССР, КСНИМК, 1954, вып. 54, с. 101, рис. 1—2.

¹⁰⁴ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 209, рис. 122.

¹⁰⁵ Атрпет, Культ быка в древней Армении, «Этнографический журнал», кн. XIII, 1906, с. 116 (на арм. яз.); К. Х. Кушнерова, Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, с. 57; А. Р. Израелян, Культ и верования в Армении...

¹⁰⁶ Атрпет, Культ быка..., с. 119, 121.

¹⁰⁷ Там же, с. 123.

¹⁰⁸ Е. Лалаян, ук. соч., с. 79—80.

Бронзовая голова быка из Лори-Берда по всей вероятности, украшала деревянную мебель, возможно трон. Напомним, что на барельефах Переднего Востока можно видеть различную мебель, украшенную бронзовыми скульптурами¹⁰⁹.

турка также скорее всего украшала деревянную мебель, либо повозку. Надо заметить, что массивные крупные изображения птиц особенно характерны для ранней фазы эпохи поздней бронзы, в то время как на поздней фазе встречались исключительно ажурные малень-

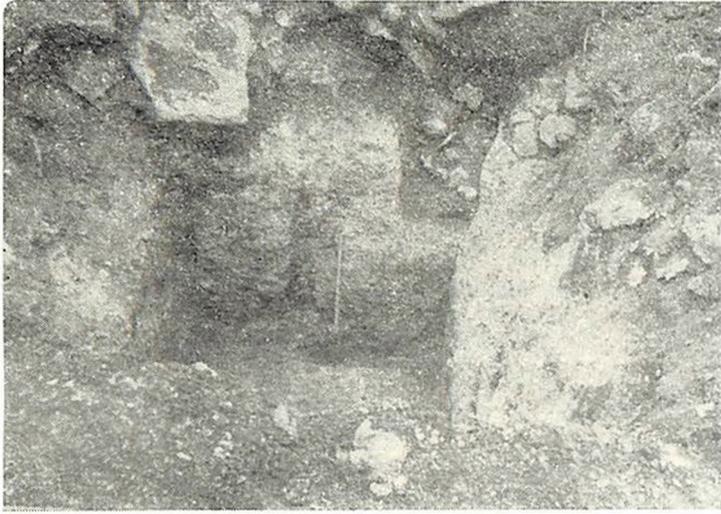

Рис. 13.

Статуэтка птицы представляет собой ажурную полую фигуру, которая, к сожалению, целиком не сохранилась (табл. XIII, 2). Туловище птицы покрыто треугольными, а нижняя часть продолговатыми вырезами, расположенными в форме колоса; широкий хвост

кне птицы-подвески. В этот период встречаются даже подвешенные на цепочках птицы вместе с бубенцами. Территория распространения этих предметов очень обширна—Кедабек-Калакенд¹¹⁰, Ханлар¹¹¹, Редкин лагерь¹¹², бассейн оз. Севан, Зангезур¹¹³, Ширак¹¹⁴ и т. д.

Из погребения № 9 дошли также 3 бубенца, представляющих три разных варианта (табл. XIII, 3—5): 1) круглый, с удлиненными вырезами и шариком внутри. Такие бубенцы очень характерны для Лчашена и Лори-Берда; 2) круглый с мелкими и частыми клиновидными вырезами (дошел в осколках); 3) маленький бубенчик с двумя рядами треугольных вырезов.

Бубенцы с треугольными вырезами были распространены в тех же границах, что и ажурные птицы-подвески. Миниатюрные бубенцы, как и птицы, подвешивались на цепочках (Астхи-Блур, Артик). Наличие в погребении № 9 характерного для раннего периода

Рис. 14.

всереобразно раскрыт. В отличие от широко распространенных маленьких ажурных птиц-подвесок, эта фигура имеет более крупные размеры и маленькое трубчатое основание, которое полностью входило в какой-то деревянный предмет. Таким образом, эта скульп-

¹⁰⁹ А. А. Ивановский, ук. соч., табл. IX, 16—18.

¹¹¹ Я. И. Гуммель, Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа, Изв. Аз. ГНИИ, Баку, 1931, с. 37, табл. VI, эксп. 24; с. 41, табл. IX, эксп. 26.

¹¹² E. Chantre, Recherches anthropologiques dans le Caucase, Paris. 1886, стр. 175, рис. 128.

¹¹³ Е. Лалаян, ук. соч., с. 183, рис. 163—164.

¹¹⁴ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 185, рис. 92; с. 209, рис. 122.

¹⁰⁹ E. Akurgal, ук. соч., табл. 131, R. D. Van nett, W. Forman, ук. соч., рис. 28.

крупного бубенца показывает, что местные традиционные формы все еще продолжают бытовать в это время.

Пуговицы отличаются большим разнообразием (табл. XIII, 6—10). Среди них: 1) круглая в основании пирамидальная по форме массивная пуговица с широкой петлей; 2) полушаровидная с маленькой петлей внутри; 3) полушаровидная, тонкая листовая, с широким краем и маленькой петлей.

Эти типы пуговиц большого распространения не имели, они представлены в памятниках Армении лишь отдельными экземплярами.

В погребении находились также панцирные пуговицы (табл. XIII, 11—17): 1) полушаровидные, с маленькой петлей (59 экз.); 2) полушаровидные, у которых вместо петель имеются зубцы для прикрепления к коже или ткани (180 экз.). Они разных размеров, сходные были обнаружены также в погребении № 2; 3) дискообразные, украшенные выуклостями и пунсонами, имеют с двух сторон зубцы для прикрепления к коже или ткани (50 экз.); 4) круглый щиток с маленькой бронзовой петлей с обратной стороны, из которого заполнен пастой бурого цвета, напомним, что круглый щиток панциря, заполненный пастой, был обнаружен также в Лчашене. Кроме того, он имеет точную аналогию в деталях панциря из погребения № 6 Головино (XII—XI вв. до н. э.)¹¹⁵. Как известно, этот панцирь был удачно реставрирован, и теперь мы имеем представление о внешнем облачении этого периода.

В лори-бердском погребении были встречены также заклепки с полусферической головкой (табл. XIII, 18—21) и острыми круглого, плоского или клиновидного сечения. Последние прибиты к дереву так, что плоская сторона клина совпадает с направлением его прожлока.

В погребении № 9 были найдены многочисленные куски бронзовых лент. Такие же находки сделаны в погребении № 7 Лори-Берда, в Лчашене; они, по-видимому, были связанными с новозками (табл. XIII, 22, 23).

В погребении № 9 находились также в небольшом количестве сердоликовые, пастовые и бронзовые бусы различной формы.

Керамика. Керамика в наших памятниках представлена весьма разнообразно. Это посуда, декорированная штампом, лощением и росписью. В погребении № 9 были обнаружены сосуды, украшенные желобчатыми поясами, штампованными кружками или клиньями, лощеной орнаментацией и росписью, выполненной красной и белой красками. Часто все эти виды орнамента сочетаются на одном сосуде. Вся керамика носит культовый характер и является великолепным образцом про-

дукции гончарного производства эпохи поздней бронзы (рис. 15). Подобная керамика в памятниках Армении встречается впервые, хотя близкие сосуды обнаружены были на территории Кахетии.

Для всего керамического комплекса характерны горшки (табл. XIV) с широким корпусом, низким горлом, немного наклоненным наружу венчиком. Они, как правило, чернолощенные, тонкостенные, плохо обожженные, ниже горла имеют бороздчатые пояса. На плечиках двух из них есть группы штампованных клинообразных орнаментов, разделенных вертикальными лощеными линиями. На других горшках отштампованы округлые украшения, из четырех концентрических бороздок, расположенных в треугольном или шахматном порядке. Последние соединяются процарапанными линиями. В этих случаях узор приобретает вид подвижной спирали. Отштампованные кружочки и клинья заполнены либо красной и белой красками, либо поверх всех этих узоров (желобчатые пояса, штампованные круги, клинья) проведены краской белые или красные полосы меандров, свастик и других узоров. Роспись большей частью спускается до широкой части горшка, а реже и до основания. Расписной орнамент плохо сохранился. В некоторых случаях заметны только слабые следы краски. Напомним, что один такой горшок впервые был найден несколько лет назад в кургане № 2 с. Земо-Бодби в Кахетии¹¹⁶.

Надо сказать, что с описанной керамикой по форме корпуса и клиновидным лощеным декорам¹¹⁷ сближается большое количество горшков и кувшинов второй группы ширакских погребений. Керамика Артика, в частности, сочетает орнаментацию, выполненную лощением с прямоугольно-сетчатыми отштампованными фигурами. Достойно особого упоминания биконический кувшин (погребение № 516), на котором все эти виды орнамента сочетаются с меандровидной росписью белой краской¹¹⁸. Подобные горшки были найдены Я. Гуммелем в Хацларе¹¹⁹, где отштампованный клиновидный орнамент сочетается с кружочками, а четырехугольный — с сетчатым лощением. Корпус таких сосудов орнаментирован многочисленными волнообразными поясами, очень характерными для изучаемого периода и, как увидим ниже, присутствующими на сосудах в наших погребениях. Горшки

¹¹⁶ К. Н. Пицхелаури, Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э., Тбилиси, 1973, табл. LIII, I (на груз. яз.).

¹¹⁷ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, рис. 133—138.

¹¹⁸ Т. С. Хачатрян, Артикский некрополь (каталог), Ереван, 1979, с. 338.

¹¹⁹ Я. Н. Гуммель, ук. соч., с. 54, фиг. 22, рис. 3—2, рис. 3—4; с. 56, фиг. 23, 3—2 и 3—4.

¹¹⁵ А. Мнацаканян, Раскопки погребения в с. Головино..., с. 37, рис. 16.

из Ханлара имеют трапециевидные ручки с елочной гравировкой.

Группа кувшинов ввиду фрагментарности находок выделена нами условно (табл. XV, 1—4,6). Единственный достоверный кувшин имеет в основании горла желобчатые пояса. На его плечиках красным и белым нанесены непонятные удлиненные линии и свастики. На других имеются пояса треугольников, заполненных клиновидными ямочками, сделанными мелким штампом. Ниже треугольников проходит широкий пояс из склощенных по три друг к другу кашислор; в углах их замечаются остатки красной краски. Кувшин этот своей формой и декором очень похож на пузатый кувшин из погребения № 4 Грма-Гела, который датируется исследователем XIII в. до н. э.¹²⁰. Близок к ним также выявленный в погребении № 51 Самтавро (1939 г.) горшок с двумя ручками (XI—IX вв. до н. э.)¹²¹.

Черепки еще одного лори-бердского кувшина черные лощеные, хорошо обожжены и украшены большими и малыми резными треугольниками, полосками с елочным орнаментом; на обломках имеются также широкие полосы, нанесенные лощением, и выпуклые пояски. Местами сохранились следы красной и белой краски. Наконец, здесь же найдены черепки, на которых наблюдалось сочетание врезных треугольников с точечным заполнением, лощеного узора и меандров, нанесенных краской. Все упомянутые здесь типы орнаментов можно увидеть на посуде из раскопок Кахетии¹²². Декор в виде двухъярусных треугольников с точечным заполнением встречен также в погребении № 2 Макарашена¹²³. Аналогичную орнаментацию имеет горшочек из Димаца с изображением свастики. Близкий орнамент с белой инкрустацией мы встречаем также на ряде сосудов Кедабека и Калакенда¹²⁴.

Чаши в наших погребениях представлены черным с буроватым оттенком, плохо обожженными черепком со следами лощения. Стенки декорированы четырьмя бороздчатыми поясами, на них светло-красной краской нанесен меандр (табл. XV, 5). Такую же бурюю чашечку, украшенную белыми меандрами, мы видим в погребении № 2 Земо-Бодбе¹²⁵. Сосуды с процарапанными меандрами, инкрустированные белым, очень распространены в погребениях к югу от Ханлара¹²⁶.

¹²⁰ К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. LXIX, рис. 103.

¹²¹ Там же, рис. 217.

¹²² Там же, табл. XXXIII, XXXV, XXXVI.

¹²³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 205, рис. 79а—5.

¹²⁴ А. А. Ивановский, ук. соч., табл. XIII, рис. 2.

¹²⁵ К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. II, 2.

¹²⁶ Я. И. Гуммель, ук. соч., с. 23, рис. 9, рис. X—4; с. 41, рис. 16, рис. II—5; с. 48, рис. 20; с. 62, рис. 26, рис. Ia, № 3.

В погребении № 9 были найдены вазы на высоких полых цилиндрических ножках, которые, к сожалению, не удалось полностью восстановить. К этой же серии несомненно должны быть отнесены также великолепно декорированные сосуды, которые не восстанавливаются (табл. XV, 7,8) Вероятно они имели трапециевидные ручки и широкие декорированные бегущей спиралью венчики.

В этом же погребении обнаружены фрагменты курильницы, она имела цилиндрическую форму и высоту примерно 32 см. В средней части сосуда треугольные оконечки. Курильница грубой выработки, бурая, без лощения. Местами в желобках сохранились следы красной краски (табл. XV, 9). Эта курильница значительно отличается от аналогичных предметов, обнаруженных в лори-бердских погребениях № 2 и 7; последние не имеют оконечек и украшены инкрустированными треугольниками и меандровидными поясами. Следует отметить, что некоторые лачиенские аналогичные сосуды также имеют треугольные отверстия. Наша курильница, по всей вероятности, относится к последним по времени образцам подобных обрядовых атрибутов, которые вскоре окончательно вышли из употребления.

В погребениях № 8 и 9 Лори-Берда кроме сосудов со следами росписи, характерных лишь для погребения № 9, были обнаружены также многочисленные образцы богато декорированной керамики без каких-либо следов краски, великолепные же керамические изделия из погребения № 8, в общих чертах напоминающие керамику погребения № 9, были весьма своеобразны своими формами и орнаментацией.

В этом плане большой интерес представлял черный матовый, с буроватым оттенком кувшин без ручки, с высоким горлом и биколическим корпусом (табл. XVI, 1). Верхняя часть горла имеет припухлую чашеобразную форму, на ней, а также на широкой части корпуса, расположены бороздчатые пояски. Днище несколько выгнутое. Плечики кувшина в трех местах декорированы группами однотипных штампованных украшений; каждая группа состоит из четырех резных трапециевидных фигур, заполненных рядами квадратных ямочек. Углы их оформлены четырьмя штампованными концентрическими кружочками, соединенными попарно наклонными линиями. В целом эта композиция на первый взгляд напоминает изображения четырех повозок с решетчатыми кузовами (погр. № 8).

Кувшины аналогичных форм были обнаружены в разных памятниках, в том числе и в Мецаморе¹²⁷. Точно такой же декор видим на

¹²⁷ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсмян, Мецамор, Ереван, 1973, с. 28, рис. 27 (на арм. яз.).

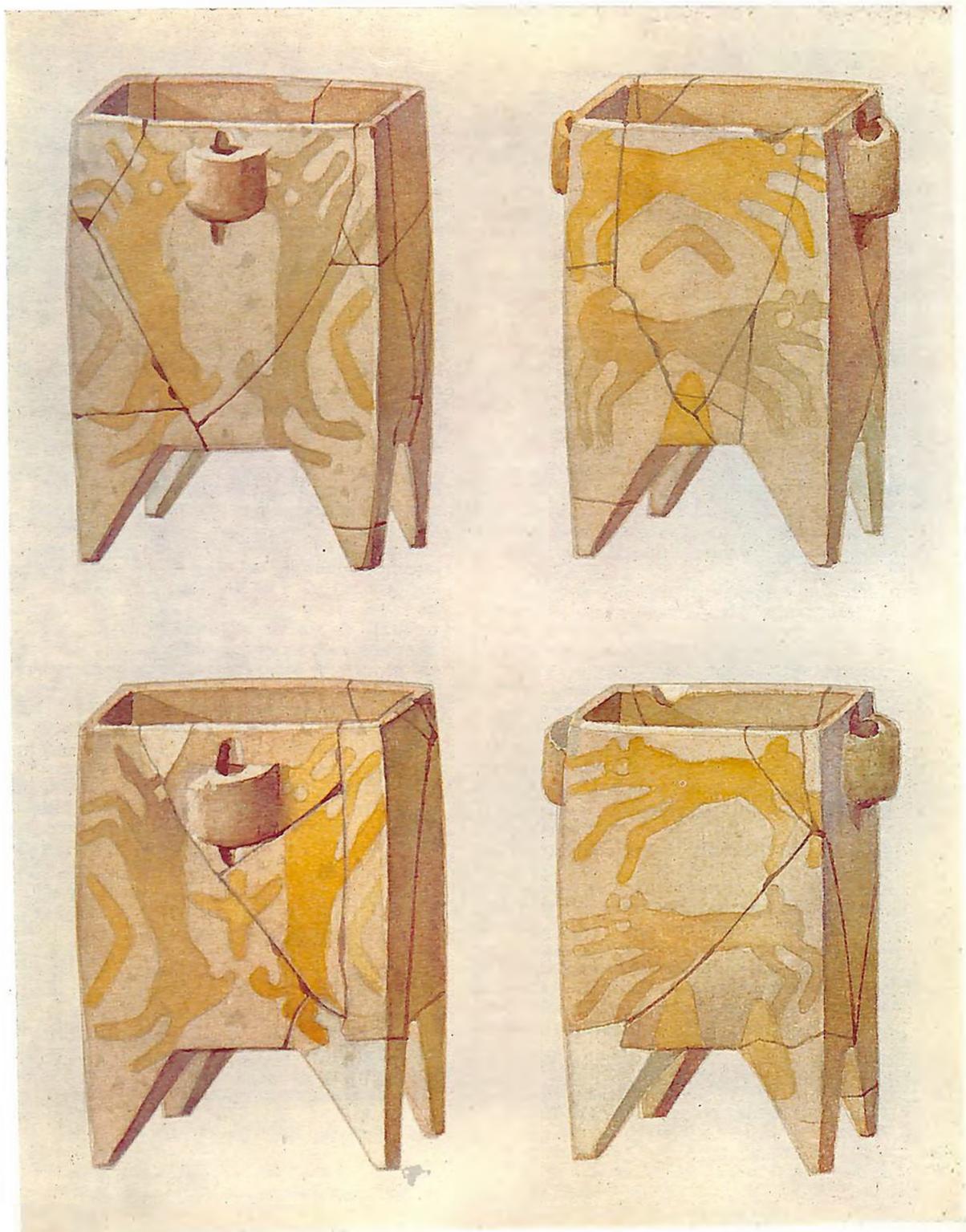

Рис. 17.

сосудах в I святилище Мели-Геле, в погребении № 2 Грма-Гела и № 153 Самтавро¹²⁸. Сетчатые четырехугольные штампованные узоры имеются также на посуде кургана № 14 близ Ханлара, где, однако, отсутствуют орнаменты, выполненные кольцеобразным штампом.

Другой кувшин из погребения № 9 большой бежеватый матовый, с одной кручею ручкой; вся его поверхность покрыта разнообразно расположенными каннелюрами. На плечике, близ ручки, имеется трапециевидный выступ с двумя расположенными над ним впадинами (табл. XVII, 1). К сожалению, этот необычайно красивый сосуд не может быть восстановлен полностью. Точных аналогий этот кувшин пока не имеет, хотя керамику, декорированную каннелюрами в памятниках конца II тыс.—начала I тыс. до н. э., мы встречаем довольно часто. Она была выявлена, в частности, Е. Лалаяном в бассейне оз. Севан¹²⁹. Характерный трапециевидный выступ встречается часто на посуде Кировакана, Дилиджана¹³⁰, Ханлара¹³¹, Кетабека и Калакенда, где форма кувшина связывается с кувшином нашего погребения № 8¹³². Керамика с трапециевидным выступом имеет также свои аналоги в Кахетии (I святилище Мели-Геле), где присутствуют жгутовидно скрученные ручки¹³³; последние хорошо сопоставляются с сосудами Евклу, Давид-Бека¹³⁴ и Артика¹³⁵, датированными XI—X вв. до н. э.

В погребениях № 8 и 9 обнаружены горшки. В первом встречены целые экземпляры, во втором—черепки. Целый горшок из восьмого погребения—округлый, с широким горизонтальным венчиком и черной матовой поверхностью; у основания венчика и ниже—густые желобчатые пояски, которые завершаются двумя волнообразными линиями; на расширяющихся плечиках горшка орнамент из слабо выраженной лощеной сетки; от венчика начинается гладкая полукруглая горизонтальная глухая ручка (табл. XVI, 2). Горшок этот имеет свои аналоги в посуде Димаца, Редкина лагеря¹³⁶, Астхи-Блур¹³⁷, Кедабека, Ка-

лакенда¹³⁸, Мингечаура¹³⁹ и некоторых погребений Кахетии. Он также очень напоминает макарашенский экземпляр с трапециевидной ручкой, штампованным поясом из шагающих спиралей и треугольников с точечным заполнением (IX—VIII вв. до н. э.)¹⁴⁰, который прямо связывается с керамикой погребений № 8 и 9 Лори-Берда.

Бурый матовый кухонный горшок из того же погребения украшен поясками из бороздчатых линий и семечковидных рядов (табл. XVI, 5), очень распространенных на посуде эпохи поздней бронзы и раннего железа как в Армении¹⁴¹, так и в восточной Грузии¹⁴². В погребении № 9 были обнаружены черепки черных матовых горшков с округлым корпусом, украшенные заштрихованными треугольниками и пучком вертикальных желобков (табл. XVII, 6). Такой же орнамент мы видим на кувшине из Дилиджана¹⁴³. В целом вертикальные желобки напоминают каннелюры, часто встречающиеся на керамике этого времени.

В Лори-бердских погребениях встречаются разные миски—большие и глубокие с широким венчиком и маленькие, неглубокие, напоминающие скорее чаши (табл. XVII, 2, 3). Первые с широким отогнутым венчиком имеют черную лощеную поверхность; они залощены и изнутри; на широкой части и у дна имеются выпуклые и бороздчатые пояски, а на самом дне четыре выпуклых концентрических круга, напоминающих основания золотых чаш эпохи средней бронзы. Две миски в нижней части корпуса имеют желобчатые пояски, а на широкой его части сетчатый и ленточный орнамент, нанесенный лощением. Миски с лощеным узором очень распространены в памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы. Они есть в Гехароте¹⁴⁴, в Артике¹⁴⁵, в Мецаморе¹⁴⁶, а также в I святилище Мели-Геле¹⁴⁷. Керамика с подчеркнутым кольцевым поддоном обнаружена в погребениях второй

¹²⁸ К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. XXXIII, LVIII—2, LXIX—112.

¹²⁹ Е. Лалаян, ук. соч., с. 139, рис. 66.

¹³⁰ Каталог Дилижанского краеведческого музея, сост.: С. А. Есяян, Г. А. Оганесян, Ереван, 1969, табл. XXXVI—I.

¹³¹ Я. Н. Гуммель, ук. соч., с. 68, фиг. 29, рис. II—I.

¹³² А. А. Ивановский, ук. соч., табл. X, рис. I.

¹³³ К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. XXIX.

¹³⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 143, рис. 59—8, 9; с. 148, рис. 60—6.

¹³⁵ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 227.

¹³⁶ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 200, рис. 78—9; Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XIII—3.

¹³⁷ С. А. Есяян, Астхилурский могильник ВОИ. 1968, № 6, с. 83, табл. I, II.

¹³⁸ А. А. Ивановский, ук. соч., табл. X, I, табл. XII, 13.

¹³⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ионе. Древний Мингечаур, Баку, 1959, табл. XXIV, 47.

¹⁴⁰ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 205, рис. 79а—7.

¹⁴¹ Там же, с. 195, рис. 76—7; II; с. 209, рис. 81—11.

¹⁴² К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. LIX, LXI, LXV₂.

¹⁴³ Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXVII, рис. 3.

¹⁴⁴ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 92, рис. 44.

¹⁴⁵ Т. С. Хачатрян, Матерьяльная культура..., с. 115, табл. 21.

¹⁴⁶ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсамян, ук. соч., табл. VI, VII.

¹⁴⁷ К. Н. Пицхелаури, ук. соч., табл. XXVI.

группы Ширака. Здесь же были кухонные сосуды с веревочным орнаментом¹⁴⁸.

В погребении № 8 были обнаружены еще одна миска и чаша; они черные матовые со штампованным кольцевым орнаментом. Венчик миски украшен резной елочкой. Кольцевой декор, соединяясь резными линиями, образует бегущую спираль (табл. XVI, 3, 6). Такие спирали украшают кувшины из погребения № 48 Артика¹⁴⁹ и № 2 Макарашена. Этим же способом декорированы кувшины и сосуд с овальным корпусом, найденные в одном из погребений Гянджа-чая¹⁵⁰. Бегущую спираль мы видим также на культовой керамике из ступенчатого святилища Нацар-Гора¹⁵¹ (конец II—начало I тыс. до н. э.). Орнамент этот в последний период поздней бронзы находит широкое распространение в памятниках всего центрального Кавказа, что особенно хорошо прослеживается на металлических предметах. Концентрическими окружностями украшена также миска одного из погребений второй группы Ширака¹⁵², а также керамика из погребений Астхи-Блур (начало I тыс. до н. э.)¹⁵³.

В двух лори-бердских могилах были найдены также миски или чаши, декорированные многочисленными желобчатыми поясами; экземпляры из могилы № 9 имеют вертикальные стенки; глина грубоватая, плохо обожжена. Чаша из погребения № 8 черная нелощеная. Такие сосуды с декором или же вовсе не декорированные нам известны из Димаца, Артика¹⁵⁴ и других многочисленных памятников поздней бронзы и раннего железа. В погребении № 9 были обнаружены черепки чашек, украшенных вдавленными волнистыми поясами; две из них имеют маленькие горизонтальные ручки с круглыми вертикальными отверстиями. Чашки грубые черные, нелощеные, плохо обожжены, в разрезе имеют кирпичный цвет (табл. XVII, 4, 5, 7, 8; XVI, 7). Эти чашки находят аналогию в материалах из Гарни¹⁵⁵, Самтавро¹⁵⁶, Мингечаура¹⁵⁷ и Ширака¹⁵⁸.

¹⁴⁸ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака. с. 229, рис. 143; с. 250, рис. 145; с. 231, рис. 146—148.

¹⁴⁹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 119, табл. 24, рис. 5.

¹⁵⁰ ОАК за 1899 г., с. 65, рис. 127; с. 84, рис. 170.

¹⁵¹ Г. Ф. Гобеджишвили, ук. соч., табл. X—4; XI—1.

¹⁵² Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 226, рис. 139.

¹⁵³ С. А. Есаян, Астхи-блурский могильник..., с. 83, табл. 1—8.

¹⁵⁴ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 110, табл. 18.

¹⁵⁵ Э. В. Ханзадян, Гарни, с. 128, рис. 92 (на арм. яз.).

¹⁵⁶ К. П. Пицхелаури, ук. соч., X—1.

¹⁵⁷ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ионе, ук. соч., табл. XXIV.

¹⁵⁸ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака,

Здесь оказались также черные неорнаментированные, хорошо обработанные матовые чашки с расширяющимся корпусом и отогнутым паружу венчиком. Это широко распространенная кухонная посуда.

Кубок из погребения № 8 имеет в нижней части биконический корпус и матовую поверхность, он украшен многочисленными волнистыми и желобчатыми поясами; венчик плоский с косыми резными линиями, отходящие от него горизонтальные ручки имеют круглые вертикальные отверстия. По всей вероятности подобные кубки использовали в подвешенном виде (табл. XVI, 4). Напомним, что аналогичный кубок с многочисленными желобчатыми поясами был обнаружен в Димаце.

Вместе с кубком обнаружена черная матовая ваза, изготовленная вручную (табл. XVI, 8); она имеет гладкую поверхность и три зооморфные ножки. Венчик украшен резными волнистыми линиями, такие же линии имеются под ним.

Такие вазы-подносы сравнительно редки, однако их образцы все же известны в памятниках Армении: это сосуды из Головино (VII—VI вв. до н. э.), погребений Артика (XII—X вв. до н. э.)¹⁵⁹, бассейна оз. Севан¹⁶⁰, Димаца. Они очень похожи на наши декорированные вазы из Мингечаура¹⁶¹ и считаются культовыми.

Исследование погребений № 8 и 9 показывает, что они несут в себе черты материальной культуры и ритуала, общие для всех памятников указанного периода в масштабе всего центрального Закавказья. Обнаруженный здесь металл, хоть и отличается некоторой архаичностью, однако новые элементы керамики позволяют датировать оба погребения поздней фазой эпохи бронзы. По конструктивным особенностям погребение № 9 имеет большое сходство как с курганами XIV—XIII вв. до н. э. Лчашена, так и с курганом № 1 Ханлара¹⁶².

Напомним, что для погребений Ханлара характерны инкрустированные сосуды с изображениями людей, животных, свастик, меандров и прочих геометрических фигур, которые являются как бы разновидностью сосудов Лори-Берда и Кахетин с их инкрустированными и расписными изображениями. Связь с памятниками Ширака прослеживается на основании совпадения форм ширакских сосудов второй группы XII—XI вв. до н. э. с лори-

с. 226, рис. 140.

¹⁵⁹ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 229, рис. 144.

¹⁶⁰ Е. Лалаян, ук. соч., с. 146, рис. 80, 81.

¹⁶¹ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, ук. соч., табл. XXII.

¹⁶² Я. И. Гуммель, ук. соч., табл. III.

бердскими, а также специфике их орнамента (лощение, штамповка) и его мотивов (клинышки, прямоугольники, кольца, сетка), кстати, на всех сосудах с инкрустацией, встречающихся в широком ареале Закавказья, использована только белая краска. Исключения составляют лишь лори-бердские и лчашенские сосуды, где наряду с белой мы часто видим красную роспись. Расписанные белой и красной красками сложные фигуры многолучевых свастик и меандров на керамике Лори-Берда очень близки цветным орнаментированным рисункам на тканях из Артика и многолучевой свастике на поддоне одного из сосудов¹⁶³. Они напоминают также узоры на штампах, происходящих из Сары-Тепе (конец II—начало I тыс. до н. э.)¹⁶⁴.

Характерные для этого периода желобчатые и волнистые пояса, елочные и резные орнаменты, трапециевидные ручки также присутствуют на посуде из упомянутых памятников. Мы убедились также в близости посуды Лори-Берда с керамикой Астхи-блур. Однако расписная керамика Лори-Берда более всего связана с керамикой, известной из па-

мятников Кахетии, с которыми нашу посуду роднят формы, орнамент и способ его исполнения. Керамика Лори-Берда имеет также сходство с посудой Головино, Сананиа, Ахпата (XI—X вв. до н. э.), и близка керамике Макарашена и Редкина лагеря (IX—VIII вв. до н. э.).

Таким образом, найденные в погребениях № 8 и 9 Лори-Берда образцы посуды имеют все характерные черты керамики ранней и поздней фаз эпохи поздней бронзы, что выражается в типичных формах (горшки с округлым корпусом, безручные кувшины с длинным горлом, сосуды с биконическим корпусом, плоские венчики, веревочные и трапециевидные характерные ручки) и орнаментах (канелюры, двухъярусные треугольники, переплетенные свастики, круглые, клинообразные, четырехугольные и сетчатые штампованные узоры). Наряду с ними, традиционно сохраняется лощенный (сетчатый и радиальный) декор. Однако качество лощения здесь значительно уступает материалам более раннего периода. Встречаются также типичные орнаментальные мотивы, исполненные характерной манерой сочетания красной и белой росписи. Культовый характер этих сосудов не вызывает сомнений.

Все приведенные аналоги указывают на то, что найденные в лори-бердских погребениях материалы нужно датировать XI—X вв. до н. э. Сами же погребения следует рассматривать как могилы представителей привилегированной части общества, проживавшего в этот период в северных районах Армянского нагорья.

¹⁶³ Т. С. Хачатрян, Материальная культура..., с. 135, рис. 19; с. 136, рис. 20; с. 126, табл. 27.

¹⁶⁴ И. Нариманов, Археологические раскопки на поселении холма Сары-Тепе—1956—1957 гг. Изв. АН АзССР, 1959, № 2, табл. IV, рис. 3; *его же*, Глиняные штампы из Западного Азербайджана, Материальная культура Азербайджана, Баку, 1973, табл. VII, с. 121; табл. III—2—3, с. 123; табл. IV—4.

ГЛАВА III

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ ФАЗЫ. К этому периоду в Ташир-Дзорагете мы относим погребения № 2 и 3 Макарашена (раскопки 1955 г.), некоторые погребения Степанавана (раскопки 1951 г.), Кировакана (Димац, Жданово), а также ранние группы лалварских могил (Муснери, Ахтала). Во всех перечисленных могильниках встречаются специфические для этого времени предметы материальной культуры. Это биконические сосуды, кувшины с одной ручкой, кийжалы так называемого севанского типа, шаровидные и грушевидные булавы, бронзовые пояса, булавки с крупными головками и пр. Выявляются здесь также характерные для местной культуры предметы раннеурартского периода: наконечники стрел, напоминающие урартские, с короткими клинописными текстами VIII в. до н. э. (Тейшебанин), бронзовые удила, распространённые в Ассирии и Урарту в IX—VIII вв. до н. э., серповидные железные ножи, наконечники копий, бубенцы. Анализ этих предметов позволяет проследить взаимное влияние урартской и местной культур, что особенно наглядно характеризует погребение в с. Жданово. Отметим, что указанные памятники имеют аналоги в материалах Джархеча, Норатуса, Кармир-Блура, Леннакана, Бджин, Мухана и Цамакаберда¹.

Влияние урарто-ассирийской культуры в изучаемом периоде наблюдается также в северных районах Ташир-Дзорагета, в частности в Лори-Берде. В этой связи заслуживает внимания случайно найденный здесь бронзовый пояс (X—IX вв. до н. э.) с выгравированным на нем изображением военной дружины (табл. XVIII). Как метко подметил А. А. Мартиросян, эта композиция показывает перевооружение и переформирование племенной дружины по типу, близкому древневосточным военным делениям.

Погребальные памятники эпохи раннего железа в Лори-Берде были хаотично разбросаны по всему могильнику и находились среди кромехов и курганов средней и поздней бронзы. Иногда захоронения этого периода были совершены в более ранних могилах. Погребения эпохи раннего железа, имевшие снаружи вид маленьких холмов или кромехов со сложенными вкруговую камнями, в отличие от могил эпохи средней и поздней бронзы имели небольшие камеры. Даже те могилы, которые выделялись обилием культовых предметов и драгоценных украшений и несомненно принадлежали представителям богатой прослойки общества, имели длину не больше 3,5 м. Это обстоятельство указывает на появление новых элементов в погребальном обряде, при котором принадлежность умерших к привилегированной части общества не требовала постройки грандиозных погребальных сооружений.

Присутствие этих поздних погребений на Лори-Бердском могильнике наглядно показывает, что он продолжал функционировать и в период от XI до V вв. до н. э. Именно благодаря этому появляется возможность понять динамику основных форм материальной культуры, а также некоторых традиций быта и погребальных обрядов на протяжении этого времени.

Эпохой раннего железа датируется вторичное захоронение, обнаруженное в могиле № 2, а также погребения № 3, 4, 10—12. Среди инвентаря этих погребений преобладают бронзовые предметы, по своим формам характерные для ранней фазы периода раннего железа. Железные предметы здесь еще отсутствуют; они начинают встречаться в Лори-Берде только в погребениях времени широкого освоения железа. Это могилы № 2—4; однако в погребении № 3 железных предметов также не было.

Общей закономерностью для лори-бердских погребений ранней фазы является отсутствие таких предметов роскоши, как бусы и металлические украшения, столь характерные для позднего времени.

Погребение № 11 (раскопки 1973 г.), при-

¹ А. А. Мартиросян, Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода, Изв. АН АрмССР, 1956, № 9; его же, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, с. 202—222.

надлежащее к ранней фазе, имело овальную вытянутую с севера на юг каменно-земляную насыпь высотой 0,5 м. После снятия верхнего слоя, под насыпью оказались три огромные плиты перекрытия длиной от 2 до 2,2 м, толщиной от 50 до 80 см. Погребальная камера была вырыта в грунте, имела прямоугольную форму и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Размеры ее—3,6×1,3×2,25 м. У западной узкой стены были размещены кубки, кувшины, горшки, сложенные в 2—3 ряда. В грубом кухонном горшке оказались конечности коровы, в другом было множество костей лягушек—видимо, остатки какой-то пищи. Череп погребенного лежал на одном из сосудов верхнего яруса на высоте 0,75 м от пола и был прислонен к стене погребения. Рядом с черепом оказались кости ноги, согнутой в колене, другая нога находилась у северной стены; рядом с ней оказалась костяная бляха; возле ноги и на полу около кувшинов стояло несколько неглубоких мисок, в одной из которых лежала сломанная шкатулка из белого фарфора. В западной стороне погребения были выявлены четыре бронзовых наконечника стрел, одна большая пуговница и две бусинки из розового сердолика.

Погребение № 12 (раскопки 1973 г.) находилось в нескольких метрах юго-западнее предыдущего. Никаких внешних признаков оно не имело. Это было сплошное ровное «пятано» и только с двух сторон виднелись камни длиной около 1 м. Очевидно, это когда-то был невысокий курган с каменно-земляной насыпью, впоследствии снесенной. В процессе расчистки остатков каменной насыпи на глубине 20—25 см от нулевой отметки нами были найдены одна створка формочки для литья, сломанный кувшин и горшок. Только на глубине 1,5 м оказались две плиты перекрытия, одна из которых имела очень большие размеры: длина 2,7, ширина 2,6 м, толщина 20—30 см. Погребальная камера вырыта в грунте, прямоугольная, ориентирована с востока на запад, размеры—2,55 м×1,6 м×3,4 м, глубина под плитой 1,25 м (рис. 16). У узкой восточной стены стоял большой целый горшок. У западной стены была обнаружена круглая бронзовая шкатулка с большой бронзовой иглой, лежащей сверху. Здесь оказались также две миски, три толстостенных круглых горшка, половина черного кувшина, вперемешку с остатками костей человека и коровы.

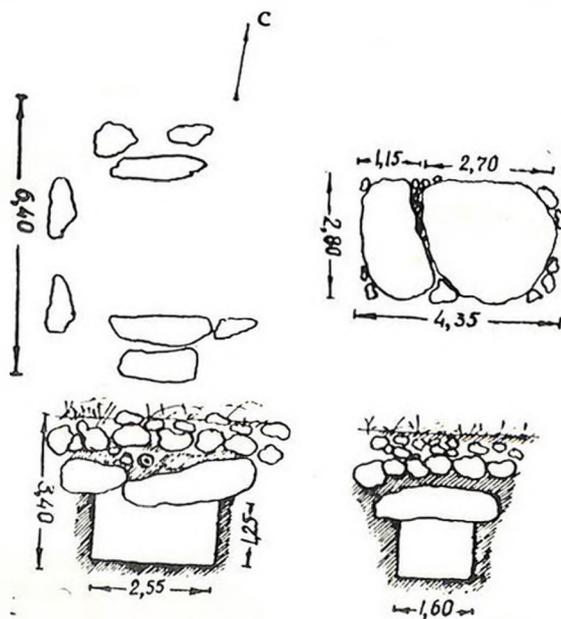

Рис. 16.

Особое внимание привлекает в этом погребении обряд захоронения. Захоронения отдельных частей тела—обряд весьма распространенный у племен Закавказья в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Черепа при этом обычно укладывались в глиняные сосуды².

² К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники эпохи

Погребение № 10 (раскопки 1972 г.) представляло собой небольшой курган диаметром 2,2 м. На его поверхности виднелись две плиты перекрытия, после снятия которых открылась погребальная камера. Центральная поздней бронзы в Нагорном Карабахе, СА, XXVII, 1957, с. 154; Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, Ереван, 1975, с. 145—147.

плита, перекрытия отсутствовала. Грунтовая могила имела длину 1,7 м, ширину 1,1 м, глубину 85 см. В могиле не оказалось ни костей покойника, ни пелены. Быть может это было захоронение маленького ребенка, тонкие кости которого истлели. Единственная находка — черный кувшин с матовой поверхностью и бороздчатыми поясками позволяет предположить относительно отнести это погребение к начальной фазе эпохи раннего железа (табл. XIX, 1).

Металлические предметы. Их в могилах было мало; все они сделаны из бронзы.

В погребении № 12 была обнаружена круглая шкатулка с плотно закрытой крышкой (табл. XIX, 2). Шкатулку из-за плохой сохранности открыть не удалось, однако из разбитой части выпали 5 маленьких палочек с круглыми сквозными отверстиями и небольшой кусочек вырезанной по окружности двойной ткани диаметром 1,5 см. На шкатулке лежала игла длиной 13 см, предназначавшаяся для шитья грубых тканей (табл. XIX, 3). Шкатулка является уникальным предметом и не имеет аналогов в древних памятниках Закавказья. Подобные же иглы встречаются иногда в погребениях; точно такая игла была найдена, в частности, в VIII кургане Хаилара. Учитывая специфический характер этих двух находок, положенных вместе, можно предполагать, что в погребении № 12 был похоронен человек, занимавшийся при жизни портновским делом.

Наконечники стрел из погребения № 11 — единственное бронзовое оружие во всех открытых погребениях Лори-Берда, имеющее форму лепестка с длинным черенком и «усиками»; стержень четырехгранный (табл. XIX, 4). Они имеют многочисленные аналоги в синхронных памятниках Закавказья и датируются в целом концом II — началом I тыс. до н. э.³ Подобные наконечники найдены в Степанавале⁴, Ворняке, Ленишакане⁵, Мцхете⁶, Мингечауре⁷. Две створки форм для отливки таких наконечников обнаружены недавно в раннем слое Двина⁸.

Полушаровидная пуговица с толстой петлей снизу из той же могилы имеет диаметр 3,5 см; (табл. XIX, 5).

Костяные и каменные предметы в наших погребениях представлены в небольшом количестве. Костяная бляха из могилы № 11 имеет форму диска с продолговатым отверстием, поверхность ее украшена гравировкой; по краю бляха обрамлена пояском с зигзагообразными краями; таким же способом выполнены два полукружья, пространство между которыми заполнено мелкими точками (табл. XIX, 6).

Точных аналогий наша пряжка пока не имеет. Можно лишь отметить, что в целом резьба по кости была особенно широко распространена в урартском искусстве. Такой же декор, в частности, мы встречаем на некоторых кармир-блурских костяных предметах⁹.

Формочка для литья, найденная в погребении № 12, изготовлена из зеленоватого сланца; она прямоугольная, на двух противоположных углах имеет круглые отверстия для прикрепления створок. Формочка была предназначена для одновременной отливки двенадцати круглых маленьких бусинок; в нее заливался жидкий металл через воронковидные отверстия, сделанные с двух сторон; таким образом на каждой стороне отливалось по шесть бусинок. В этой же формочке могли отливаться также зубчатые подвески (табл. XIX, 7).

Напомним, что формы для отливки тонких украшений в Армении найдены уже в достаточном количестве, однако в Ташир-Дзорагете — центре обработки металла — они до сих пор не были известны. Формочки для изящных украшений обнаружены, в частности, на поселении Муханнат-Тапа (VIII в. до н. э.)¹⁰, в Мецаморе (X—IX вв. до н. э.)¹¹, в древнем слое Двина, в Айгедзоре (Шамшадинский район)¹². Часть этих формочек использовалась с двух сторон. Находка формочки (имея в виду также формочки погребения № 21), обилие ювелирных изделий в лори-бердских погребениях позволяет предположить, что в изучаемый период в Ташир-Дзорагете, так же как в Двине¹³, работали специализированные мастерские.

Керамика. Лори-бердские погребения периода раннего железа богаты различными видами керамической посуды. Среди них особое внимание привлекает уникальная фаянсовая шкатулка, изготовленная из молочно-белой хорошо отмученной тонкой глины. Она

³ С. А. Есаян, Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, с. 48.

⁴ М. Е. Сагатов, Археологические находки в урочище Джелал-оглы, ИКОМАО, вып. I, Тифлис, 1904, с. 50—54.

⁵ А. Л. Мартиросян, О древнем поселении около Ленишакана, Изв. АН АрмССР, 1952, № 10, табл. I, рис. 6.

⁶ Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в Мцхете, Тбилиси, 1955, табл. VI.

⁷ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, табл. XV, 2.

⁸ К. Х. Кушнарва, Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, рис. 45, 46, табл. XXIII.

⁹ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, Л., 1962, с. 90, рис. 55; с. 92, рис. 59.

¹⁰ Е. А. Байбурган, Орудия труда Древней Армении, Изв. АрмФАН СССР, № 1, 1938, с. 215, рис. 131 (на арм. яз.).

¹¹ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсмян, укр. соч., с. 55, рис. 78.

¹² К. Х. Кушнарва, Производственный комплекс древнего Двина, сб.: «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, с. 237, рис. I, I—3.

¹³ Там же, с. 240—241.

имеет прямоугольную форму, острокопечные ножки и две маленькие ручки с круглыми вертикальными отверстиями. Очевидно, крышка шкатулки с двух сторон имела ушки с такими же отверстиями, как на ручках, при совпадении которых она закрывалась.

Размеры шкатулки 6×5 см, высота вместе с ножками 8,3 см. Снаружи она хорошо отшлифована, внутри значительно хуже. Шкатулка расписана и покрыта глазурью. На четырех гранях ярко-желтой краской изображены животные, треугольнички, углы. Глазурь со временем поблекла, сохранился только цвет, да и тот местами едва заметен. На двух длинных плоскостях, по обе стороны ручек, вертикальные парные изображения обращенных спиной друг к другу бегущих животных, скорее всего собак¹⁴, с поднятыми вверх головами; пасти у них открыты, уши торчат, хвосты короткие. Под животными—углообразные ленты. На одной из длинных сторон, под ручкой, между двумя животными имеется продолговатая птицеобразная фигура с косыми крыльями. На узких стенках те же животные, только в горизонтальном положении; под ними углообразная лента и треугольнички. Общее количество животных—восемь, так же как углов и треугольников (рис. 17)¹⁵.

Такие фаянсовые шкатулки в памятниках раннего периода Закавказья редки, однако нам все же известно несколько их образцов. Все они глазурованные и имеют желтую, светло-синюю и зеленую роспись. Возможно, шкатулка Лори-Берда тоже была полностью покрыта прозрачной глазурью, которая, однако, не сохранилась. Изображения животных, исполненные желтой краской, скорее всего могли быть сверху покрыты глазурью.

Передовым странам Древнего Востока глазурь была известна еще с IV—III тыс. до н. э.¹⁶ В Закавказье она впервые встречается на пастовых бусах эпохи поздней бронзы; бусы обычно белые, синие-зеленые (Лори-Берд, погребение № 7). Глазурованная керамика известна также из погребений урартского периода Триаleti¹⁷, в материалах Ошакана¹⁸, Карчахиора¹⁹, раннего слоя Двина. В большинстве своем вышеупомянутая керамика толстостенная, изготовлена из красной глины; тонкостенные же из белой хорошо отмученной глины сосуда очень редки. Име-

но из такого материала сделана прямоугольная шкатулка с светло-желтой и светло-зеленой росписью из случайно обнаруженного в 1954 г. погребения в с. Ходжалы²⁰. Надо сказать, что вообще этот могильник дал целый ряд образцов фаянсовой глазурованной посуды. Так, остатки глазурованной шкатулки прямоугольной формы в свое время были обнаружены Э. Реслером в кургане № 20²¹. На сохранившихся черенках была нарисована фигура животного²², очень отдаленно напоминающая изображенных на шкатулке из Лори-Берда; различие их состоит в несхожести общего строения корпуса и формы лап. Около пог ходжалинского животного изображен какой-то предмет, трактуемый исследователями как соха²³; таким образом, надо полагать, что представленное на ходжалинской шкатулке животное должно было изображать быка, впряженного в соху. Напомним, что в погребении № 11, в том же селении, тогда же были обнаружены черепки кубка, с подглазурной зеленоватой росписью. В последнее время в окрестностях Кировакана были обнаружены ценные глазурованные сосуды, датирующиеся IX—VIII вв. до н. э.²⁴.

Глазурованная посуда известна также из могильников Талыша; так, кувшинчик из бурой глины, покрытой синие-зеленой глазурью, обнаружен в с. Джони, а колечко, головка булавки и крупные бусы с глазурью того же цвета—в с. Вери (Талыш)²⁵. Морган считает, в частности, что иранские племена заимствовали глазурь у египтян, у которых она в свое время получила широкое распространение²⁶. Напомним также об известных многочисленных экземплярах ассирийских и эламских шкатулок: среди них очень интересна четырехугольная шкатулка из Суз, датируемая IX—VIII вв. до н. э. Э. Порада считает все эти экземпляры близкими к синхронным сирийским шкатулкам из слоновой кости²⁷. Подобные шкатулки изображены также на барельефах царя Ашшурбанипала, изображающих сцены возлияний²⁸.

¹⁴ К. Х. Кушнарёва, Археологические работы в 1954 г. в окрестностях Ходжалы. МИА, № 67, М.—Л., 1959, с. 384—385.

¹⁵ ОАК за 1897 г., с. 48, рис. 138.

¹⁶ К. Х. Кушнарёва, Ходжалинский могильник, ПГФЖ, 1970, № 3, с. 114, 121; *её же*, Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам, рукопись канд. дисс., с. 243.

¹⁷ Т. А. Бунятов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957, с. 33.

¹⁸ Г. Караханян, В. Мирзоян, Древнее захоронение с поливной керамикой. ВОН, 1976, № 11, с. 66.

¹⁹ J. de Morgan, ук. соч., табл. V, рис. 3,5,6, стр. 105.

²⁰ Там же, с. 111, 106—108.

²¹ E. Porada, Alt Iran, Baden-Baden, 1962, с. 66, рис. 45, 46.

²² R. Barnett, W. Forman, Assyrische Palastreliefs, Prague, рис. 105.

¹⁴ По мнению палеозолога С. К. Межлумян это быстрые и легкие охотничьи собаки, называемые борзыми (*canis domestica*).

¹⁵ Нам кажется, что совпадение количества треугольничков, углов и животных имеет какой-то особый смысл.

¹⁶ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 111—112, 155, 275, 359, табл. XXX.

¹⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, Тбилиси, 1941, с. 275, табл. XX.

¹⁸ Раскопки А. А. Қалаптаряна и С. А. Есяяна.

¹⁹ Раскопки А. О. Мнацакяна.

В могильнике Кулдураза (к юго-западу от Каспийского моря) была обнаружена чрезвычайно похожая на лори-бердскую, но чуть покрупнее шкатулка, датированная VII в. до н. э. (Лувр, АО 22127). Животные на ней изображены так же, как на нашей шкатулке, с той разницей, что здесь фигурируют козлы, окрашенные в светло-коричневый и светло-голубой тона.

К. Х. Кушнарева ходжаллинскую шкатулку датирует VIII в. до н. э. и считает ее привозной вещью, попавшей в Закавказье из Ассирии через Урарту. На это ее наталкивает прежде всего отсутствие в наших памятниках изделий из белой глины. Действительно глазурованные шкатулки из белой глины единичны в закавказском археологическом материале. Поскольку в указанный период шкатулки описанного типа имели большое распространение в Ассирии, то естественно считать, что они распространялись именно оттуда.

Вместе с тем надо отметить также, что глиняные прямоугольные шкатулки без ножек употреблялись в Армении, начиная с эпохи поздней бронзы. Такая черная прямоугольная шкатулка была случайно найдена в одном погребении Талина. Шкатулка эта тонкостенная, с характерной для эпохи поздней бронзы орнаментацией в виде колосьев и треугольников (рис. 18). Этот предмет напоминает найденные вместе с лчашенскими курильницами прямоугольные культовые сосуды. Напомним,

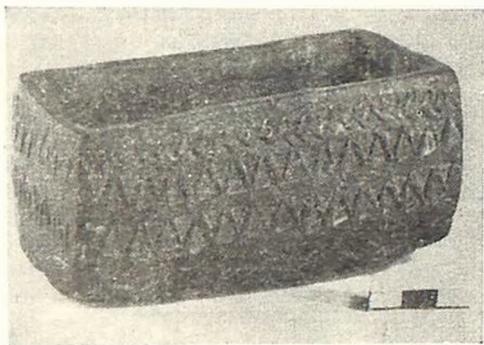

Рис. 18.

что подобные чернолощенные тонкостенные прямоугольные сосуды, декорированные свастиками, зигзагами и шахматобразными фигурами были найдены Морганом в Талыше. Он считает их «керамкой нового типа, найденной в погребениях на грани бронзы и железа, украшенной вырезанными ножом узорами»²⁹. Что же касается изделий из белой гли-

ны, то в наших позднебронзовых памятниках они представлены многочисленными глазурованными крупными цилиндрическими бусами. Найдены они, в частности, в погребении № 7 Лори-Берда.

В плане разбираемой темы очень интересна найденная в грунтовом погребении № 45 Мингечаура (конец II начало I тыс. до н. э.) глиняная четырехугольная шкатулка с крышкой. По форме она совпадает со шкатулками из Ходжалов и Лори-Берда, только не имеет ножек³⁰. Это как будто указывает на местный характер изготовления подобных предметов. Там же была выявлена глазурованная посуда³¹. Грубые шкатулки, сделанные из простой местной глины, использовались и в дальнейшем, вплоть до середины I тыс. до н. э. Так, прямоугольная шкатулка из желтоватой глины была найдена Е. Лалаян при раскопках в бассейне оз. Севан³². Прямоугольная грубая шкатулка с четырьмя ножками, декорированная врезными линиями, была обнаружена А. А. Ивановским в погребении № 28 Кедабек³³. Надо полагать, что то же назначение имела эллипсоидная шкатулка, найденная в Басаргечаре (VI в. до н. э.)³⁴.

Как видим, четырехугольные шкатулки, украшенные резным орнаментом, начали появляться в Закавказье уже в эпоху поздней бронзы. Шкатулка из Лори-Берда по форме очень близка к этим местным изделиям, хотя формой ножек она напоминает ассирийские.

По-видимому, начиная с X—IX вв. до н. э. местные изделия несколько видоизменяются под влиянием ассирийской «моды», что проявляется в появлении новых деталей, нетрадиционных для закавказского производства.

Шкатулка Лори-Берда, хотя и имеет определенные основания считаться привезенной из Ассирии, может оказаться также изделием местного производства, так как здесь существовали достаточно глубокие традиции и имелось богатое сырье (особая глина), которое первоначально употреблялось только для изготовления бус.

Как уже отмечалось, в погребении № 11 были обнаружены черные матовые кувшины без ручек с узким и длинным рифленным горлом (табл. XX, 1—3). Корпус этих сосудов биконический. Эти кувшины по форме очень близки кувшинам из слосев, образованных от

²⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ионе, ук. соч. с. 58, 88, табл. XXXVI, 7.

³⁰ К. Х. Кушнарева. Арх. работы 1954 г..., с. 384.

³¹ Е. Лалаян, Раскопки погребений в Советской Армении, Ереван, 1931, с. 124, рис. 37 (на арм. яз.).

³² А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, вып. VI, М., 1911, табл. XI, рис. 18.

³³ А. О. Мнацаканян, Археологические находки в Басаргечаре, КСИИМК, в. 60, 1955, с. 41, рис. 13(4,6).

²⁹ J. de Morgan, ук. соч., с. 105, 117, рис. 3.

пожарищ Мецамора⁴⁵ и Двина⁴⁶, а также из погребений Бешташени⁴⁷.

Любопытно, что один одноручный кувшин стоял вместе с меньшим горшком на плите погребения № 12 (костных остатков рядом не было). Он—коричнево-желтого цвета, матовый, с вытянутым корпусом, круглой ручкой, которая опускается на плечи в виде двух «усиков» (табл. XXII, 1). Такие кувшины чаще встречаются в погребениях VIII—VI вв. до н. э.

В погребении № 11 Лори-Берда были обнаружены также вазы с широким венчиком, высоким круглым поддоном и двумя дугообразными ручками (3 экз.) (табл. XX, 5, 7). Они черные лощеные, тонкостенные, плохо обожжены и украшены широкими желобчатыми и выпуклыми поясами, очень напоминающими декор керамики из погребения № 3 Кармир-Блура (VIII—VII вв. до н. э.)⁴⁸. Более ранние типы подобных ваз мы видели в погребении № 9.

Вазы с высокими поддонами и ручками не имели широкого распространения в древней Армении, однако отдельные их образцы все же известны. Так безручная ваза, датруемая XIII в. до н. э., найдена в Гехароте⁴⁹, несколько их экземпляров известны из поселения Давид-Бек (Кафан), с. Лцен (Сисианский район)⁴⁰. Вазы Давид-Бека имеют довольно широкий поддон, вместе с тем формой корпуса, горизонтальными каннелюрами и отогнутым венчиком они близки вазам Лори-Берда. Эти вазы датируются X в. до н. э. Вазы обнаружены также в могилах с. Тапдзавер (Сисианский район) XI—X вв. до н. э.⁴¹. Сосуды с высоким поддоном и высокими ручками оказались и в могилах Мингечаура, датруемых концом II—началом I тыс. до н. э.⁴². Одна ваза найдена в Мичхете⁴³.

В лори-бердском погребении № 11 оказались горшки с дисковидными выступами

(табл. XX, 4, 6, 8). Один из них имеет широкий венчик, две высоко поставленные дугообразные ручки и кольцеобразный поддон; на плечиках широкие желобчатые эмсеобразные линии.

Керамические сосуды с кольцевым поддоном имели большое распространение. Они, в частности, очень характерны для культовых карасов Мецамора, найденных в слое пожарищ. На них, так же как и на нашем кувшине, дискообразный выступ сочетается с украшением в виде извивающейся змеи.

Дискообразный выступ на сосудах Э. Ханзадяна рассматривает как изображение алтаря, связанного с культом змеи⁴⁴. Сосуды с такими «алтарными» выступами и высоко поставленными ручками найдены в Дилижане⁴⁵, а также в курганах Ханлара⁴⁶, Мингечаура, Ходжалов. Некоторые из них, как и сосуд из Лори-Берда, снабжены теми же высоко поставленными ручками⁴⁷.

Вместе с тем Б. А. Куфтин отмечает, что эти характерные для юго-восточных областей Закавказья и Ирана формы горшков с «пуговицами» у венчика совершенно отсутствуют в погребениях Трналетн⁴⁸. Если это так, то можно полагать, что они из областей смежных с Ираном проникли на север, в районы Мингечаура и Карабаха, а затем в Араратскую долину и в Ташир-Дзорагет, культура которого испытывала заметное влияние как с юго-востока, так и с северо-запада.

Лори-бердские горшки с крупным шаровидным корпусом (табл. XXI, 1—2; XXII, 2—4, 6) делятся на несколько групп: 1) горшки с коротким горлом и выгнутым наружу венчиком; на нижней части горла желобчатые линии; ниже, по вертикали, на некотором расстоянии друг от друга, слабые бороздчатые линии (погребение № 11). Точных аналогий они пока не имеют, вместе с тем сосуды с подобным украшением найдены в погребениях Кармир-Блура⁴⁹, Мецамора⁵⁰ и Дилижана (начало I тыс. до н. э.)⁵¹; 2) чернолощеные горшки, украшенные в верхней части неглу-

⁴⁵ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсамян, ук. соч., с. 40—41, рис. 53, 54.

⁴⁶ К. К. Кушнарева, Древнейшие памятники Двина, рис. 37.

⁴⁷ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трналетн, с. 74, рис. 82, табл. XLVIII, LI.

⁴⁸ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаши, Ереван, 1961, с. 65, рис. 26.

⁴⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 89, рис. 42—4.

⁴⁰ С. А. Есаян, А. Н. Шагинян, Археологические находки в Зангезуре, СА. 1962, № 3, с. 204, рис. 2—2, 3—1; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 148—152.

⁴¹ О. Хникян, Раскопки в с. Тапдзавер и Шикаог, ИФЖ. 1975, № 2, с. 242, табл. II, III (на арм. яз.).

⁴² Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Нонне, ук. соч., табл. XIII.

⁴³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трналетн, с. 67, рис. 67.

⁴⁴ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсамян, ук. соч., с. 52, рис. 75, табл. X, рис. 7; рис. 12, 123.

⁴⁵ Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXVII, рис. 1.

⁴⁶ Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, с. 41, фиг. 16, рис. III—I; с. 66, фиг. 28, № 1; с. 116, фиг. 48, рис. 2.

⁴⁷ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Нонне, ук. соч., табл. XXI, XXX.

⁴⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Трналетн, с. 69.

⁴⁹ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаши, с. 62, рис. 286.

⁵⁰ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсамян, ук. соч., с. 175, рис. 162а, 168.

⁵¹ Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXVI, 5.

бокнами продолговатыми вертикальными вдавлениями (погребение № 12); 3) крупные, шарообразные, черные, плохо обожженные горшки с характерным бороздчатым и зигзагообразным декором являются частью кухонной посуды и очень распространены как в поселениях, так и в погребениях эпохи раннего железа (погребение № 12); 4) горшки с широким корпусом бурого цвета, пелощеные (1 экз.) декорированы двумя рельефными веревочным и елочным орнаментами и палочными солнцевидными дисками; расстояние между поясками заполнено вдавленными уголками со слабо выраженными радиальными линиями (погребение № 12). Четыре миски с кольцевым поддоном, находившиеся в наших погребениях, имеют почти одинаковые размеры и черную матовую поверхность. У одной ниже венчика складчатые пояски, у остальных желобчатые, либо выпуклые. Их кольцевые поддоны большей частью снабжены елочным орнаментом (табл. XXI, 3—7; XXII, 5, 7).

Такие широкие миски имеют большое распространение в памятниках эпохи раннего железа. Однако миски с кольцевым поддоном встречены лишь в некоторых памятниках; такая миска известна, в частности, из Дилижана⁵². Елочный орнамент часто украшает венчики керамических изделий эпохи поздней бронзы и раннего железа (Лори-Берд, погребение № 8, Артик⁵³, Астхи-Блур, погребение № 19⁵⁴), волнистый же декор мы видим на венчике сосуда из Астхи-Блура (начало 1 тыс. до н. э.)⁵⁵.

Простые миски слабо украшены; венчики их отогнуты наружу или выражены слабо, некоторые имеют под венчиком желобчатые или выпуклые пояса. Это кухонная посуда. Их лощеные экземпляры известны из доурартского поселения Кармир-Блура⁵⁶, из Мецамора⁵⁷ и многих поселений, которые датируются концом поздней бронзы и началом раннего железа.

Кухонные горшки сделаны вручную, они обычно грубые и покрыты сажей (3 экз.). Один из них—коричневый, менее грубый, матовый, корпус шаровидный—украшен поясками с семячковым орнаментом и желобком (табл. XXI, 8, 9; XXII, 2, 3). Подобные горшки имеют широкое территориальное распростра-

нение, а также большой хронологический диапазон. Они встречаются как в памятниках поздней бронзы, так и раннего железа и поэтому не могут служить основой для датировки. Мы их видим, например, в артекском комплексе эпохи поздней бронзы⁵⁸, в кремлеках раннего железа Норатуса⁵⁹. Горшки эти очень распространены в Самтавро, а также в комплексах Гулгула-I и Гулгула-II и других древних памятниках Грузии⁶⁰. Особенно интересен среди кухонной керамики крупный с биконическим корпусом и выпуклым наружу венчиком грубый толстостенный, бурый горшок. Корпус его наверху украшен тремя равномерно распределенными накладными рогообразными фигурами, а в широкой части веревочной лентой; дно плоское и покрыто сажей. Очень похожа на него грубая кухонная посуда из погребений поздней бронзы и раннего железа Артика, для которой характерны веревочные пояса⁶¹.

Изучая особенности керамики Лори-Берда эпохи раннего железа, можно отметить, что она, с одной стороны, генетически связана с посудой предшествующего этапа, с другой—несет на себе элементы более позднего периода. Керамика с дискообразными выступами из погребения № 11 связывается с сосудами из «сгоревшего слоя» Мецамора (X—VIII вв. до н. э.) и ранних курганов Ходжалы и Мингечаура (XIII—XI вв. до н. э.)⁶².

Шаровидные горшки и сосуды с высоко посаженными ручками из Лори-Берда имеют сходство также с керамикой из пункта IV в Ходжалы⁶³, где обнаружена глазурованная шкатулка. Датировочным материалом здесь является шкатулка, которую К. Х. Кушнарера относит к середине VIII в. до н. э. Ранние элементы в керамике лори-бердских погребений, которые связываются с памятниками конца II тыс. до н. э., позволяют датировать наши погребения № 11 и 12 концом X—VIII вв. до н. э.

Особый интерес здесь представляют вазы на невысоких цилиндрических ножках, которые в целом сравнительно редки для Закавказья. Формы таких ваз и на более высоких ножках, как в погребении № 9, очевидно имеют не местное происхождение. Вместе с тем

⁵² Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XLIV, 6.

⁵³ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 226, рис. 139.

⁵⁴ С. А. Есаян, Астхи-блурский могильник. ВОН, 1968, № 6, с. 83, табл. 1, 7.

⁵⁵ Там же, табл. I, рис. 17.

⁵⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, с. 49—50, рис. 21а, 22б.

⁵⁷ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсаян, укр. соч., табл. XIV, 1—3.

⁵⁸ Т. С. Хачатрян, Материальная культура Древнего Артика, с. 124; табл. 26.

⁵⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 195, рис. 76—7, II; с. 209, 81, II.

⁶⁰ К. Н. Пицхелаури, Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. Тбилиси, 1973, табл. LIX, I, LX, I, LXV, 1—2, (на груз. яз.).

⁶¹ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 231, рис. 146—148, с. 252, рис. 162.

⁶² Г. Асланов, Р. Ваидов, Г. Ионс, укр. соч., с. 118—119; К. Х. Кушнарера, Ходжалинский могильник, с. 117.

⁶³ К. Х. Кушнарера, Археологические работы 1954 г..., рис. 1—3.

впоследствии они приобретают характерные элементы для местной керамики. По-видимому традиция изготовления ваз этого типа проникла в Армению из Малой Азии приблизительно в середине II тыс. до н. э. Исследователи показали наличие малоазийской керамики в Армении в эпоху средней бронзы⁶⁴. Вазы с цилиндрической ножкой, по всей вероятности, появились одновременно с ней. Напомним, что черная лощеная ваза с двумя ручками найдена в Ариче⁶⁵ вместе с расписной керамикой. Вазы с ножками различной высоты, широким венчиком, четырьмя ручками, а иногда и без ручек, найдены вместе с предметами, декорированными лощением, в слоях средней и поздней бронзы Бейцусултана. Последние приближаются к сосудам Байракли, Трон VI, датированным 1425—1275 гг. до н. э.; один экземпляр указывает на связь культур запада, севера и юга Анатолии. Намечающиеся аналогии с посудой Кюль-Тене акцентируют общий азиатский характер сосудов этого типа⁶⁶. Характерна в этом плане расписная ваза из Кюль-Тене (XIX—XVIII вв. до н. э.)⁶⁷, косые линии и волнистые пояса которой напоминают лощеные узоры на черном кубке с двумя ручками из Лчашена (эпоха средней бронзы, погребение № 6)⁶⁸.

Не вызывает сомнения, что вазы, найденные как на территории Малой Азии, так и в Закавказье, носили культовый характер. Вазы Лори-Берда, в частности, изготовлены с особой тщательностью и великолепно украшены. Об их культовом назначении говорят также многочисленные образцы хеттской скульптуры и глиптики, на которых подобные вазы неизменно присутствуют в композициях, изображающих культовые церемонии. Мы видим их как в сценах с человеческими жертвоприношениями⁶⁹, так и в сценах царских возлияний в честь бога погоды (1080—850 гг. до н. э.)⁷⁰.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ШИРОКОГО ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА. В Ташир-Дзоргете памятники этого периода стали известны уже в конце XIX в. благодаря многочисленным

раскопкам в Лалваре (Ж. де Морган), в Ворцаке (Н. Я. Марр), а позднее в Макарашене и Кургане (А. А. Мартиросян). Для них характерно обилие металлического оружия и орудий, а также бронзовых украшений. Изучение всех материалов показывает, что наряду с зафиксированными на предыдущем этапе тесными ассиро-урартскими культурными связями, местное население в дальнейшем расширяет свои связи, включая в их сферу контакты с кобанской (фибулы, бляха) и скифской (стрелы) культурами.

В течение последних лет общие представления о культуре эпохи широкого освоения железа Закавказья дополнились характерными материалами, которые стали известны благодаря нашим раскопкам в Лори-Берде. Эти последние представляют интерес не только для области Ташир-Дзоргета, но и для Кавказа в целом. Именно этим периодом датируются погребения № 2, 3 и 4, давшие совершенно новый и уникальный материал, равноценный по своему значению материалам, полученным при раскопках памятников эпохи средней и поздней бронзы.

Погребение № 2 (нижний слой этого погребения был описан в предыдущей главе) находится в 40 м к западу от погребений № 1 и 6. Скелет плохой сохранности был расположен в центре погребения, лицом к востоку и принадлежал мужчине средних лет. У его изголовья и справа были поставлены горшки, миски, кувшины, чашки и небольшой урартский флакон. Большая часть погребального инвентаря находилась в северо-западной половине камеры, другую же ее часть занимали захоронения двух лошадей, скелеты которых сохранились полностью. У одной из лошадей на челюстях были железные удила; другие части уздечки находились рядом. По заключению С. К. Межлумян, скелеты принадлежали жеребцу и кобыле, относящиеся к верховому типу южной породы (*Equus caballus*). Лошади были уложены в два ряда поперек погребения. В могиле также находились костные остатки крупного рогатого животного и овцы. Скелеты лошадей, а также большая часть материалов были обнаружены на глубине 2 м и ниже. У восточной стены лежали три бронзовые гривны, уложенные одна в другую (вероятно их так и носили). 28 бронзовых браслетов, сложенных друг на друга по 3 и по 4. На некоторых оказались отпечатки ткани от одежды покойника. На браслетах лежало большое количество сердоликовых и агатовых бус. В области грудной клетки находилось 10 бронзовых фибул, а также многочисленные агатовые бусы. В могиле были выявлены также четыре железных ножа (один лежал на скелете), золотая диадема, украшения в виде пуговиц, серебряные серьги, браслеты, кольца, каменные и костяные бусы.

⁶⁴ Г. Е. Арешян, Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века, СА, 1973, № 4, с. 44, рис. 2.

⁶⁵ Т. С. Хачатрян, Древняя культура Ширака, с. 116, рис. 71.

⁶⁶ L. Lloyd, J. Mellaart, Beycesultan Excavations AS, 1955, vol. V, с. 58, 59, 61, рис. 9, 1—4, 6—8, 10; J. Mellaart, Pottery and Stratification, AS, 1956, v. VI, с. 132, рис. 4, 9; с. 113, рис. 5, 1—4, 8.

⁶⁷ Е. Акургал, ук. соч., с. 26

⁶⁸ Э. В. Ханзадян, Курган № 6. Лчашена, Изв. АН АрмССР, 1960, № 2, с. 75, рис. 11

⁶⁹ Н. Д. Флитнер, Культура и искусство Двуречья М.—Л., с. 222.

⁷⁰ Е. Акургал, ук. соч., с. 105, табл. 104.

Любопытно, что общий вес каменных бус составлял 1,5 кг. Мелкие пастовые бусы синего и белого цветов, сложенные кучками, находились в погребении десятками тысяч, иногда только белые, иногда вперемешку. Встречены также янтарные бусы.

Погребение № 3 расположено в 17 м к западу от погребения № 1. Оно вероятно имело небольшую каменно-земляную насыпь, однако камни с течением времени были унесены. В начале раскопок на месте оказалось лишь два камня средней величины; после их удаления, на глубине 0,6 м от земной поверхности оказалась огромная каменная плита перекрытия, которая перекрывала по длине каменный ящик, ориентированный с северо-запада на юго-восток, были сложены из больших плит, пол был грунтовым. Размеры могилы следующие: длина—1,9 м, ширина в северо-западной части—1,35 м, в северо-восточной—1,1 м, глубина от поверхности земли—2,15 м, высота—1,1 м (рис. 19). Погребение было пол-

бронзовые клиновидные бусы и украшения в виде полумесяца, сердоликовые бусы. Здесь же находились золотые бусы. Всю керамику погребения составляли кувшинчик с одной ручкой, два кубка и бурый горшочек.

Погребение № 4 расположено в 78 м к югу от погребения № 3. Это кромлех диаметром 7,2 м. В центральной части кромлеха на глубине 0,2 м оказались овалы уложенные по краям камеры камни среднего размера, частично свисающие в погребение (рис. 20). Камера была ориентирована с севера на юг, она не имела мощной кладки, завершающуюся полукругом, южная же половина была прямоугольной грунтовой (рис. 21). Глубина погребения в северной части составляла 1,3 м, а в южной—1,5 м, длина—3,3 м, ширина в южной части—1,41 м, а в северной—1,25 м. В могиле выявля-

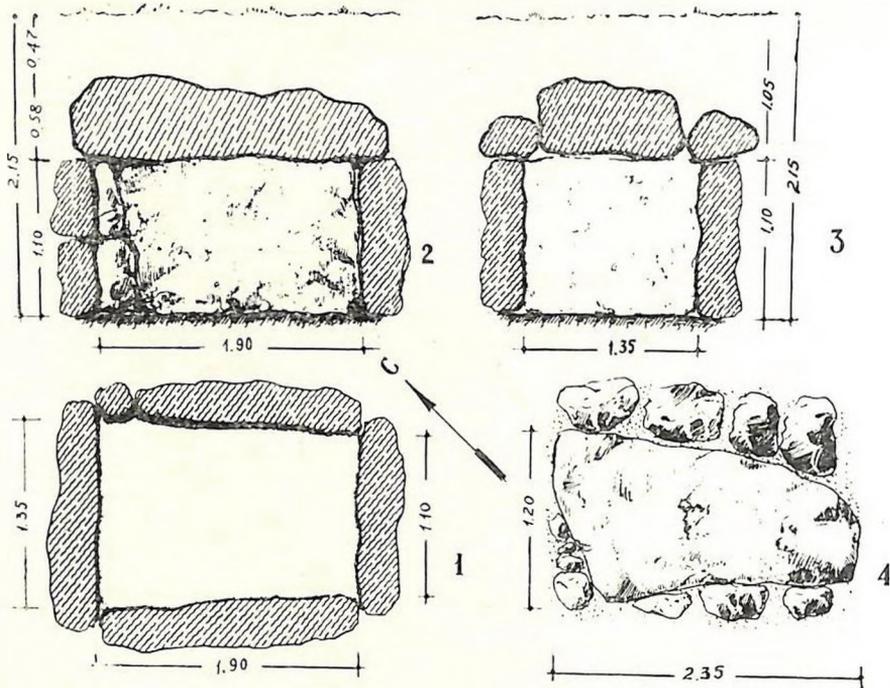

Рис. 19.

ностью засыпано землей. На полу, в центральной части, обнаружена беспорядочная куча костей, смешанная с слоем золы. Череп отсутствовал. По всей вероятности, здесь имела место неполная кремация. На костях скелета оказалось много круглых выпуклых пуговиц от панциря (100 шт.). У северо-восточной стены лежали бронзовое кольцо-бляха, иглока,

ны скелеты двух лошадей, занимавших северную половину камеры, черепа же их находились в центре могилы; в челюстях одной лошади оказались железные удила. Большая часть погребальной керамики лежала на скелетах лошадей. У южной узкой стены было найдено большое количество сложенных друг на друга бронзовых предметов: 10 витых гривен, 58

браслетов (9 из них серебряные змеиноголовые), золотая диадема, намотанная на бронзовую гривну. Среди браслетов и гривен находились позеленевшие от окиси бронзы человеческие зубы, которые покойник, возможно, но-

Рис. 20.

сил на шею как украшение. На них лежала черная керамика—чаша, кувшины, миски. Примерно в полуметре к северу от этого комплекса были обнаружены золотые серьги в виде треугольников, подвешенные к сереб-

ный ритуальный кувшинчик с коротким носиком; в области же лошадиных скелетов оказалась золотая треугольная подвеска, а рядом черный одноручный кувшин. В могиле были обнаружены также в большом количестве янтарные, агатовые, стеклянные бусы и железные ножи, на которых местами сохранились следы дерева от ручек. Человеческого скелета здесь не оказалось, а рядом с культовым сосудом было большое скопление пепла. Уместно предположить, что здесь также имела место кремация.

Погребение № 13 находится на левом берегу реки Мисхана, на высоком склоне, занятом поселением. Оно расположено к востоку от раскопанного нами здесь жилища на 140 м. Это круглый кромлех диаметром в 5 м. Поверхность его полностью покрыта мелкой речной галькой (рис. 22). Погребальная камера, ориентированная с востока на запад, оказалась грунтовой, длиной в 1,3 м, шириной в 0,8 м. Покойник лежит на левом боку, голова направлена к востоку, руки сложены у лица, ноги согнуты. Скелет плохо сохранился. Ни одного образца материальной культуры рядом с покойником не оказалось.

Металлические предметы. Железные

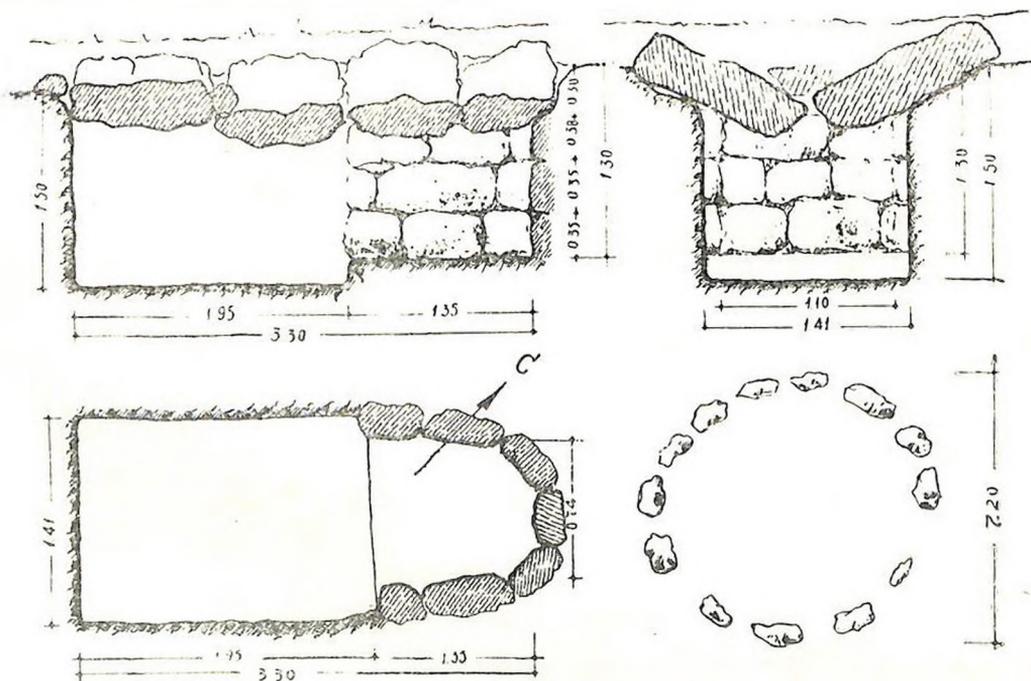

Рис. 21.

ряным тонким кольцам с несомкнутыми концами, золотой змеиноголовый браслет, большая низка крупных круглых блестящих сердоликовых бус и множество средней величины сердоликовых и настовых бус. Здесь же в слое золы был найден сломанный черпый зооморф-

предметы были обнаружены в погребениях № 2 и 4. Это удила, части уздечек и ножи (табл. XXIII, 1—5). Хотя количество железных вещей по сравнению с бронзовыми невелико, однако они очень важны для датировки комплекса в целом.

Удила дошли до нас в плохой сохранности. Удила из погребения № 2 сделаны из железных прутьев круглого сечения, на концах кольца, служившие для соединения их в центральной части и для вдвигания ремней. Уздечка подвижная, длинная, в форме полумесяца, напоминает ассирийские уздечки,

с одной стороны, кироваканские (VIII в. до н. э.), с другой—бронзовые кармир-блурские (VIII в. до н. э.)⁷², однако отдельными деталями отличаются от тех и от других.

Особый интерес представляют железные удила, найденные в погребении (1962 г.), открытом случайно близ с. Агарак примерно в

Рис. 22.

которые постоянно встречаются на рельефах дворца Ашшурбанипала в Ниневии⁷¹. Там же были найдены три железных кольца с загнутыми концами, которые, несомненно, являлись частью уздечки. Кольца вероятно имеют более древнее происхождение, так как они очень похожи на лчашенские, датируемые начальным периодом эпохи поздней бронзы. Эти предметы встречены также в грунтовом погребении № 121 Самтавро (VIII—VII вв. до н. э.).

Удила из погребения № 4 имеют удлиненные псалли с тремя петлями; из центрального петельчатого отверстия выходит трензель, состоящий из двух стержней, соединенных в центре кольцами. Они напоминают, с

4 км к востоку от Лори-Берда (табл. XXIII, 6). Трензель их сделан из двух круглых стержней, которые в центре соединяются друг с другом кольцами; на трензеле 6 дисков разной величины, снабженных острыми зубцами; он соединен с центральным кольцом псалли. Псалли сделаны из прямых прямоугольных в разрезе стержней (длина 20,5 см), в центральной части которых расположены петли; концы трензеля снабжены широкими кольцами для затягивания удил. С удилами в погребении обнаружены были также горшки и каменные срудие, которые, к сожалению, утеряны.

Самые близкие аналоги агаракские удила находят в удилах случайно открытого в 1940 г. погребения у с. Цинцаро (Триалети),

⁷¹ Памятники мирового искусства, Искусство Древнего Востока, М., 1968, рис. 2586.

⁷² А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXI, рис. 19, 20.

представлявшего собой каменный ящик ахеменидского времени⁷³. Б. А. Куфтин считает, что драгоценные предметы этого погребения, так же как и бронзовые удила, являются аналогами материалов «Ахалгорийского клада»⁷⁴. Ахалгорийские удила имеют точно такие же, как у агаракских удил, прямые псални⁷⁵ с отверстиями и большие кольца на концах трензелей. В погребении Ахалгоры был обнаружен также фрагмент бронзового псални с железной окисью, что дало основание предполагать, что трензель был железным⁷⁶. Такие же бронзовые удила были найдены в 1911—1912 гг. близ Сурами⁷⁷. Своеобразная форма удил приводит Б. Куфтина к убеждению, что они принадлежали скифам, проникавшим в то время на территорию Грузии. Одновременно он считает, что эти удила говорят о самостоятельном развитии коневодства в Грузии, начиная с конца II тыс. до н. э. Удила такого типа, с его точки зрения, были необходимы для приручения сильных диких коней и приведения их к табуному состоянию⁷⁸. Прототипами их являются удила с выступами на псалнях и неподвижным трензелем, найденные на территории Грузии и Азербайджана. Аналогии их известны в Греции, Египте, Луристане. Б. А. Куфтин датирует все эти удила VII в. до н. э.

В обеих лори-бердских могилах было найдено по четыре ножа. Они главным образом короткие, серповидные; деревянные рукоятки крепились двумя-тремя заклепками; длина их рабочей части и рукоятки одинаковая. Из группы коротких ножей выделяется один слегка вогнутый нож (из погребения № 2), длиной 25 см, шириной около 2 см. Кривые ножи небольших размеров очень характерны для памятников Кавказа VII—VI вв. до н. э. Они имеют свои аналоги в материалах могильников Головино⁷⁹, Хртаюца⁸⁰, Ворнака⁸¹, в Аргинтихицили⁸², Шейтан-Дага⁸³, Берда⁸⁴, а

также крепости Бешташени⁸⁵. Все эти памятники суммарно датируются VII—VI вв. до н. э.

Наличие в погребениях Лори-Берда железных ножей при полном отсутствии предметов вооружения наводит на мысль, что подобные ножи могли использоваться также в качестве оружия. Как в погребении № 2, так и в большинстве лаварских могил железные ножи располагались на груди или у пояса покойников.

Подавляющее число предметов украшения из погребений № 2—4 сделаны из бронзы. Среди них выделяются гривны (13 экз.) и браслеты из погребений № 2 и 4, общее количество которых доходит до 90 (табл. XXIV, 1—4,6).

Шейные гривны сделаны из четырехгранного скрученного прутка, концы которого уплощены. Они различны по величине и отличаются друг от друга частотой витков. Концы некоторых гривн завернуты в кольца. Остальные с расплюснутыми концами украшены выгравированными точками и черточками.

Эти предметы широко использовались местным населением, начиная с эпохи раннего железа, вплоть до V—IV вв. до н. э. Они известны, в частности, из различных погребальных памятников, в том числе из Ворнака⁸⁶, Гюлагарака, окрестностей Степанавана, Хртаюца, Головино⁸⁷, Джрарата⁸⁸, Мингечаура⁸⁹ и отдельных пунктов Северного Кавказа. Эти комплексы датируются VII—VI вв. до н. э.

Браслеты обнаружены только в погребениях № 2 и 4. Они изготовлены из круглых бронзовых прутков разной толщины. Из 58 браслетов погребения № 4—49 бронзовых. Бронзовые браслеты встречаются следующих видов: а) кольцеобразные без украшений; б) кольцеобразные с украшением; они с наружной стороны имеют зубчатый рельеф, пересекающийся двумя тонкими линиями; в) с несомкнутыми, либо заходящими друг за друга концами без орнамента; г) орнаментированные с несомкнутыми концами; они снабжены тонкой зубчатой гравировкой, прерывающейся двумя перекрывающимися черточками; д) зменоголовые браслеты.

Особенно красив браслет с ромбовидными краями, заканчивающимися тонкими характерными деталями змеиной головы (погре-

⁷³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 34—41.

⁷⁴ Там же, табл. XII, XII bis.

⁷⁵ Я. Н. Смирнов, Ахалгорийский клад, Тбилиси, 1934, рис. на с. 53—55.

⁷⁶ Там же, с. 56.

⁷⁷ Там же, рис. на с. 64.

⁷⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, с. 41.

⁷⁹ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у села Головино, КСНМЖ, 1952, с. 67, рис. 14—4.

⁸⁰ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. III, рис. 1—3; *его же*, Армения в эпоху бронзы..., с. 272, рис. 106, 3—5.

⁸¹ Дневник Е. А. Такайшвили.

⁸² А. А. Мартirosян, Раскопки Аргинтихицили, СА, 1967, № 4, с. 232, рис. 6.

⁸³ J. de Morgan, ук. соч., стр. 132, рис. 121, 4.

⁸⁴ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ, 1969, № 4, табл. II, 1—3.

⁸⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XVI.

⁸⁶ Дневник Е. С. Такайшвили; Эрмитаж, № 16718.

⁸⁷ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. VII, рис. 7, табл. XVI, рис. 9—13.

⁸⁸ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирицян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв. АН АрмССР, 1961, № 8, табл. 2.

⁸⁹ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. Н. Ноне, ук. соч., с. 70, рис. 53, табл. XVIII, рис. 17, 18.

бенне № 2, табл. XXIV, 5). Корпус змеи из круглого прута украшен группами тонких линий, исполненных точечными рисунками в виде восьмерки и гравированными крестиками. Такие же украшения несут на себе браслеты с несомкнутыми концами из погребения № 4. Весьма вероятно, что они также изображали тело змеи, так как крестообразные знаки обычно встречаются на змеиных головах. Змеиноголовые браслеты из погребения № 4 отличаются от недекорированных только головками, на которых видны глаза—дырочки, крестики, а в одном случае весь браслет покрыт мелкими точечками. Следует отметить, что все змеиноголовые браслеты стилизованы по-разному, что подчеркивает их различие.

Бронзовые кольцеобразные браслеты с зубчатым обрамлением известны из многочисленных памятников эпохи широкого освоения железа⁹⁰. Браслеты со сходящимися концами характерны для IX—IV вв. до н. э.⁹¹. Браслеты с несомкнутыми концами выявлены в большом количестве Морганом в погребениях эпохи раннего железа Муснери⁹². Браслеты без орнамента и с зубчатым обрамлением, как и змеиноголовые, были обнаружены среди материалов Хртаноца и Головино (VII—VI вв. до н. э.)⁹³. Они также найдены в Ворнаке, на Севане и в других местах. Обычно эти браслеты, сопровождаются железными кожами вышеупомянутых типов, железными коньями, а также наконечниками стрел скифского типа. Время распространения этих браслетов в Закавказье VIII—VI вв. до н. э.⁹⁴.

Мы уже упоминали, что в погребении № 3 было 100 круглых бронзовых пуговиц с маленькими отверстиями с двух сторон. Судя по имеющимся реконструкциям, примерно такое количество пуговиц, нашитых на ткань либо кожу, составляли панцирь воина (табл. XXV, 1). Использование панцирей, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до VI в. до н. э., зафиксировано целым рядом находок в могилах. Около 100 таких пуговиц, в частности, оказалось в погребении № 19 в Ходжалах⁹⁵; встречены они и в курганах № 21 и 34 близ Ханлара⁹⁶.

Бронзовые фибулы, найденные в погребении № 2 (10 экз., табл. XXV, 9), имеют

дугообразную форму; они разных размеров и утолщены в центре. Подобные фибулы распространены в памятниках железного века. В Армении они обнаружены в Ворнаке, Муснери⁹⁷, Хртаноце⁹⁸, Дилижане⁹⁹.

В погребении № 2 обнаружен маленький изящный косметический пинцет, декорированный тонкими гравированными узорами, длиной—7 см (табл. XXV, 12). Это не единичная находка, такие пинцеты с орнаментом или без него часто встречаются в погребениях эпохи широкого освоения железа, в том числе в погребении № 5 Ворнака, в Ахтале (VIII—VI вв. до н. э.)¹⁰⁰, Сананше, Хртаноце (VII—VI вв. до н. э.)¹⁰¹, Хаштараке, Дилижане¹⁰², Головино¹⁰³, в погребениях № 121 и 174 Самтавро (VIII—VII вв. до н. э.) и в других местах.

Среди мелких бронзовых предметов лорибердских погребений были игла, бусы, подвески, кольцо и пр. (табл. XXV, 2, 4, 5, 7, 8). Игла из могилы № 3 имеет среднюю величину и очень напоминает иглу из погребения № 21 Ханлара¹⁰⁴. Небольшое кольцо сходно с кольцами из могил № 2 и 7 Ходжала¹⁰⁵. Очень интересны литые бронзовые клинообразные бусы, расширяющиеся книзу. Аналогичные бусы встречены пока только в погребениях Ошакана. Украшение в форме полумесяца находит себе аналогию в погребальном инвентаре могил в с. Берд¹⁰⁶, Ханлара¹⁰⁷ и Ноемберяна.

Бляшки Лори-Берда сделаны из тонких пластин, согнутых и протянутых в четырех местах (табл. XXV, 11). Они широко распространены в памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа и известны из Ворнака, Шейтан-Дага¹⁰⁸, Артика, Марал-Дереси¹⁰⁹, Талыша¹¹⁰.

⁹⁰ J. de Morgan, ук. соч., с. 117, рис. 88.

⁹¹ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., с. 274, рис. 107, 4.

⁹² Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXIX, рис. 10, табл. XLV, рис. 2, 9.

¹⁰⁰ J. de Morgan, ук. соч., рис. 9, 6 а, в.

¹⁰¹ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., с. 274, рис. 107, 5.

¹⁰² Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXIII, 7, XLV, 5.

¹⁰³ А. О. Мнацаканян, Раскопки погребений в с. Головино, Труды ГИМА, с. V, с. 13, рис. 5—3 (на арм. яз.).

¹⁰⁴ Я. И. Гуммель, ук. соч., с. 18, фиг. 7, рис. X—6.

¹⁰⁵ К. Х. Кушнареева, Ходжалинский могильник, с. 112, рис. 2—5; с. 114, рис. 6—4.

¹⁰⁶ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени..., табл. III, рис. 4, 13.

¹⁰⁷ Я. И. Гуммель, ук. соч., фиг. 7, рис. X—7.

¹⁰⁸ J. de Morgan, ук. соч., с. 49, рис. 9—8 а.

¹⁰⁹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XXIV.

¹¹⁰ Cl. F. A. Shaeffer, Stratigraphie comparée et

⁹⁰ С. А. Есаян, Бронзовые браслеты Исторического музея Армении, Изв. АН АрмССР, 1964, № 2, табл. 3, рис. 3, с. 91 (на арм. яз.).

⁹¹ Там же, табл. 1, 12, с. 85—86.

⁹² J. de Morgan, ук. соч., с. 113, рис. 75.

⁹³ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. V, XVI, рис. 2—4.

⁹⁴ Там же, с. 81—82.

⁹⁵ К. Х. Кушнареева, Ходжалинский могильник, с. 114, рис. 6—5, 8, 11.

⁹⁶ Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, с. 18, фиг. 7, рис. IV—9, с. 30, фиг. 12, рис. 1—3.

В погребении № 2 обнаружены трубочки разной длины (табл. XXV, 14). Они маленькие, сделаны из тонкого бронзового листа и имеют многочисленные аналоги в материалах Закавказья изучаемого периода (Хртапоц¹¹¹, Головино¹¹², Гегарот, Басаргечар, Так-Килиса¹¹³, Садахло¹¹⁴). В другом погребении найдено два кольца; одно сделано из широкого бронзового листа, другое — из проволоки круглого сечения (табл. XXIV, 3).

Помимо бронзовых предметов, в лорнбердских могилах были найдены серебряные изделия. Это — браслеты, серьги, кольца, бусы и украшения в виде пуговиц (табл. XXV, 10, 13).

Очень интересны зменоголовые браслеты, обнаруженные в могиле № 4 (19 экз. табл. XXV, 10): они изготовлены из прутьев круглого сечения; несомкнутые концы браслетов утолщены и заканчиваются стилизованными головками змей. Такое обилие зменоголовых браслетов представляется не случайным. Они широко использовались, начиная с VIII в. до н. э., и связаны с культом змеи, почитаемой на Кавказе в качестве доброго духа с незапамятных времен. Зменоголовые браслеты имеют либо реалистические, либо стилизованные изображения. В урартских памятниках, например, так же как и в материалах более позднего периода (Атарбекян, IV в. до н. э.), можно видеть змеиные головы с большими выпуклыми глазами и широко раскрытым ртом, на стилизованных же изображениях детали головы передаются гравированными линиями или точками¹¹⁵.

Три простых браслета изготовлены из прямоугольной серебряной проволоки, концы их не сомкнуты, диаметр 6 см. Два других той же формы сделаны из серебряной проволоки круглого сечения. На следующей паре браслетов на одинаковом расстоянии друг от друга имеются 9 отверстий. Из этих отверстий могли свисать бусы или другие украшения.

Эти серебряные предметы мы назвали браслетами условно, так как будучи очень тонкими и маленькими, они могли быть использованы одновременно и как серьги. Их сурьмяные аналоги были обнаружены в Макарашине (VI в. до н. э.)¹¹⁶, Мухане (VII—
chronologie de l'Asie Occidentale, London, 1948, рис. 233—31, 236—15.

¹¹¹ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., табл. VII, рис. 1.

¹¹² Там же, табл. XIII, рис. 6.

¹¹³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 52, 1.

¹¹⁴ J. de Morgan, ук. соч., с. 123, рис. 102.

¹¹⁵ О зменоголовых браслетах см. А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, с. 81—82; С. А. Есаян, Бронзовые браслеты..., с. 89.

¹¹⁶ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, с. 388, табл. XXX, 22.

VI вв. до н. э.)¹¹⁷, в Земо-Авчалах (VI—IV вв. до н. э.)¹¹⁸ и Дманиси (VII—VI вв. до н. э.)¹¹⁹.

Кольца сделаны из круглой серебряной проволоки, диаметром 1 мм; они витые, имеют форму пружины, края их несомкнутые. Простые маленькие круглые колечки могли служить также и серьгами. В погребении № 4, в частности, обнаружены тонкие серебряные серьги в виде колец с несомкнутыми концами, на которые были надеты золотые треугольные украшения.

Среди инвентаря встречены также украшения в форме пуговиц: они изящные, круглые, сверху на пуговицах отчеканены точки; на них имеются отверстия для прикрепления их к одежде. Бусы имеют различные формы — цилиндрические, катушковидные, бочонкообразные, разделительные в виде тройных цилиндров. Любопытно, что все эти формы имеют дубликаты и в золоте.

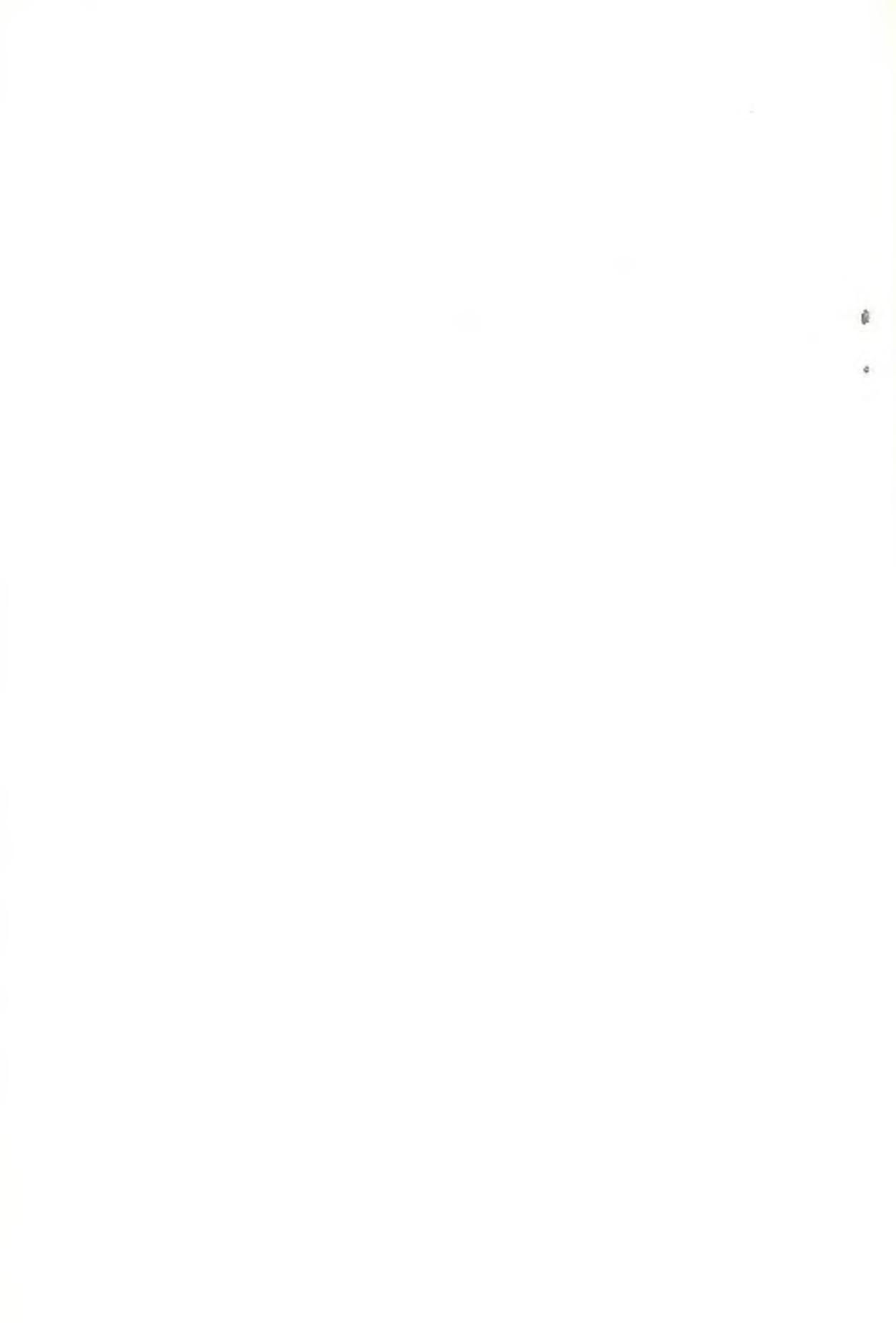
Золотые предметы, обнаруженные в погребениях № 2, 3, 4, выделяются своим изяществом и мастерством исполнения. Во второй и четвертой могилах найдены, в частности, золотые диадемы. Первая выполнена более тонко, вместе с тем украшения на обеих диадемах настолько одинаковы, что их можно считать работой одного мастера. Первая диадема сделана из сплава меди, золота и серебра. Содержание золота 25—32%¹²⁰. Длина ее 27,5 см, ширина 4,5 см, вес 18 г. Она из тонкой фольги, отрезанной не очень ровно, при помощи ножа, от большого листа золота. На краях ее мелкие частые отверстия для пришивания кожи или ткани. Параллельно отверстиям на диадеме густо расположены очень мелкие выпуклые точки. Вся поверхность диадемы (26,5 см в длину и 3,5 в ширину) декорирована изображениями семи хищных фантастических динамичных животных, выполненных методом давления с обратной стороны. У них длинные шеи, похожий на плеть высокий извивающийся над телом хвост, пасти раскрыты, конечности с мягкими лапами. Три изображенных слева животных имеют уши. После того как ювелир выдавил изображения животных, он с лицевой стороны посредством давки и чеканки изобразил некоторые детали и т. д. С правой стороны диадемы тем же способом выведена антропоморфная фигура, которая стоит перед животными. У нее гу-

¹¹⁷ А. О. Мнацаканян, Археологические раскопки на осушенной территории оз. Севан, СА, XXIII, 1955, с. 195, рис. 2, 3, 9.

¹¹⁸ Д. Л. Коридзе, Погребальный инвентарь одного каменного ящика из Земо-Авчала, ВГМГ, 1956, с. 318, рис. 2.

¹¹⁹ С. Н. Макалатия, Раскопки Дванского могильника, СА, 1949, XI.

¹²⁰ С. Г. Деведжан, Золотые и серебряные украшения погребения № 2 Лорн-Берда, ИФЖ, 1971, № 1, с. 271—272 (на арм. яз.).

стые волосы, шаровидно собранные на затылке, длинная и густая борода. Подобные прически и бороды часто можно встретить у богов на ассирийских барельефах и печатях (VII—VI вв. до н. э.)¹²¹. Тело фигуры овальной формы с удлиненной подвеской в центре. Глаза и рот подчеркнуты с лицевой стороны двумя тонкими линиями. Ноги слабо выражены (рис. 23а, б₁).

острый рог¹²³. Божественный символ в виде рога мы видим и на изображениях тех царей, которые считали себя богами. Такой убор украшает голову Александра Македонского на многочисленных монетах. Слегка выпуклый нижний край головного убора, затылочная часть и продолговатый наушник на фигуре диадемы напоминают ленту короны и наушник убранства первых царей Арташе-

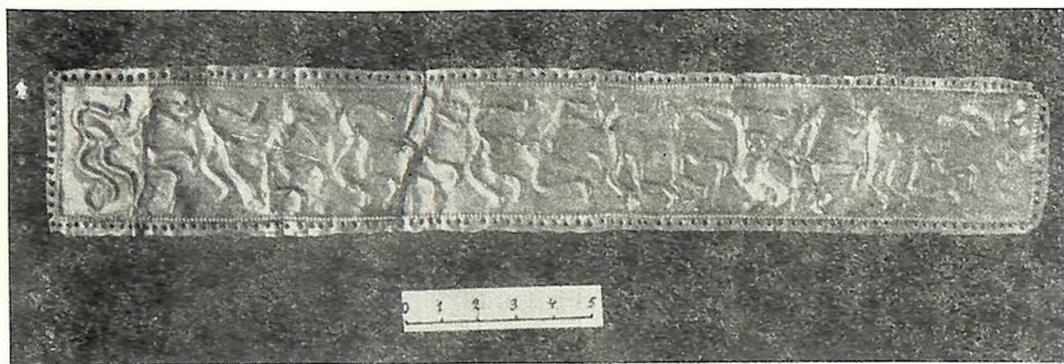

Рис. 23а.

Здесь следует упомянуть об обнаруженном в Луристане золотом накладном украшении с мифологическими изображениями (Лувр, АО 22139), чрезвычайно похожее по форме на нашу диадему, но немного более короткое.

Диадема из погребения № 4 весит 17,02 г. Края ее обрамлены беспорядочно проколотыми дырочками и двумя выпуклыми линиями. На ней выдавлены фигурки шести фантастических животных, аналогичных изображенным на предыдущей. Из-за недостатка места сельмая фигурка выдавлена не полностью. На правой стороне мы видим ту же антропоморфную фигуру, что и на диадеме из погребения № 2, с той лишь разницей, что у нее борода узкая и длинная, головной убор в виде шлема с забралом, а с макушки спускается высоко поставленный скрученный рог (рис. 24, 25).

Диадема была обнаружена в смятом состоянии, переплетенная с бронзовыми шейными гривнами, поэтому в некоторых местах изображения животных сохранились плохо. Любопытно, что головной убор антропоморфной фигуры напоминает вычеканенные на шлеме царя Сардури головные уборы крылатых богов с длинной затылочной частью; сбоку поднятый рог¹²², являющийся знаком духовной власти или символом божества. На головных уборах урартских богов можно видеть тот же

силдов. Таким образом, перед нами как бы предстает прототип короны с царской лентой и длинными наушниками, которую носил армянский царь, являясь одновременно и верховным жрецом и могучим представителем своей страны (Тигран Великий, I в. до н. э.).

Фигуры животных на диадеме в целом напоминают изображения на гравированных бронзовых поясах Закавказья, но в отличие от последних они выполнены давкой и чеканкой. Они передают динамику, движение; пасти животных раскрыты. Однако при наличии сходных черт с композициями на поясах фигурки на лори-бердской диадеме весьма своеобразны. В целом стиль изображений на диадеме близок раннему искусству Армянского нагорья, получившему отображение также и в наскальных рисунках Гегамских и Сюникских гор.

Новыми для искусства древней Армении являются не только диадемы, но и золотые серьги (4 экз.), две из которых подвешены за серебряные колечки с несомкнутыми концами¹²⁴. Они светло-желтого цвета и весят 6,44 и 6,62 г. Эти высокохудожественные изделия сделаны из тонких треугольно вырезанных золотых пластинок, на которых крепилась треугольно заканчивающиеся фигурки из золотой фольги, дополнительно украшенные парными рядами золотой зерни. В основании

¹²¹ Памятники мирового искусства, Искусство Древнего Востока, М., 1968, рис. 258а, 263г.

¹²² Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур, I, Ереван, 1950, рис. 40а.

¹²³ Там же, рис. 41; *его же*, Искусство Урарту, Л., 1962, рис. 20, 46.

¹²⁴ С. Г. Деведжян, Лори-Бердский могильник, СА, 1974, № 2, с. 188, рис. 14.

треугольной части закреплены две «глазницы», где очевидно помещались мелкие драгоценные камни. Между основными треугольными фигурами помещены выпуклые полусферы с зернью. Зернью местами украшена и остальная гладкая поверхность. На оборотной стороне серег имеется 11 таких же полусфер. Подвески с лицевой и оборотной стороны окаймлены прямыми и витыми золотыми нитями (рис. 26, 27, 1, 2).

украшения сплошь покрывают обращенные острием книзу и составленные из 6 зерен треугольные гроздевидные фигуры. На оборотной стороне гроздь составлены из трех зерен. Это украшения также окаймлено парой прямых и скрученных нитей (рис. 26, 27, 3). Очень похожие предметы из серебра и золота обнаружены в Самтавро¹²⁵ и Симгаре (VI в. до н. э.)¹²⁶.

На наш взгляд, вышеупомянутые ювелир-

Рис 24

Другое, похожее на эти, украшение (ломаное) меньше размером (вес 5,33 г.), но более массивное; оно также украшено треу-

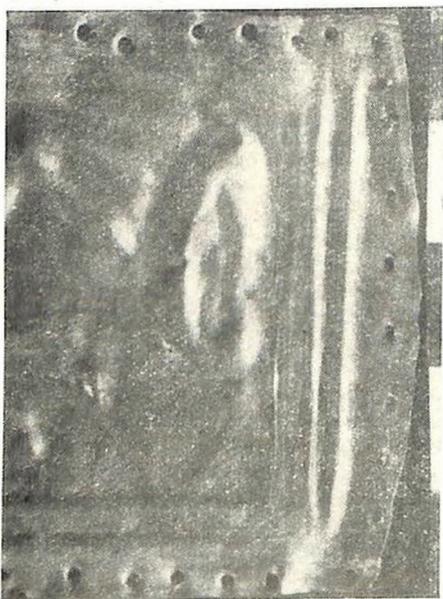

Рис. 25.

гольными фигурами и зернью. С оборотной стороны имеются все те же полусферы и зернь (рис. 26, 27, 6). Вес еще одного украшения—4,7 г. Золото того же качества. Одну сторону

ные изделия служили не только украшениями, но также являлись и культовыми предметами. Треугольные фигуры на них, обращенные вверх острыми концами, не имеют пока своих аналогий в знакомых нам археологических комплексах и значение их пока трудно определить. Однако нам кажется, что их можно уподобить тем древним переднеазиатским идолам, для которых характерны треугольные головы с концентрическими кругами вместо глаз и длинные шеи. Иногда они имеют по две, три и больше голов, расположенных рядом¹²⁷. Золотые нити, окаймляющие наши украшения, являются широко распространенным декором на предметах искусства эпохи поздней бронзы и раннего железа Закавказья. Нити наших украшений также мало чем отличаются от орнаментального пояса, окаймляющего золотую четырехугольную подвеску из Зенджирли (850 г. до н. э.)¹²⁸. В пользу распространенности этого стиля в ювелирном искусстве того времени свидетельствует и подковообразное золотое украшение, обнаруженное в 1937 г. в с. Нижний Аднаман. Оно це-

¹²⁵ Ю. М. Гогошидзе, Материалы к истории златокузнечества в Грузии (I пол. I тыс. до н. э.), ВГМГ, XXXII—13, Тбилиси, 1976, табл. V, рис. 32—34 (на груз. яз.).

¹²⁶ Т. К. Микеладзе, Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса), КСИА, 1977, с. 22, рис. 9.

¹²⁷ М. Vieyra, Hittite art, London, 1955, рис. 8.

¹²⁸ Там же, рис. 122.

сет на себе точно такие же припаянные крупные полушария и мелкую зернь в форме грозди.

Для изготовления разделительных бус (погребение № 2) два конца тонкой золотой пластины скручивали в одном направлении,

клады верхнего слоя Трон-2 (2300 г. до н. э.)¹³⁰, царские погребения Аладжа-Уюка той же эпохи, Тель Брак (2300—2100 гг. до н. э.), погребения Марн (XIV в. до н. э.)¹³¹, микенские шахтовые гробницы (XVI в. до н. э.)¹³².

В Армении такие бусы обнаружены пока

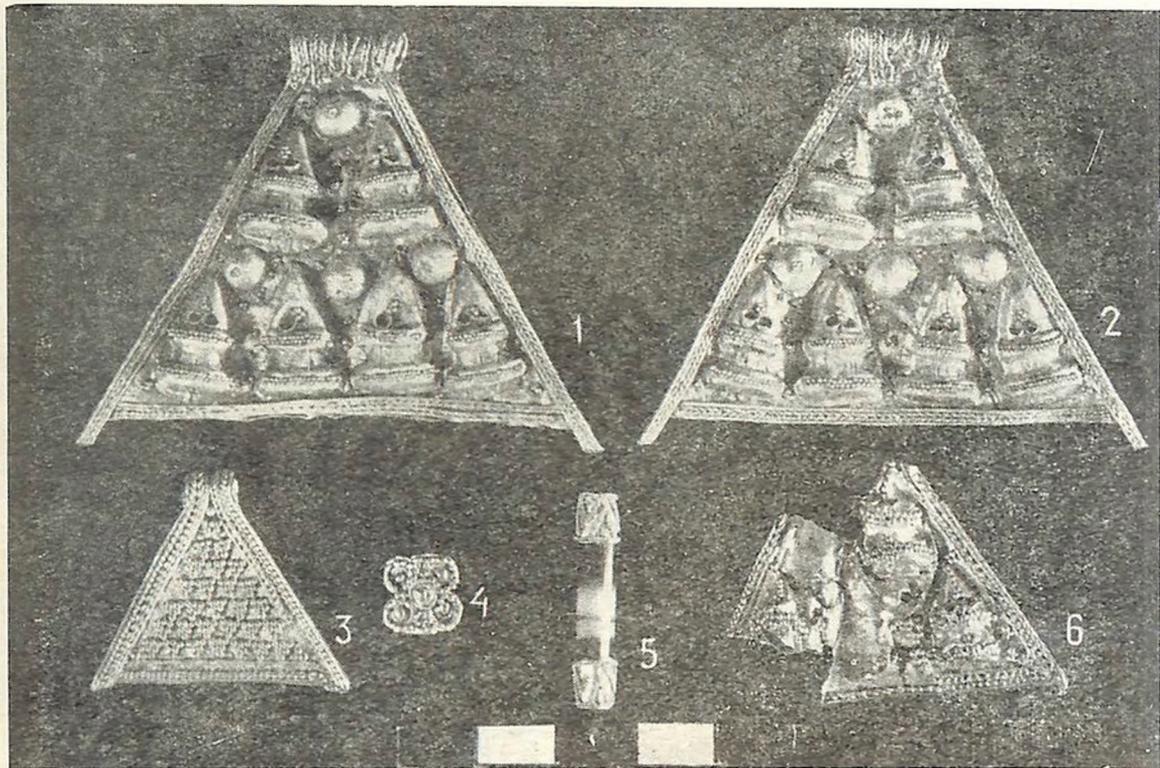

Рис. 26.

придавая ему форму трубки, а затем, складывая центральную часть в том же направлении и сжимая посередине, получали подряд три цилиндрика. Они светло-желтоватого цвета, каждая весит 300 мг и содержит 25—32% золота (рис. 28, 3, 4, 23б, 7, 8). В материалах погребения № 2 имеются также же серебряные бусы.

Изыществом, вкусом и мастерством изготовления выделяются золотые бусы. Одна из золотых бус четырехугольная, с разнообразным оформлением поверхностей (погребение № 3). Лицевая поверхность оформлена 4 нитевыми спиралями со стержневым цилиндриком посередине, другая (оборотная)—украшена зернью (рис. 26, 27, 4). Своей поверхностью, украшенной спиралью, эта бусина напоминает бусы из памятников, относящихся к разным периодам и расположенных на огромной территории (Филакопия III тыс. до н. э.)¹²⁹,

только в богатом погребении Лчашена, датированном XIV—XIII вв. до н. э.¹³³ Более поздними являются бусы из Хасанлу (IX—VIII вв. до н. э.)¹³⁴ и Нуши-Джана, южнее Амадана (VIII—VII вв. до н. э.)¹³⁵. Такие украшения есть также в Кефтинне (Малая Азия), в кавказской Верн. Целое ожерелье из подобных бус было найдено Бартоу-Брауном в Гей-Тепе Атриатакана (хранится в Тегеранском музее). Наконец, простые формы этих бус обнаружены в памятниках Кипра (1400—1200 гг. до

¹³⁰ G. Perrot, *Ch. Chipiez*, Histoire de l'art, t. VI, Paris, 1894, с. 959, рис. 521.

¹³¹ Г. Чайлд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, с. 115.

¹³² S. Piggott, Ancient Europe, Edinburgh, 1965, с. 124, рис. 65—3, 4.

¹³³ А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г., СА, 1957, № 2, с. 151, рис. II.

¹³⁴ Chirshman, ук. соч. с. 26, рис. 27.

¹³⁵ D. Stronach, Excavations at Tepe Nush-i Jan, 1967, Iran, 1969, vol. VII, с. I, табл. IXa.

¹²⁹ T. Burton-Brown, Third millenium diffusion, vol. I, Oxford, 1970, 164.

н. э.). Некоторые исследователи, изучая эти спиралевидные украшения, находят, что они восходят к периоду последней фазы Трои-2, т. е. ко времени не позднее 2300 г. до н. э.¹³⁶

Можно предполагать, что эти четыреххenni-

прототипы имеются в шумерских комплексах первой половины III тыс. до н. э. В лори-бердских могилах есть также смятые золотые цилиндрические, сферические и бочонкообразные бусы, изготовленные из тончайшей фольги

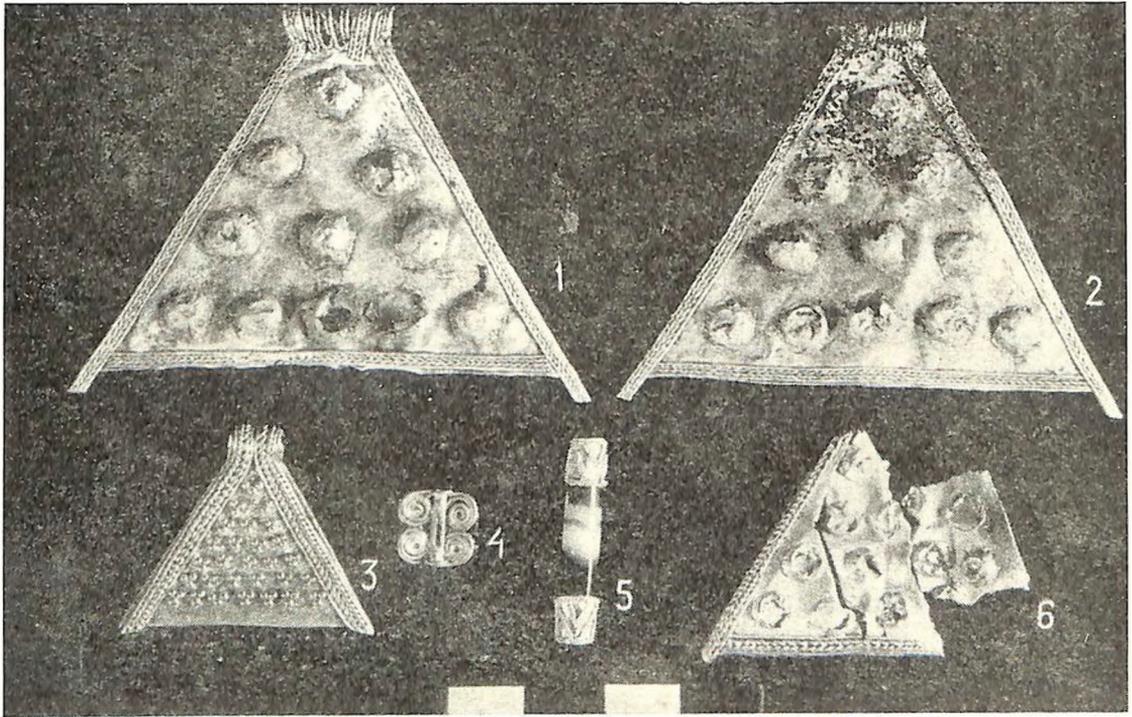

Рис. 27.

ральные украшения, выражали какую-то определенную идею—может быть вечность жизни или движение солнца¹³⁷. Этим мотивом украшались не только золотые бусы, но и оформлялись царские троны¹³⁸.

Бусина из цилиндрического агата длиной 2,7 см (погребение № 3) (рис. 26, 27, 5) обрамлена с обоих концов золотыми колпачками, украшенными зернью. Такое сочетание золота и агата, а также украшений зернью известно еще по материалам погребений эпохи средней бронзы (например, VIII курган Триалети)¹³⁹. Б. А. Куфтин находит, что их

¹³⁶ G. A. Wainwright, *Kestin and Karamania (Asia Minor) AS*, 1954, vol. IV, с. 1, с. 36—37, рис. 3.

¹³⁷ А. А. Мартиросян, *Первобытные иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники*, Ереван, 1973, с. 27—29 (на арм. яз.).

¹³⁸ R. Barnett, W. Forman, ук. соч., рис. 28; E. Akurgal, ук. соч., табл. 131.

¹³⁹ Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, с. 93, рис. 97; H. Frankfort, *The Art and Architecture of the ancient Orient*, London, 1954, табл. 68 (B).

(табл. XXV, 6). Они имеют свои аналоги в материалах Кировакана, Агарбеяна и в комплексах Лчашена, датированных более ранним периодом.

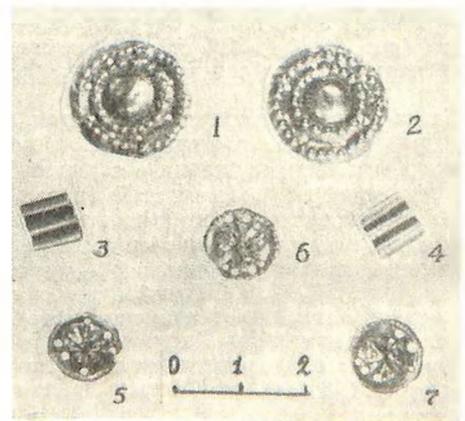

Рис. 28.

В погребении № 2 были найдены круглые украшения в виде пуговиц (рис. 28, 1, 2; 23б, 2, 3). Они содержат до 50% золота и весят около 500 мг, декорированы двойными концентрическими нунонными линиями, а в желобке между ними сделаны маленькие отверстия, видимо, для пришиваия их к ткани или коже. В центре отчеканен небольшой бугорок, диаметром в 6 мм. Другие пуговицы-украшения (3 экз.; рис. 28, 5—7; 23б, 4—6) более мелких размеров; в выпуклой центральной части они имеют чеканный тонкий узор в виде розеток, а с двух сторон—отверстия для пришиваия: каждая из них весом около 300 мг и содержит до 50% золота. Эти украшения пока не имеют аналогий в древних памятниках Закавказья.

Их можно видеть в числе золотых украшений, обнаруженных в ассирийском погребении XIII в. до н. э. в Мари и Дайламане (850—800 гг. до н. э., сев.-зап. Иран)¹⁴⁰.

Зменоголовый браслет из погребения № 4 изготовлен из толстого золотого прута круглого сечения. Его вес 44,19 г. Стилизованные остроконечные головки змей направлены друг к другу (рис. 29). Детали (рот, брови, глаза) выработаны с помощью гравировки. На корпусе тем же способом передана кожа. Браслеты этого типа имели распространение начиная с VIII в. до н. э. Ближайшей аналогией этого браслета является браслет из клада Зивие (VII в. до н. э.)¹⁴¹.

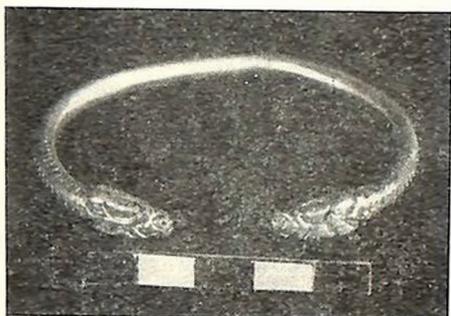

Рис. 29.

Каменные бусы были обнаружены в большом количестве в погребениях № 2—4 (табл. XXVI). Они сделаны из сердолика, яшмы и агата. В позднем захоронении могилы № 2 рядом со скелетом и на костях грудной клетки были обнаружены 54 продолговатые и бочон-

кообразные агатовые бусы (табл. XXVI, 1). Они совершенны гармоничностью цветов и мастерством исполнения, хорошо отгранены и отшлифованы. Агатовые бусы имеют светло- и темно-коричневые оттенки и молочного цвета прожилки. В погребении № 4 также были обнаружены две великолепные агатовые бусины—цилиндрическая и эллипсоидная. Не менее красивы также красные и желтые шестигранные мидалевидные сердоликовые бусы, обнаруженные в погребениях № 2 и 4. Они хорошо отшлифованы и отполированы, имеют длину 3—4 см. Такие же бусы, найдены в многочисленных памятниках Армении. Так большие агатовые и сердоликовые мидалевидные бусы часто встречаются в могилах поздней бронзы и раннего железа в Ворнаке, Хртаноце¹⁴², в Техуте, Гехароте, Тазакенде¹⁴³, Кармир-Блауре¹⁴⁴ и в других местах.

Также замечательны бусы-разделители с 5—7 отверстиями (табл. XXVI, 1), изготовленные из желтого и красноватого прозрачного сердолика. Они прямоугольные, четырехгранные. Большая часть их обнаружена в погребении № 2, два—в погребении № 4 и одна—в погребении № 6, в верхних слоях.

Особенно эффектно целое ожерелье из больших темно-красных сферических сердоликовых блестящих и великолепно отшлифованных бус из погребения № 4 (табл. XXVI, 4). Такие бусы встречены в погребениях эпохи раннего железа, аналогии их известны из Хртаноца¹⁴⁵ и Кармир-Блаура¹⁴⁶.

Сердоликовые бусы из погребения № 3 немногочисленны и имеют разные формы: сферические, цилиндрические, биконические. На одной розовой сферической бусинке сделаны вертикальные выемки, какие мы видели на пастовых бусах (табл. XXV, 7). Интересен розовый сердоликовый «жук», на круглой спине которого выгравированы концентрические кружочки (табл. XXV, 3). Они обычно встречаются в памятниках, датированных VII—V вв. до н. э.

Особенно интересны обнаруженные в погребении № 2 остроконечные колчкообразные сердоликовые бусы—самые изящные из всех каменных бус (табл. XXVI, 2). Они хорошо отшлифованы и отполированы, длина их

¹⁴² А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. VIII, рис. 3, табл. XIV, рис. 1—3.

¹⁴³ Каталог археологических предметов Музея истории Еревана, II, 1967, сост. С. А. Есяян, табл. XV, рис. 30, 36.

¹⁴⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блаур, III, 1955, Ереван, с. 48—50.

¹⁴⁵ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. VIII, рис. 3; табл. XIV, рис. 1—3.

¹⁴⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блаур, III, с. 50, табл. II—2.

¹⁴⁰ E. Terrace, Some recent finds from Northwest Persia, Syria, Tome XXXIX, Paris, 1962, с. 213, рис. 3; с. 221, рис. 12.

¹⁴¹ R. Chirshman, Iran, Munchen, 1964, с. 113, рис. 148.

1 см. До последнего времени бусы эти не имели аналогий в памятниках Армении, однако последние раскопки ошаканских погребений (середина I тыс. до н. э.) выявили эти украшения, хотя изяществом последние уступают образцам Лори-Берда¹⁴⁷. Такие же бусы были обнаружены и в погребениях Самтавро, датированных серединой I тыс. до н. э.

Другим вариантом сердоликовых бус являются блестящие многогранные бусы, просверленные с обеих сторон. Аналогий им не известны. Довольно красивы также обнаруженные в погребениях № 2 и 4 бусы из красного и желтого сердолика, по форме похожие на слезинку; отверстия в них проделаны в узкой верхней части. Длина этих бус колеблется в пределах 1 см—6—9 мм (табл. XXVI, 3).

Стеклянные бусы были выявлены в небольшом количестве в погребениях № 2 и 4. Это продолговатые, сферические бусы, изготовленные из сине-зеленого, синего и желтого прозрачного стекла. Среди них была найдена одна четырехугольная из голубого стекла с круглым отверстием, а также бикошечные из светло-желтого стекла (табл. XXVII, 3). Аналогий их известны в том же Ошакане и в районе Цалки¹⁴⁸.

В погребении № 2 были обнаружены многочисленные подвески или талисманы из голубой и белой пасты (табл. XXVII, 1). Среди них имеются голубые конические украшения, большая часть которых несет на себе гравированный слочный орнамент (табл. XXVII, 2). Такие подвески часто встречаются в памятниках железного века Закавказья, в районе Цалки они обычно декорированы кольцевым углубленным орнаментом¹⁴⁹. Из той же пасты изготовлена треугольная плоская подвеска широко распространённого типа; такие подвески встречаются в многочисленных памятниках, в том числе в Хртаноце¹⁵⁰.

Особенно интересны подвески и бусы из белой тальковой пасты; с первого взгляда кажется, что они сделаны из слоновой кости. Одна из этих подвесок кругло-выпуклой формы имеет высоту 6 мм и диаметр—3,5 см. Поверхность ее украшена девятинадцатью ямками, вокруг которых расположены углубленные окружности.

Из белой тальковой пасты сделаны также треугольные плоские украшения с зубчатой парезкой, имеющие параллели в материалах

Хртаноца и Головино¹⁵¹. Сходные украшения обнаружены также в Вери (Ленкорань) и Гисарлык¹⁵².

Наконец, в Лори-Берде встречены бусы так называемого типа «домино» и плоская бусинка с вертикальными и горизонтальными отверстиями, которые имеют аналогию, в частности, в Триалети¹⁵³. Бусы «домино» обнаружены также в погребении № 8 Хртаноца¹⁵⁴, вместе с белыми и голубыми пастовыми бусами, в погребении урартского периода с. Куци¹⁵⁵, погребении с. Лор (Сисианский район)¹⁵⁶. Подобные бусы из черного камня имели применение вплоть до сасанидского периода и найдены, в частности, в Автаван-Тепе¹⁵⁷. Вообще, бусы типа «домино» очень характерны для памятников эпохи широкого освоения железа и могут быть использованы как датировочный элемент. Украшения на них напоминают человеческий глаз (в Триалети они обычно парные), что делает возможным предположить, что они служили для защиты от дурного глаза.

Из белой мелообразной пасты изготовлены продолговатые, сферические и цилиндрические бусы, часть из которых выкрашена в синий и голубой цвета. Аналогий некоторых из них известны в Триалети¹⁵⁸. В Триалети встречены также голубые бочонкообразные бусы, декорированные вертикальными и горизонтальными бороздчатыми линиями, трехчастные голубые бусы-разделители, а также светло-голубая бусинка, украшенная зернью¹⁵⁹. Необходимо отметить обилие голубого, белого, красного и черного бисера из лори-бердского погребения № 2, обычных для памятников поздней бронзы и раннего железа (Гехарот, Хртаноц, Триалети и др.).

Среди многочисленных бус Лори-Берда особенно интересны янтарные (погребения № 2 и 4). Они в подавляющем большинстве имеют геометрические формы и почти не повторяют друг друга. Имеются также бусы-разделители; у них три поперечных и одно про-

¹⁵¹ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, табл. VIII, рис. 4.

¹⁵² J. de Morgan, Mission scientifique en Perse, с. 93—95, рис. 95—96.

¹⁵³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XXXII, XXI.

¹⁵⁴ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, с. 84.

¹⁵⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, табл. IV, 4.

¹⁵⁶ М. С. Асратян, Погребение с. Лор, Изв. АН АрмССР, 1952, № 1, с. 103.

¹⁵⁷ Ch. Burney, Excavations at Haftavan Tepе 1968, Iran, vol. VIII, 1970, pl. VIII с.

¹⁵⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г., табл. XXI.

¹⁵⁹ Там же, табл. XXI и XXXIII.

¹⁴⁷ Раскопки Ошакана производит отряд Института археологии АН АрмССР под руководством С. А. Есаяна и А. А. Калантаряна.

¹⁴⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, табл. XXXIII.

¹⁴⁹ Там же, с. 54, рис. 51, 6, табл. XXXIII.

¹⁵⁰ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, табл. XIII, 38.

дольное отверстие. В погребении № 2 было найдено около 150 таких бус. В погребении № 4 они имели более крупные размеры (табл. XXVII, 4).

Янтарь вообще очень редко встречается в памятниках Закавказья. Здесь известны лишь единичные экземпляры. Так, янтарная бусина, очень сходная с лори-бердскими, была обнаружена при раскопках Кармир-Блур¹⁶⁰. Другая, также четырехугольной формы, найдена в одном из каменных ящиков Карабах¹⁶¹. Янтарные бусинки известны также из могил Ошакана, Аргштихили¹⁶², Самтавро, Лчашена.

Вопрос о происхождении янтаря в Закавказье пока остается открытым. Возможно, что янтарные предметы проникали сюда из восточноевропейских стран, поскольку обмен янтаря в этих районах начинается со II тыс. до н. э. в связи с производством бронзы¹⁶³. В таком случае можно предположить, что Ташир-Дзорает являлся в древности областью оживленных обменных связей, распространяющей в соседние районы предметы импорта и вызволившей свою собственную металлургическую продукцию. Вероятно, янтарь в древнем мире имел интенсивный оборот, так как янтарные бусы, скорее всего привезенные с севера, были обнаружены, в частности, в шахтовых погребениях Минкен¹⁶⁴. Очень любопытно в этом плане янтарная статуэтка Ашшурнасирпала, найденная в Ассирии¹⁶⁵.

Керамика. Керамика, обнаруженная в лори-бердских погребениях эпохи широкого освоения железа, имеет все особенности, характерные для посуды Закавказья этого времени. Она черная, матовая и украшена слабыми желобками или выпуклым орнаментом. Среди керамики есть роскошные культовые сосуды, а также простые кухонные лишненные декора горшки. Особенно многочисленны кувшины с одной ручкой и различные кубки.

В погребениях № 2 и 4 были обнаружены 11 черных одноручных матовых кувшинов; круглые или овальные в сечении ручки начинаются от венчика и опираются на плечо сосуда. Некоторые из них в центральной части имеют выступы или украшены в верхней части ступенчатым или ромбовидным штампованным орнаментом. На ручке одного из сосудов (погребение № 4) изображена выступающая челюсть барана с наклепными глазами и рогами. Три кувшина имеют шаровидный корпус, узкое горло, завершающееся вогнутым

наружу венчиком. Плечики сосудов, так же как кувшинов с низким туловом, декорированы слабо выраженными пучками волн, горизонтальными линиями, сетчатым узором. На одном из таких сосудов изображено древо жизни, как и на синих конических подвесках, обнаруженных в том же погребении. Другой шаровидный кувшин несет шестнадцать бороздчатых поясов на плече (табл. XXVIII, 1, 2).

Среди культовой керамики выделяется большой толстостенный кувшин с шаровидным корпусом и чашеобразной выемкой под венчиком, глубиной 3 см (погребение № 2). Выемка имеет отверстие диаметром 3,5 см. Кувшин снабжен также носиком для возливания «священной воды». На плечиках кувшина с обеих сторон имеются по 3 скульптурных изображения животных, расставленных с одной стороны симметрично, а с другой—асимметрично. В центре симметричной стороны, вертикально, головой кверху—животное с четко выраженными ушами, челюстью и хвостом. На туловище пересекающимися глубокими черточками изображена шерсть животного, по-видимому, собаки. Выше нес, горизонтально стоят два сходных смотрящих друг на друга животных с острыми мордами, без ушей. На месте глаз две глубокие, доходящие до морды борозды. Они более стилизованы, в общем напоминают крота или пресмыкающееся (табл. XXVIII, 1; рис. 30).

Рис. 30.

¹⁶⁰ Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур, с. 52, рис. 39, 9

¹⁶¹ ОАК за 1897 г., с. 153.

¹⁶² Бусинка не опубликована.

¹⁶³ БСЭ, т. 49, 2-е изд., с. 571.

¹⁶⁴ Г. Чайлд, У истоков..., с. 115.

¹⁶⁵ Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, с. 256—257.

VII—VI вв. до н. э., однако фигурки животных позволяют установить, чтогончары эпохи широкого освоения железа следовали древним культовым традициям. По всей вероятности, во время обряда захоронения или жертвоприношения из этого кувшина струилась священная жидкость. Фигурка «собаки» на нем похожа на фигурки животных, изображенных на кувшине из ворнакского погребения. Вспомним также фигурку животного на саанском горшке (начало I тыс. до н. э.)¹⁶⁶. Животные типа пресмыкающихся паноминуют зооморфные ручки сосудов эпохи бронзы, обнаруженных в Тбилиси¹⁶⁷. Если орнамент на вышеописанных кувшинах наносился в эпоху поздней бронзы лощением, то здесь он выражен слабой бороздой. Маленькие выступы на ручках и глубокие желобки, заполненные ступенчатым и другим геометрическим орнаментом, характерны для керамики памятников эпохи широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.). Декор на них не случаен—здесь изображены пучки лучей солнца, древо жизни, вертикальные зигзагообразные струйки, символизирующие струящуюся воду, молнию и треугольники, изображающие горы и пр.¹⁶⁸. С этой точки зрения достоин внимания кувшин с головкой овна на ручке. Эта головка и символ неба и текущей воды, изображенные на кувшине, воплощают созвездие¹⁶⁹.

Эти кувшины своей формой и орнаментом напоминают керамику, обнаруженную в Хртаноце¹⁷⁰ и Дилижане¹⁷¹. Кувшины с треугольными вырезами известны также из погребений Ахталы¹⁷². По орнаментальному убранству некоторые лори-бердские кувшины приближаются к сосудам из могильников Сафар-Харабы¹⁷³ и Астхи-Блур, датирующихся серединой I тыс. до н. э.¹⁷⁴. Кувшины с шаровидным корпусом и множеством бороздчатых

поясков встречаются в Кировакане¹⁷⁵, Хртаноце¹⁷⁶, бассейне оз. Севан и в памятниках других районов, относящихся к той же эпохе.

Миски из лори-бердских погребений № 2 и 4 имеют черную матовую поверхность. Две из них—большая и маленькая с вогнутыми вовнутрь стенами не орнаментированы. Три миски с подчекнутыми венчиками имеют бороздчатый пояс. Некоторые миски снабжены маленьким выступом, чем напоминают миски из Хртаноца¹⁷⁷ (табл. XXVIII, 3, 4).

Кубки, встречающиеся во всех трех погребениях, также черные и матовые, иногда с буроватым оттенком. Среди них встречаются кубки с большими ручками, сделанные из грубой глины и служившие в качестве кухонной посуды. Формы их варьируют; на корпусе, как правило, орнамент в виде бороздок (табл. XXIX, 2, 4, 6, 15).

В погребениях № 2 и 3 были найдены кубки, которые вернее было бы назвать кувшинчиками. Кубок из погребения № 2 черный, матовый, очень тонкий и тщательно отделан. Корпус—бикошеский, днище подчеркнуто, горло высокое, венчик выгнут паружу; от венчика спускается высоко расположенная ручка, а на плечиках имеются 3 выступа с маленькими горизонтальными отверстиями; в верхней части ручки и на плечиках имеются выдолбленные иглычатый штампом вертикальные полоски (табл. XXIX, 7, 10, 12).

Аналогичные маленькие кувшинчики, но без украшений были обнаружены в Армении в погребениях Азатавана и Астхи-Блур (середина I тыс. до н. э.)¹⁷⁸.

Одноручный кувшинчик из погребения № 3 имеет черную лощеную поверхность, на которой лощением же выполнен орнамент. Еще один кувшинчик из того же погребения отличается от других бикошеским корпусом. Эти кувшинчики формой корпуса и строением ручек напоминают крупные кувшины, обнаруженные в тех же погребениях.

Среди кубков встречаются сосуды без ручек, с выступами вместо них. Эти кубки в своем большинстве происходят из погребения № 2, в остальных же двух могилках обнаружено лишь по одному экземпляру. Формы их разнообразны (табл. XXIX, 1, 3, 6, 11, 14). У одного сосуда широкий, расширяющийся кверху корпус, венчик хорошо выражен. Другой—имеет узкое горло, отогнутый венчик и бико-

¹⁶⁶ А. О. Мнацаканян, Следы солнцеклоничества в древней Армении..., с. 73, рис. 2.

¹⁶⁷ Д. Л. Коридзе, Позднебронзовые археологические памятники из Тбилиси (Навтлуги), ВГМГ, XVIII, Б, 1954, Тбилиси, табл. III, рис. 4, 6.

¹⁶⁸ А. Р. Исраелян, Культ и верования в Армении в эпоху поздней бронзы, Ереван, 1973 (на арм. яз.).

¹⁶⁹ А. А. Мартirosян, Первобытные петроглифы Армении и их урарто-армяские двойники, Ереван, 1973, с. 30—34 (на арм. яз.).

¹⁷⁰ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. XI, рис. 5—8, табл. XIII, рис. 14—15, 23—24; *его же*, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXVIII, рис. 1—5.

¹⁷¹ Каталог Дилижанского краеведческого музея, табл. XXXVIII—2, XLI—2, XLII—2.

¹⁷² J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, рис. 9, 47 и т. д.

¹⁷³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г..., табл. XVIII.

¹⁷⁴ С. А. Есаян, Астхи-блурский могильник..., табл. XI, рис. 5—8.

¹⁷⁵ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы..., табл. XXII, 7.

¹⁷⁶ А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, табл. XIII, рис. 24.

¹⁷⁷ Там же, табл. XI, I.

¹⁷⁸ С. А. Есаян, Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина, СА, 1965, № 3, рис. 2, 15—18; *его же*, Астхи-блурский могильник, ВОН, 1968, № 6, с. 91, табл. V, 6.

нический корпус; в широкой части корпуса с двух сторон сделаны выступы, в которых проделаны отверстия; в промежутках же между ними имеются налепы в виде бляшек. Из того же погребения происходит черный матовый кубок с биконическим корпусом, узким горлом, отогнутым наружу венчиком и четырьмя выступами, в которых проделаны вертикальные отверстия.

Кубок из погребения № 3 имеет широкий корпус, прямое горло; плечики его украшены бороздчатыми поясками и двумя маленькими выступами с отверстиями. Кубок из погребения № 4 имеет круглый корпус, украшенный в широкой части четырьмя наленными бляшками.

Различные варианты кубков являются характерным атрибутом намятников эпохи раннего железа Закавказья. Так, черный с выступами и отверстиями кубок был обнаружен в погребении Техута, маленькие биконические кубки найдены в могилах Муснери¹⁷⁹ и Макарашена¹⁸⁰, биконический сосуд с двумя выступами и отверстиями в них находит аналогию в Джрарате¹⁸¹. Общей конфигурацией корпуса и формой ручек лори-бердские кубки напоминают сосуд, обнаруженный южнее Кировабада¹⁸². Наконец, в Арин-Берде найден красноангобированный кубок, очень близкий маленькому биконическому кубку из погребения № 2.

В погребениях № 2 и 3 найдены также горшки; все они кухонные—грубые, черного и бурого цвета, матовые. У одного горшка прямое горло, подчеркнутый венчик и высокий корпус, у других венчик отогнут наружу. Такая кухонная керамика была обнаружена в многочисленных намятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа, похожие горшки найдены в Хапларе¹⁸³.

Единственный горшочек погребения № 3 изготовлен тщательнее остальных; он бурого цвета, матовый, горло прямое, в широкой части корпуса украшен поясом косых каннелюр (табл. XXIX, 13).

В погребениях № 2 и 4 были обнаружены маленькие керамические сосудики, напоминающие половники. Половник из погребения № 2 похож на круглую чашечку; он матовый, черного цвета, венчик наклонен внутрь; от венчика берет начало круглый изгибающийся выступ с остроконечным окончанием, напоминающий голову птицы (табл. XXIX, 9). По-

добная чашечка с прямым венчиком была обнаружена Морганом в Муснери¹⁸¹. Другой половничек из погребения № 4 горнично-коричневого цвета, матовый, с горизонтальной трапециевидной ручкой, в центре которой сделано вертикальное отверстие (табл. XXIX, 16). Многочисленные образцы таких половников с кольцеобразной ручкой были обнаружены в крепости Эребуни и в открытом в Ереване урартском погребении (VIII в. до н. э.)¹⁸⁵.

Сосуд в форме чайника из погребения № 4 черный, матовый, вылепленный тонко и тщательно. Корпус биконической формы имеет торчащий широкий носик, над которым наделены витые рога, делающие последний похожим на голову овцы. Горизонтальная ручка на противоположной стороне придает сосуду зооморфный вид (рис. 31).

Этот сосуд своей формой приближается к сосуду с одной ручкой (IV в. до н. э.), обнаруженному в кромлехе № 1 Атарбекиана¹⁸⁶, а носиком, стилизованным под голову овцы, к многочисленным овцеобразным носикам, происходящим из второго слоя Кара-Тене (Муган-Карабахская низменность, V—I вв. до н. э.)¹⁸⁷.

Рис. 31.

В погребении № 2 рядом с половником и маленьким тонким кубком обнаружен урартский флакон; флакон ангобирован светлокрасным цветом. Он имеет продолговатую форму; горлышко узкое, невысокое, венчик тонкий, выгнут наружу, плечики широкие, днище узкое, почти остроконечное. Высота флакона—14 см, диаметр горлышка—3 см, диаметр днища—1 см (табл. XXIX, 5; рис. 32).

¹⁷⁹ J. de Morgan, ук. соч., рис. 157, 3, 158.

¹⁸³ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 205, рис. 79а—6.

¹⁸¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, ИзвАН 1961, № 8, с. 75, табл. 3.

¹⁸² Я. И. Гуммель, ук. соч., с. 146, рис. 1, № 5.

¹⁸³ Я. И. Гуммель, ук. соч., с. 33, фиг. 13; рис. VI—2, VII—2.

¹⁸⁴ J. de Morgan, ук. соч., рис. 159.

¹⁸⁵ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., с. 240, табл. XXIII, 9, 10.

¹⁸⁶ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у сел. Атарбекиан в АрмССР, КСИИМК.

¹⁸⁷ О. Ш. Исми-заде, Итоги археологического исследования поселения на холме Кара-Тене, Арх. исследования в Азербайджане (Сборник статей), Баку, 1965, с. 85, табл. 11.

Такие флаконы известны по находкам в Кармир-Бауре (VII—VI вв. до н. э.), крепости Эребуни и городе Аргиштхинили¹⁸⁸.

* * *

Итак, материалы, полученные в результате раскопок в Лори-Берде, позволяют осветить некоторые стороны развития материальной культуры населения, жившего в Ташир-Дзорагете в эпоху широкого освоения железа. Они вводят в научный оборот новые уникальные факты, серьезно дополняющие данные, имевшиеся ранее в распоряжении исследователей.

Железные предметы из этих погребений, большое количество бронзовых украшений, а также серебряные и золотые изящные произведения искусства свидетельствуют о высоком уровне производства и обработки металла в изучаемой области в VII—VI вв. до н. э. В этой связи вызывает некоторое удивление, что древние письменные источники, в том числе

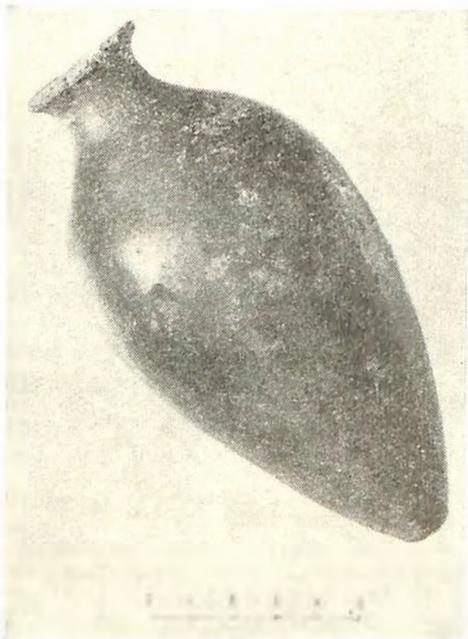

Рис. 32.

ассирийские и урартские, упоминают о рудных и металлургических богатствах только западной и южной частей Армянского нагорья, в то время как ее восточные области, расположенные севернее оз. Урмия, а также долины Аракса и Куры, очень богаты месторождениями, использовавшимися уже с эпохи неолита (V—IV тыс. до н. э.). Это молчание источников, особенно в пору расцвета в Закавказье

производства меди и железа. А. А. Нессен объясняет тем, что богатые рудные области Закавказья оставались вне пределов Ванского царства, а районы оз. Урмия и верхнего течения Тигра на западе были более значительными центрами металлургии и входили в состав Урарту¹⁸⁹.

Основываясь на сведениях ассирийских источников, а также на мнении Б. Б. Пиотровского по поводу того, что интенсивное развитие коневодства происходило в горных, богатых рудными залежами, районах Закавказья, И. Б. Яковская приходит к заключению относительно близкой локализации (в пределах Урарту) металлургических и скотоводческих районов. Согласно ассирийским летописям, центры коневодства, в частности, располагались в горных областях северной Месопотамии¹⁹⁰.

На древние традиции развития коневодства в Лори-Берде указывают обнаруженные в погребениях среднебронзового этапа лошадиные черепа и конечности, в то время как в синхронных погребениях других районов (Трехк, Кировакан, Лчашен) встречаются скелеты волов. В могилах же поздней бронзы и особенно широкого освоения железа, как правило, выявляются полные скелеты лошадей с железными удилами, а не отдельные их части. Инвентарь погребальных памятников Лори-Берда этого времени напоминает материалы из Хртапоца и Лалвара. Он одновременно перекликается с несколько более поздними комплексами Джрарата, Кара-Тепе, Атарбеяна, которые тяготеют уже к середине I тыс. до н. э.

Обнаружение урартского флакона в этих погребениях вполне закономерно. Оно свидетельствует об имевшихся связях местного населения с урартами. Северные походы урартских царей, начатые еще при царе Менуа, продолжались и при его сыне Аргишти I, который, согласно Хорхорской летописи, в 785—784 гг. до н. э. дошел до страны Забахан (Джавакх) и захватил ее. В числе других стран Аргишти I завоевал также Эрнахи (Ширак), а во время походов 782 г.—северо-западный берег оз. Севан, страны Иштикуни и Ликну¹⁹¹. Таким образом, уже в начале VIII в. до н. э. Ташир-Дзорагет был окружен поясом урартского влияния.

Победы урартов не были очень устойчивыми, и Сардури II вынужден был закрепить их своими новыми походами. Все это привело

¹⁸⁸ А. А. Нессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди..., с. 193—195.

¹⁸⁹ И. Б. Яковская, Некоторые вопросы экономики ассирийской державы, ВДИ, № 1, 1956, с. 37—38.

¹⁹¹ И. В. Арутюнян, Хорхорская летопись Аргишти I, ЭВ, 1953, VII, с. 84—85; История армянского народа, т. I. Ереван, 1971, с. 304.

¹⁸⁸ А. Л. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы, с. 267, рис. 102—5.

к тому, что, начиная с VIII в. до н. э., отношения населения Ташир-Дзорагета с урартами становятся более устойчивыми. Это выразилось в оживленных обменных связях, а также в появлении некоторых общих элементов в материнской культуре.

Если материнская культура Ташир-Дзорагета в I половине II тыс. до н. э. носит элементы малоазийского и эгейского воздействия, то во II половине II тыс. до н. э. и особенно в I половине I тыс. до н. э. заметны взаимоотношения со странами юга и юго-востока, вплоть до Луристана и юго-западного побережья Каспийского моря.

Обнаруженные в Лори-Берде золотые украшения являются пока уникальными образцами ювелирного искусства северной Армении VII—VI вв. до н. э., на которых явно заметно влияние искусства Передней Азии, особенно Урарту и Ассирии (диадемы, подвески-серьги). О тесных отношениях местных племен с населением древних цивилизаций свидетельствуют также многочисленные янтарные бусы и золотая спиралевидная бусинка.

Обилие культовых предметов и украшений—характерная черта рассмотренных погребений. В них одновременно наблюдается почти полное отсутствие оружия и орудий труда. Наличие на керамике различных символических знаков, зооморфных и рогообразных фигурок, обилие змееголовых браслетов из бронзы, серебра и золота, золотые идолоподобные подвески, диадемы с зооморфными и антропоморфными изображениями, захоронения лошадей и кремация покойников—все это позволяет предположить, что лори-бердские погребения принадлежали людям, связанным с религией, вероятно, жрецам, занимавшим высокое социальное и экономическое положение в обществе. Вообще в могильнике Лори-Берда, начиная с эпохи средней бронзы, традиционно производились захоронения представителей гражданской и духовной знати: вождей, жрецов и их сородичей; поэтому каждое захоронение несет на себе свои специфические особенности.

С точки зрения обряда погребения привлекает внимание то обстоятельство, что даже самое богатое захоронение эпохи раннего железа было произведено в неглубокой и небольшой по величине камере, в то время как могилы эпохи средней и поздней бронзы выделялись своими огромными камерами со сложной архитектурой. Интересный обряд захоронения зафиксирован в погребении № 4. В нем под скоплением бронзовых браслетов были обнаружены лишь человеческие зубы. Б. А. Куфтин в каменных ящиках раннеахеменидского периода (село Куши) также обнаружил вместо скелета плохо сохранившиеся зубы, принадлежавшие молодой и пожилой женщинам. В этих погребениях, как и в лори-

бердских (№ 2 и 4), были найдены серебряные браслеты круглого и прямоугольного сечения, стеклянные полосатые бусы, которые автор считает египетскими или сирийскими¹⁹².

На фоне приведенного сравнительного материала рассмотренные поздние погребения Лори-Берда можно датировать VII—VI вв. н. э., а может быть и началом V в., что соответствует времени падения урартского государства и окончательного формирования армянского этноса. Поэтому их можно считать уже памятниками раннеармянской культуры.

В Лори-Берде открыт важный и интересный комплекс памятников материнской и духовной культуры первобытной Армении. В настоящем издании публикуются уникальные памятники, анализ которых позволяет выявить ряд существенных черт, присущих многим синхронным комплексам Армянского нагорья эпохи поздней первобытности. Эти находки отражают высокий уровень культурного и социального развития племен древней Армении, обнаруживают единство культурно-исторического процесса на протяжении II и первой половины I тыс. до н. э.

Особый интерес представляют материалы поселения и могильника Лори-Берда среднего бронзового века, т. е. периода, который в целом для территории Армении изучен еще недостаточно. Эти находки показывают, что триалетско-кировкаканская культура была равномерно распространена по всему Ташир-Дзорагету.

Основополагающую роль в археологической коллекции Лори-Берда играют памятники позднего бронзового века. Они позволяют утверждать, что Лори наряду с такими центрами, как бассейн оз. Севан, Араратская долина, Ширак и Зангезур являлся важным культурным очагом той эпохи. Анализ памятников позднего бронзового века выявляет культурную преемственность с предшествующей эпохой, а также позволяет выделить ряд новых существенных элементов, возникших в результате осложнения социально-экономических отношений внутри родового строя и оживления торговых связей и обмена. В местной культуре позднего бронзового века становятся особенно заметными связи населения Армянского нагорья с хетто-хурритским и, в целом, западноазиатским культурным миром. Очевидно выявляются и интенсивные связи локального масштаба, скажем, с синхронными памятниками южной и юго-западной Грузии.

Не менее важны лори-бердские памятники, относящиеся к раннему железному веку и особенно к эпохе широкого освоения железа.

¹⁹² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, с. 7.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИБЛИЖЕННОГО КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА В %

№ лабораторной	Наименование предмета, шифр или инвентарный №	рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
75	Деталь от повозки к. 7	табл. V _{12,3}	осн.	10.2	0.37	—	—	0.0001	—	0.15	0.15	0.013	0.0015	0.04	0.0003 0.001
76	" " " "	"	"	11.2	0.2	0.25	—	0.01	—	0.55	<0.003	0.12	0.0085	0.06	"
77	" " " "	"	"	8.7	0.002	0.32	—	0.003	0.025	—	0.48	0.1	0.01	0.06	"
78	Кинжал к. 7	табл. VII ₁₂	"	6.7	3.6	—	0.0066	0.002	—	0.55	0.15	0.024	—	0.012	"
79	Статуэтка птицы к. 7	табл. V ₄	"	7.4	0.45	0.38	0.0066	0.025	—	0.48	0.06	0.03	—	0.035	<0.0003
80	Деталь повозки к. 7	табл. VIII ₂₄	"	7.9	1.7	—	—	0.025	0.12	0.1	0.05	0.03	0.01	0.06	0.0003 0.001
81	Шарик к. 7	—	"	7.4	0.002	0.4	0.0066	0.012	—	1.4	0.18	0.053	—	0.07	0.003 0.001
82	Статуэтка птицы к. 7	рис. 8	"	4.0	0.31	—	—	0.042	—	0.2	—	0.07	—	0.011	0.0003 0.001
83	Цепочка к. 7	табл. VI ₁₈	"	7.9	0.34	0.25	—	0.01	0.12	0.55	<0.003	0.14	—	0.022	"
84	Втулка к. 7	табл. VIII ₂₁	"	7.4	<0.001	—	0.05	0.0003	—	0.16	1.0	—	—	0.22	"
85	Цепочка к. 7	табл. VI ₁₈	"	>20.0	0.45	8.0	—	0.31	0.24	3.8	<0.003	0.09	0.01	0.22	0.001 0.003
86	Браслет к. 2	табл. XXIV ₆	"	8.7	0.001	—	0.0066	0.002	—	0.2	0.25	0.053	—	0.042	0.0003 0.001
87	" " " "	"	"	7.4	0.001	—	0.0066	0.003	—	0.2	0.18	0.053	—	0.035	"
88	" " " "	"	"	7.4	0.001	—	0.0066	0.003	—	0.2	0.23	0.53	—	0.042	"
89	" " " "	"	"	7.4	0.001	—	0.0066	0.003	—	0.2	0.17	0.053	—	0.046	"
90	" " " "	"	"	7.4	0.001	—	0.0066	0.003	—	0.2	0.14	0.053	—	0.06	"
91	" " " "	"	"	11.2	0.001	—	0.001	0.016	—	0.55	0.18	0.045	—	0.012	"
92	" " " "	"	"	7.4	0.053	—	0.0045	0.042	0.13	0.12	0.18	0.12	0.042	0.011	"
93	Статуэтка птицы, к. 2, 2469/30	табл. V _{5,6,7}	"	8.2	4.0	—	<0.001	0.05	0.18	0.55	0.003	0.14	0.005	0.018	"
94	Подставка статуэтки, к. 2, 2469/30	"	"	11.2	0.45	0.25	0.0045	0.035	0.18	0.41	0.1	0.04	—	0.011	"
95	Статуэтка птицы, к. 2, 2469/30	"	"	12.3	2.4	0.52	0.0054	0.025	0.2	0.55	0.05	0.045	0.005	0.035	"
96	Подставка статуэтки к. 2, 2469/30	"	"	12.3	7.0	—	—	0.025	0.24	0.55	0.06	0.25	0.02	<0.001	"
97	Статуэтка птицы, к. 2, 2469/30-3	"	"	11.2	2.5	—	—	0.012	0.11	0.22	0.003	0.12	0.01	0.01	0.0003 0.001
98	Подставка статуэтки, к. 2, 2469/30-3	"	"	12.3	0.6	0.32	0.0035	0.025	0.21	0.55	0.1	0.045	<0.003	0.012	"
99	Браслет к. 2, 2469/35	табл. XXIV ₅	"	12.3	2.0	—	—	0.05	0.2	1.4	0.002	0.22	0.023	0.014	"
100	" к. 4, 2470/221-30	табл. XXIV ₃	"	7.4	3.0	—	0.001	0.07	0.18	0.35	0.01	0.06	<0.003	<0.01	"
101	" " " "	"	"	10.1	9.9	—	0.0025	0.035	0.14	0.55	<0.001	0.06	0.0003	0.01	"
102	" " " "	"	"	11.2	1.2	0.042	—	0.042	0.2	0.2	0.11	0.052	0.024	0.013	"
103	" " " "	"	"	11.2	0.14	—	—	0.025	0.3	1.4	0.05	0.05	0.02	0.014	"
104	" " " "	"	"	8.8	0.45	—	0.0045	0.016	0.12	0.22	0.18	0.03	0.01	<0.01	"
105	" " " "	"	"	8.8	7.0	—	0.18	0.025	0.57	0.55	1.0	0.12	0.023	0.002	0.001
106	" " " "	"	"	4.4	0.33	—	—	0.32	0.18	0.9	0.05	0.1	0.02	0.002	0.003
107	" " " "	"	"	6.4	0.14	—	0.0032	0.07	0.34	0.55	0.18	0.045	0.02	0.04	"
108	" " " "	"	"	7.4	0.18	—	—	0.042	0.41	—	<0.001	0.045	0.02	0.016	"
109	" " " "	"	"	11.2	0.5	—	0.0054	0.32	0.32	0.25	0.14	0.17	0.036	0.02	"
110	" " " "	"	"	7.0	2.4	—	—	0.07	0.45	1.0	0.05	0.07	0.01	0.076	"
111	" " " "	"	"	5.9	2.4	—	0.0045	0.12	—	0.4	0.12	0.026	—	0.013	0.003 0.001
112	Фрагмент стенки котла к. 6	табл. II ₄	"	<0.001	—	0.25	0.001	0.012	—	0.22	0.13	0.015	—	0.012 0.013	0.0003 0.001
113	Фрагмент стенки котла к. 7	табл. VI ₁	"	9.3	0.001	—	0.056	0.025	—	0.55	0.7	0.06	—	0.018	"
114	Браслет к. 4, 2470/221-30	табл. XXIV ₃	"	10.1	4.5	—	0.0018	0.042	0.33	0.55	<0.001	0.11	0.01	0.018	"
115	" " " "	"	"	11.2	0.1	—	0.001	0.042	0.17	0.55	0.1	0.14	0.023	0.046	"
116	" " " "	"	"	7.4	2.4	—	0.0032	0.12	—	0.2	0.12	0.45	0.025	0.035	"
117	" " " "	"	"	4.3	0.18	—	—	0.07	0.38	0.7	<0.001	0.45	—	0.01	"
118	" " " "	"	"	5.9	0.33	—	0.001	0.025	0.32	0.14	0.004	0.52	—	0.038	"
119	Браслет к. 4, 2470/22	"	"	12.3	0.5	—	0.0054	0.12	0.11	0.1	0.11	0.25	0.042	0.033	0.0003 0.001
120	" " " "	"	"	7.0	2.0	—	0.0022	0.05	0.15	0.3	0.05	0.06	0.02	0.02	"
121	Браслет к. 4, 2470/201-8	табл. XXIV ₄	"	7.4	0.03	0.6	0.08	0.025	0.57	0.2	0.5	0.12	—	0.035	0.001 0.003
122	" " " "	"	очень много	0.06	2.4	—	1.1	очень много	—	—	<0.001	—	—	0.048	"
123	" " " "	"	"	0.038	0.072	—	0.25	—	—	—	—	—	—	0.012	"
124	Обломок браслета к. 4, 2470/201-8	"	осн.	11.2	0.33	—	—	0.042	0.11	—	<0.001	0.052	—	0.023	0.0003 0.001
125	Обломок пуговицы к. 3, 2470/4	табл. XXV ₁	"	20.0	2.4	—	—	0.025	0.1	—	0.06	0.035	—	0.076	"
126	Колосальчик к. 2, 2469/33	табл. VI ₃₋₁₀	"	8.8	0.001	—	—	0.16	—	0.1	—	0.045	—	0.035	0.0003 0.001
127	" " " "	"	"	4.9	0.45	—	—	0.1	0.12	5.8	0.004	0.052	—	0.054	"

Анализ произведен в лаборатории Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.
Аналитик А. Ц. Геворкян

Они не только дополняют археологические коллекции Лалвара и Головино, но и обогащают представление о культуре Армении той эпохи совершенно новыми уникальными материалами, выявляющими культурные взаимодействия как внутри Армянского нагорья, так и с соседними странами. Заметны также тесные обменные связи, существовавшие с урартской культурной средой. Культура эпохи широкого освоения железа принадлежит кореным этническим группировкам, среди которых в общественных отношениях давно уже возникли предпосылки для появления ранней государственности.

Прочные постройки и сооружения циклопического типа, возведенные первобытными племенами Лори-Берда, служили не только самым ранним поселенцам, но и последую-

щим поколениям, а после изменений и перестроек—даже обитателям средневековой крепости Лорэ.

Хронология и стратиграфия археологических комплексов, обнаруженных в ходе раскопок Лори-Берда, устанавливают, что на этом плоскогорье общественная жизнь возникла во второй четверти II тыс. до н. э. и продолжалась с переменной интенсивностью до середины I тыс. до н. э. В эпоху развитого средневековья Лори-Берд стал центром Ташир-Дзорагетского царства.

Все сказанное о большом, многослойном памятнике, материальной и духовной культуре древнего населения основано пока еще на исследованиях небольших масштабов, которые предполагается продолжить в дальнейшем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО—Археологические открытия
 ВГМГ—Вестник Государственного музея Грузии
 ВОН—Вестник общественных наук АН АрмССР
 ГИМА—Государственный исторический музей Армении
 ГНИИ—Государственный научно-исследовательский институт
 Дело АК—Дело археологической комиссии
 ИАК—Известия археологической комиссии
 ИКОМАО—Известия комиссии археологического общества
 ИОНИА—Известия общества исследования и изучения Азербайджана
 Изв. АН АрмССР—Известия Академии наук АрмССР
 Изв. ГАИМК—Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 Изв. Арм. ФАН СССР—Известия Армянского филиала Академии наук СССР

ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР
 КСИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАК—Материалы археологической комиссии
 МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
 ОАК—Отчеты археологической комиссии
 РАНИОН—Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА—Советская археология
 ТОВГЭ—Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
 ТГИМА—Труды Государственного исторического музея Армении
 ЭВ—Эпиграфика Востока
 AS—Anatolian Studies

P. III
47026

22734-80

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ի Մ

Սույն աշխատությունը նվիրված է պատմական Հայաստանի Հյուսիսային Տաշիր—Չորագետ գավառի նախնադարյան մշակույթի ուսումնասիրությանը, մի գավառ, որը բավարար չափով չի հետազոտված:

Սա բնակլիմայական մեղմ պայմանների և հարուստ հանքավայրերի շրջան է, որը հնարավորություն է տվել նրա հին բնակիչներին հազարամյակների ընթացքում ծավալելու տնտեսական լայն գործունեություն:

Առայժմ Տաշիր-Չորագետում հայանաբերված ամենավաղ հուշարձանները վերաբերում են մ. թ. ա. 3-րդ հազարամյակին, որոնք ավելի լավ են ուսումնասիրված Թումանյանի և Գուցարբի շրջաններում: Սրանք մեծ մասամբ բնակատեղիներ են, որոնք պարունակում են սև փայլեցրած խեցեղեն և պղնձե որոշ առարկաներ:

Մ. թ. ա. 2-րդ հազարամյակի առաջին կեսի միջին բրոնզի դարի հուշարձաններից մեկ են հասել խեցեղեն և բրոնզե առարկաների առանձին նմուշներ, պատահական ձևով գտնված: Պեղվել է միայն Կիրովականի նշանավոր դամբարանը, որն իր բնույթով և հարստությամբ համապատասխանում է Թրիալեթի (Թուզք) համաժամանակյա դամբարաններին: Ուշ բրոնզեդարյան (մ. թ. ա. 2-րդ հազարամյակի երկրորդ կես) հուշարձանները նույնպես այս գավառում գրեթե չեն պեղվել, բացառությամբ Սպիտակի շրջանի մի քանի դամբարանների: Մ. թ. ա. 1-ին հազարամյակի առաջին կեսի հուշարձանների պեղումները հիմնականում կապված են ժակ դը Մորգանի անվան հետ, որն անցյալ դարի վերջերին երևան հանեց երկաթի լայն տարածման ժամանակաշրջանին պատկանող նյութերի հարուստ հավաքածու:

Տաշիր-Չորագետի հնագիտական ուսումնասիրության ասպարեզում շափազանց կարևոր նշանակություն ունեցան սույն գրքի հեղինակի կողմից 1969 թվականին սկսված Լոռի-Բերդի պեղումները, որոնք մինչ այժմ շարունակվում

են: Գրքում զետեղված են 1969—1973 թթ. կատարված պեղումների արդյունքները:

Այս ինքնատիպ և հարուստ հուշարձանը, Ստեփանավան քաղաքի մոտ, Լոռի-Բերդ գյուղի տարածքում գտնվող մի հսկա դամբարանադաշտ է: Այն երկու կողմից շրջապատված է Միսխանա և Չորագետ գետերի առաջացրած խորը ձորերով: Միսխանա գետի ձախ ափի բարձրագիւր ստահարթում է գտնվում բնակավայրը, որի նախնական ուսումնասիրությունից պարզվեց, որ կացարաններն ունեն ոչ կանոնավոր քառանկյունի ձևեր և անմշակ քարերից, չոր շարված լայն, կիկլոպյան տիպի պատեր (նկ. 1, 2): Հայտնաբերված հնագիտական նյութերից երևում է, որ այն հիմնադրվել է մոտավորապես մ. թ. ա. 17-րդ դարում (աղ. 1), բնակեցվել է մինչև մ. թ. ա. 7—6-րդ դարերը, ինչպես նաև ուշ միջնադարում:

Դամբարանադաշտի պեղումները ի հայտ բերեցին մ. թ. ա. 2-րդ հազարամյակի կեսերից մինչև մ. թ. ա. 1-ին հազարամյակի կեսերը կատարված անընդմեջ թաղումներ: Դամբարաններն, իրենց արտաքին տեսքով, քարահողային ցածրիկ շիրմաթմբեր են կամ շրջանաձև շարված քարերով կրոմլեիներ: Չնայած Լոռի-Բերդի հսկայածավալ հարուստ դամբարանների կողոպտված լինելուն, այսուհանդերձ, դրանք պարունակում են բարձրարժեք հնագիտական նյութ:

Ամենավաղ թաղումն այստեղ կատարվել է քարաշար պատեր և կամարաձև ծածկ ունեցող № 6 դամբարանում (մ. թ. ա. 16—15-րդ դդ.): Այստեղ ամփոփված խեցեղեն և բրոնզե առարկաները կապվում են Կիրովականի, Թուզքի, էլառի և Անդրկովկասի միջին բրոնզեդարյան մշակույթի ուշ շրջանի այլ հուշարձանների հետ (աղ. II—IV):

Ուշ բրոնզի դարի վաղ փուլին բնորոշ ցեղային ավազանու բացառիկ հետաքրքիր թաղումներ էին կատարվել № 2 (ստորին շերտ) և № 7 դամբարաններում (մ. թ. ա. 14—13-րդ դդ.), որոնց ներքին սրահներն ունեին մոտ 20 քառ. մ. մակերես, 2,5—3,5 մ. խորություն, հիմնահողային կամ

բարաշար պատեր, սալածածկ տանիք (նկ. 4, 5): Այստեղ դիտված թաղման ձևերը և հնադիտակյան նյութերի ուսումնասիրությունից երևում է, որ հանդուցյալների հետ միասին դամբարան են իջեցվել փայտե սալեր և մարտակառքեր, որոնք վարդարված են եղել բրոնզե գամերով, ամրակապերով, թունձե և այլ արձանիկներով ու մարտակառքի մոդելով (նկ. 6, 8): Սալի առեղի երկու կողմերում, սպանված ամբողջական ձիերի փոխարեն դրվել են նրանց հատված գլուխներն ու վերջույթները: Գիտվում է նաև դիակիզման սովորույթը:

Գամբարանային նյութերի մեջ սովոր խումբ են կազմում շքեղ զարդարված և ընդհանրված և-նազույն պաշտամունքային անոթները (աղ. X—XII), կիսաթանկարժեք քարերից, թանկարժեք մետաղներից պատրաստված ուլունքները, կոճակները, բրոնզե առարկաները (աղ. V—IX), սրունքից ամենանշանավոր մարտակառքի բրոնզե մոդելն է, լծված զույգ ձիերով և թափքին կանգնած զույգ մարտիկներով: Այն իր ժամանակի ամենակատարյալ կառուցվածքն ունի և կապվում է խեթա-խորրիական մարտակառքերին, որոնք այնուհետև տարածվել են հին աշխարհում:

Լոռի-Բերդի հարուստ թաղումները համընդհանուր բնույթ ունենալով Հայկական լեռնաշխարհի հյուսիսային մասերի մշակույթի հետ, միաժամանակ, ուղղակիորեն առնչվում են Լճաշենի նմանօրինակ թաղումներին, թաղման ծեսին ու առարկաներին, որոնք մեծ մասամբ պաշտամունքային բնույթ ունեն: Զգալի նորություններ են բերում նաև մ. թ. ա. 11—10-րդ դարերով թվագրվող դամբարանները (№ 8, 9, նկ. 10—14, աղ. XIII): Ուշագրություն արժանի է հատկապես խեցեղենի այն խումբը (դամբարան № 9), որը զարդարված է միաժամանակ ակոսային գոտիներով, դաճված շրջանակներով կամ սեպերով, փայլեցման եղանակով կատարված զարդերով, ինչպես նաև կարմիր և սպիտակ գույների համադրմամբ ստեղծված երկրաշափական բարդ պատկերներով: Հաճախ այս բոլոր զարդաձևերը կարելի է տեսնել նույն կավամանի վրա (նկ. 15, աղ. XIV, XV): Այս կերպ զարդարված խեցեղենն, ըստ երևույթին, լայն տարածում չի գտել Հայաստանում: Այն առկա է Լճաշենում, Տաշիր-Ջորաղեղում և արևելյան Վրաստանի (Կախեթիա) մի քանի հուշարձաններում:

Խեցեղենի մյուս մասը (աղ. XVI, XVII) իր բազմաթիվ դուղահեռներն է գտնում Հայկական լեռնաշխարհի հյուսիսում: № 9 դամբարանի խեցեղենի և թաղման ծեսի ուսումնասիրությունից երևում է, որ պահպանվել են հին ավանդույթ-

ները: Բրոնզե դեղարվեստական իրերը վկայում են դուրբյուն ունեցող շքեղ կահույքի մասին, որոնք նմանություններ ունեն հին արևելյան պաշտական կահույքասիններին:

Լոռի-Բերդի վաղ երկաթի՝ մ. թ. ա. 9—8-րդ դդ. դամբարանները հիմնահողային են (№ 11—12), շունեն նախորդ ժամանակաշրջաններին հատուկ թաղման մեծ սրահները (նկ. 16), սակայն հետաքրքիր են խեցեղեն առարկաներով (աղ. XX—XXII): Դրանք զենետիկորեն կապվում են նախորդ ժամանակաշրջանի և համաժամանակյա տեղական այլ հուշարձանների հետ և մասսայական բնույթ են կրում: Գլանաձև ոտքով երկկանթ սկահակները, որոնք ըստ երևույթին ծիսական առարկաներ են, կապ ունեն փոքրասիական ձևերի հետ, որոնք ներթափանցել են հավանաբար մ. թ. ա. II հազարամյակի կեսերին և տեղայնացվել: Հին արևելյան մշակութային կապեր են երևում բրոնզե ու ոսկրե առարկաների մեջ (աղ. XIX): Այս տեսակետից առավել հետաքրքիր է սպիտակ հաթաղակե, շների պատկերներով զարդարուն տուփիկը (նկ. 17), որը տեղական լինելով հանդերձ, ասորեստանյան աղբեցույթյուն է կրում:

Այս տուփիկը եղակի չէ, նման իրեր հայտնաբերվել են Խոջալիի դամբարաններում և Կասպից ծովի հարավարևմտյան մասերից (Կալուբազ մ. թ. ա. 7-րդ դ.):

Լոռի-Բերդի երկաթի լայն տարածման ժամանակաշրջանի հուշարձաններում (№ 2 դամբարանի վերին շերտ, № 3, 4 դամբարաններ) (նկ. 19—21), արդեն դիտվում են ոչ միայն ուրարտականի նմանությամբ պատրաստված առարկաներ, այլև ուղղակի ուրարտական արտագրության նմուշներ (նկ. 32):

Մ. թ. ա. 7—6-րդ դդ. դամբարանները նույնպես հարուստ են խեցեղեն առարկաներով, որոնք սե են, անփայլ և մեծ մասամբ կրում են թույլ սեղմումով կատարված ճոխ զարդաձևեր (աղ. XXVIII, XXXI):

Ուշագրություն արժանի են ծիսական անոթները՝ զարդարված կենդանակերպ քանդակներով (նկ. 30, 31): Խեցեղենի զարդաձևերը պատահական չեն: Դրանք արտահայտում են տեղաբնիկների ունեցած կրոնա-միստիկական պատկերացումները շրջապատող բնության և նրա երկվայթների մասին:

Այդ դամբարաններին բնորոշ են նաև երկաթե դանակներն ու սանձերը (աղ. XXXIII 1—5), և մեծաքանակ զարդերը: Սրանք բրոնզե ապարանջաններ ու մանյակներ են (աղ. XXIV, XXV 1—9, 11, 12, 14), կիսաթանկարժեք քարերից,

տարբեր շաղախներից ու սաթից պատրաստված ուլունքներ (աղ. XXVI, XXVII, նկ. 9), արծաթի ապարանջաններ (աղ. XXV 10, 13), ոսկի ճակատազարդեր, ականջի օղեր, ուլունքներ, կոճակածե կարգեր, օձաղլուխ ապարանջան (նկ. 23ա—29) և այլն:

Ոսկերչական այս եզակի նմուշների ուսումնասիրությունը, սաթե բաղմամբիվ ուլունքների, ուրարտական արտադրության իրերի զոյությունը, վկայում են հայկական ցեղերի նյութական ու հոգևոր բարձր մշակույթի, ինչպես նաև առևտրափոխանակային հարաբերությունների աշխուժության մասին: Մ. թ. ա. 2-րդ հազարամյակի 1-ին կեսին, եթե Տաշիր-Ձորագետի նյութական մշակույթը կրում է փոքրասիական և էգեան ազդեցության տարրեր, ապա 2-րդ հազարամյակի 2-րդ կեսին և մանավանդ մ. թ. ա. 1-ին հազարամյակի 1-ին կեսին նկատվում են փոխազդեցությունների ու կապերի նոր աշխուժացում հարավի ու հարավ-արևելքի երկրների հետ:

Լոռի-Բերդի երկաթի լայն տարածման ժամանակաշրջանի դամբարաններում նկատվում է դարդերի ու պաշտամունքային իրերի առատություն, ձիերի թաղումներ և մարդկային դիակիզումներ, որը ենթադրել է տալիս այս դամբարանների պատկանելիությունը պաշտամունքի հետ առնչվող մարդկանց (զուցե քրմերի), որոնք նաև սոցիալական բարձր դիրք ունեին: Սա մի ժամանակաշրջան էր, որ համընկնում էր ուրարտական պետության անկման և հայ էթնոսի վերջնական ձևավորման հետ, ուստի, դրանք կարելի է համարել վաղ հայկական մշակույթի հուշարձաններ:

Այսպիսով, Լոռի-բերդի ոչ մեծածավալ պեղումներով բացահայտվեցին հյուսիսային Հայաստանի ոչ նախնադարի տեղական ցեղերի նյութական մշակույթի, հասարակական հարաբերությունների ու հոգևոր պատկերացումների հետ առնչվող մի շարք հարցեր: Դրանք արտացոլում են հին Հայաստանի ցեղերի սոցիալ մշակութային բարձր մակարդակը ամբողջ մեկ հազարամյակի ընթացքում:

Լոռի-Բերդի միջին բրոնզեդարյան նյութերի շնորհիվ պարզվեց, որ Թոնդր-Կիրովականյան մշակույթը համաշափոհեցնում տարածված էր ողջ Տաշիր-Ձորագետում:

Ուշ բրոնզեդարյան հուշարձանները հաստատեցին, որ Լոռին նույնքան կարևոր մշակութային օջախ է, որքան Սևանի ավազանը, Արարատյան դաշտը, Շիրակն ու Զանգեշուրը: Միաժամանակ նրանք ցույց տվեցին տեղաբնիկների ունեցած սերտ կապերը ոչ միայն անմիջական հարևան գավառների, այլև արևմտասիական մշակութային աշխարհի հետ:

Վաղ երկաթի և երկաթի լայն տարածման ժամանակաշրջանի նյութերը բացահայտեցին Հայկական լեռնաշխարհի ներքին մշակութային կապերը, որը հատկապես սերտ էր ուրարտական ազդեցության տարածման ոլորտներում:

Լոռի-Բերդը Հայաստանի նախնադարյան մշակույթի ուսումնասիրության կարևոր և անսուղա աղբյուրներից մեկն է: Նրա լայնածավալ պեղումները հետագայում ի հայտ կբերեն լեռնաշխարհի անցյալի մշակույթի համապարփակ ճանաչմանը նպաստող արժեքավոր տվյալներ:

S. H. DEVEJIAN

LORI—BERD, I

(Summary)

The subject matter of this book is the history of the prehistoric culture of the Tashir—Dzoraget district in northern Armenia, which until now has been insufficiently explored.

This region has mild climatic conditions and is rich in minerals, which gave the inhabitants the opportunity to develop economic activity for thousands of years.

To date, the oldest monuments excavated in Tashir—Dzoraget belong to the third millennium BC. The monuments of Toumanian and Gougark districts have been more extensively examined than those of other regions. They are generally settlements, which contain black polished pottery and some copper objects.

Pottery and samples of bronze objects, dating from the first half of the second millennium BC, were discovered accidentally. Only the famous sepulchre of Kirovakan has been regularly excavated and is similar in character and richness to the graves at Trialeti of the same period. But the monuments of the second half of the second millennium BC have not been explored except for some tombs in the district of Spitak. Excavation of the monuments of the first millennium BC is generally connected with the name of J. de Morgan, who at the end of the last century discovered a rich collection of iron age materials.

Archeological investigations of Tashir—Dzoraget has been of great importance in the excavations of Lori—Berd, which were begun in 1969 by the author and which is still in progress.

This original and interesting monument consists of an immense cemetery near the town of Stepanavan in the village of Lori—Berd (Stepanavan district). It is surrounded on both sides by the valleys of the Dzoraget and Miskhana Rivers. On a high upland, on the left bank of the Miskhana River is the settlement which preliminary exploration has shown to belong to the XVII c. BC. (t. I, p. 1).

The excavations of the Lori—Berd ancient cemetery revealed that for a whole millennium burials had taken place without interruption from the middle of the second millennium until the middle of the first millennium BC. This book contains the results of the excavations of the years 1969—1973.

Despite plundering, great sepulchres of Lori—Berd still contain archaeological materials of great importance. From the external the sepulchres are recognized by the low grave—mounds or round kromlechs. The oldest burials were made in the sixth sepulchre, which has stone walls and an arched ceiling (XVI—XV c. BC, table II—IV). The pottery and bronze objects in this tomb are related to the Middle Bronze monuments of Kirovakan and Trialeti and other monuments of Middle Bronze age.

In the early stage of the Late Bronze Age very interesting burials have been made in the second sepulchre (bottom layer) and the seventh tomb (XIV—XIII c. BC) where the inner rooms had earthen or stone walls and stone roofs. (table V—XII, pic. 4—9)

The funeral rite preserved from the previous epoch and the study of archaeological

objects show that wooden chariots and war-chariots adorned with bronze nails, bird shaped and other statuettes and models of war chariots were buried with the defunct. On either side of the chariot—shaft instead of the dead horses were placed only their heads. There is also evidence of cremation.

In the materials discovered in these sepulchres there is a large number of rich ornamented ritual vessels, beads of stone and of precious metals, buttons and bronze objects, of which the most outstanding is the bronze model of a war chariot, with two horses and two warriors standing on it. In structure it resembles Hittite—Hurrian war chariots which were later extensively used by the Greeks.

In these tombs besides the model war chariot, there are also materials which evidence the cultural and commercial relations between Armenia and Mesopotamia.

These rich burials were characteristic of all the northern Armenian upland regions and analogous to the burials of Litchashen in their funeral rites and materials.

The eight and ninth tombs dating from the XI—X c. BC, contain important new ceramic materials especially in form and ornamentation (tab. XIII—XVII pic. 10—15).

The ceramics (ninth tomb) with furrow bolts, stamped circles, polished ornaments and geometrical designs in red and white are especially attractive. This ornamentation occurs on the same vessels. This type of pottery was probably not widespread in Armenia (although special features are particular to the northern regions of the Armenian uplands, Litchashen) and in Tashir—Dzoraget they occur for the first time and are obviously connected with the culture of Eastern Georgia (Cakhetia).

The remaining ceramics are similar to the pottery of the northern parts of the Armenian Uplands.

The study of the bronze objects and the funeral rites of the ninth tomb show old traditions remain. Artifacts point to a fine tradition of furniture—making similar to the ancient court furniture of the Orient.

The Early Iron age monuments of Tashir—Dzoraget have revealed metal artifacts of Oriental provenance. These were diffused especially in the Assyrian and Urartian Kingdo-

ms (IX—VIII cent. BC). The warriors of the local tribes were reorganised and armed in accordance with the oriental tradition (see the picture of the Lori—Berd bronze belt (tab. XVIII)

The eleventh and twelfth sepulchres of Lori—Berd dating from IX—VIII cent. BC have not the great burial cameras for funeral rites, characteristic of the previous period, but are nevertheless interesting for their pottery, which is genetically tied to the previous period and has parallels with other sites (tab. XIX—XXII, pic. 16, 17)

The ritual iron cups are related to the objects discovered in Asia Minor. The Assyro—Urartian influences are seen in the bronze and bone objects. From this point of view the porcelain box containing ornaments is very interesting because, although of local production it bears the Assyrian influence.

The same thing is seen in the second sepulchre (upper layer) and in the third and fourth tombs where both objects imitating the Urartian style and actual Urartian artifacts were discovered. The tombs of this period (VII—VI cent. BC) have revealed a rich collection of ceramics which are in the main black, unpolished and richly ornamented. Most fascinating are the ritual vessels with the zoomorphic ear-rings (tab. XXIII—XXIX, pic. 19—32).

Iron bridles which have been found between the jaws of horses and iron knives on human skeletons are particular to these tombs.

In these tombs there is a great abundance of various objects, such as bronze bracelets and necklaces, beads made of semiprecious jewels, silver bracelets and other ornaments, golden diadems, ear rings, etc.

The study of these singular examples of the goldsmith's art and the existence of amber beads testifies to the influence of Ancient Eastern culture and of existing commercial relations in the period of decline of the Urartian state and the final formation of the Armenian nation.

In VII—VI cent. BC sepulchres as well as in the earlier tombs of Lori—Berd there is an abundance of ornaments and ritual objects which indicate that these were the sepulchres (vaults) of high ranking people, may be priests.

СПИСОК РИСУНКОВ

- 1 Жилище № 1
- 2 Раскопачная комната № 2
- 3 Погребение № 1
- 4 Погребение № 2
- 5 Погребение № 7
- 6 Модель колесницы (погребение № 7)
- 7 Хеттская колесница
- 8 Статуэтка птицы (погребение № 7)
- 9 Сердоликовые бусы (погребение № 2)
- 10 Погребение № 8
- 11 Погребение № 9 (плиги перекрытия)
- 12 Погребение № 9 (реконструкция)
- 13 Погребение № 9 после приготовления, видны следы балок и грабительский лаз
- 14 Бронзовая голова быка (погребение № 9)
- 15 Богато декорированный горшок (погребение № 9)
- 16 Погребение № 12
- 17 Шкатулка (погребение № 11)
- 18 Шкатулка из Талина (случайная находка)
- 19 Погребение № 3
- 20 Погребение № 4 после снятия верхнего слоя
- 21 Погребение № 4
- 22 Внешний вид погребения № 13
- 23а Золотая диадема (погребение № 2)
- 23б Золотая диадема, бусы и «пуговицы» (погребение № 2)
- 24 Золотая диадема (погребение № 4)
- 25 Деталь золотой диадемы (погребение № 4)
- 26 Золотые серьги и бусы (1—3, 6—погребение № 4; 4—5—погребение № 3)
- 27 Обратная сторона предметов рис. № 26
- 28 Золотые украшения и бусы (погребение № 2)
- 29 Золотой змеиноголовый браслет (погребение № 4)
- 30 Ритуальный кувшин (погребение № 2)
- 31 Ритуальный сосуд с носиком в виде головы овна (погребение № 4)
- 32 Урартский флакончик (погребение № 2)

СПИСОК ТАБЛИЦ

- I Предметы из поселений (комната № 2)
- II Бронзовые изделия, красная расписная и бурая матовая керамика (погребение № 6)
- III Черная керамика, орнаментированная гребенчатым штампом и резным орнаментом (погребение № 6)
- IV Черная керамика, орнаментированная лощением, ямочками, накладными «пуговичками» и множеством ручек (погребение № 6)
- V Роговидные скульптуры и статуэтки птиц (1—4—погребение № 7, 5—7—погребение № 2)
- VI Бронзовые котлы и бубенцы (1, 11—19—погребение № 7; 2—10—погребение № 2)
- VII Бронзовые пуговицы, фрагмент панциря, нож и наконечник посоха (1—11—погребение № 2; 12—14—погребение № 7)
- VIII Бронзовые гвозди и предметы неизвестного назначения (1—19—погребение № 2; 20—24—погребение № 7)
- IX Бронзовые, серебряные, золотые, пастовые, стеклянные бусы, печать, обсидиановые и кремневые наконечники стрел (1—2, 4—6, 8—10, 12— погребение № 2; 3, 7, 11—погребение № 7)
- X «Курильницы» и фрагменты (1—3—погребение № 2; 4—9—погребение № 7)
- XI Светильники и миски в форме половинки ореха (2—4—погребение № 2; 1, 5, 6—погребение № 7)
- XII Инкрустированная, лощенная и кухонная керамика (1, 2, 6—8, 10—12— погребение № 2; 3—5, 9, 13—14—погребение № 7)
- XIII Бронзовые украшения (погребение № 9)
- XIV Богато декорированные горшки (погребение № 9)
- XV Богато декорированная керамика (погребение № 9)
- XVI Керамика из погребения № 8
- XVII Кувшины и миски (погребение № 9)
- XVIII Бронзовый пояс из Лори-Берда (случайная находка)
- XIX Разные предметы из погребений (1—погребение № 10; 2—6—погребение № 11, 7—погребение № 12)
- XX Кувшины, вазы и горшки (погребение № 11)
- XXI Горшки, миски, кухонная керамика (погребение № 11)
- XXII Керамика из погребения № 12 (1, 3—найденны на плите перекрытия)
- XXIII Железные удила и ножи (1, 3—погребение № 4; 2, 4, 5—погребение № 2; 6—село Агарак)
- XXIV Бронзовые гривны и браслеты (1, 3, 4—погребение № 4; 2, 5, 6—погребение № 2)
- XXV Украшения из бронзы, серебра, сердолика и золота (1—8—погребение № 3; 9, 11—14—погребение № 2; 10—погребение № 4)
- XXVI Каменные бусы (1—3—погребение № 2; 4—погребение № 4)
- XXVII Пастовые, стеклянные, янтарные бусы (1, 2, 3б, 4б, в—погребение № 2; 3а, 4а—погребение № 4)
- XXVIII Кувшины и миски (1, 3—погребение № 2; 2, 4—погребение № 4)
- XXIX Кубки и половинки (1—9—погребение № 2; 10—13—погребение № 3; 14—16—погребение № 4)

Ն Կ Ա Ր Ն Ե Ր Ի Ց Ո Ւ Յ Ա Կ

1. Բնակարան № 1
2. № 2 սենյակը պեղված
3. Դամբարան № 1
4. Դամբարան № 2
5. Դամբարան № 7
6. Մարտակառքի բրոնզե մոդել (դամբարան № 7)
7. Խեթական մարտակառք
8. Թուշուհի բրոնզե արձանիկ (դամբարան № 7)
9. Սարդիոնե ուլունքներ (դամբարան № 2)
10. Դամբարան № 8
11. Դամբարան № 9 (ժածկի սալերը)
12. Դամբարան № 9 (վերակազմություն)
13. Դամբարան № 9 պեղվելուց հետո, պատի վրա երևում են գերանների հետքերը և կողուպոխների բացած մուտքը
14. Ցուլի բրոնզե դուխ (դամբարան № 9)
15. Զոխ զարդարուն կճուճ (դամբարան № 9)
16. Դամբարան № 12
17. Հախճապակե տափիկ (դամբարան № 11)

18. Տուփիկ Բալինից (պատահական գլուտ)
19. Դամբարան № 3
20. Դամբարան № 4, մակերեսի շերտը հեռացնելուց հետո
21. Դամբարան № 4
22. № 13 դամբարանի արտաբին տեսքը
- 23ա Ոսկե ճակատազարդ (դամբարան № 2)
- 23բ Ոսկե ճակատազարդ, ուլունքներ և «կոճակներ» (դամբարան № 2)
24. Ոսկե ճակատազարդ (դամբարան № 4)
25. Հատված ոսկե ճակատազարդից (դամբարան № 4)
26. Ոսկե ակաղբի օղբեր և ուլունքներ (1—3, 6, դամբարան № 4, 4, 5 դամբարան № 3)
27. № 26 նկարի առարկաների հակառակ երեսը
28. Ոսկե զարդեր և ուլունքներ (դամբարան № 2)
29. Ոսկե օձազուխ ապարանջան (դամբարան № 4)
30. Պաշտամունքալիս սափոր (դամբարան № 2)
31. Պաշտամունքալիս անոթ խոյազուխ ծորանով (դամբարան № 4)
32. Ուրարտական սրվակ (դամբարան № 2)

Ա Ղ Յ Ո Ւ Ս Ա Կ Ն Ե Ր Ի Ց Ո Ւ Յ Ա Կ

- I Բնակավայրից հայտնաբերված իրեր (№ 2 սենյակ)
- II Բրոնզե իրեր, կարմիր գունազարդ և դորշ անփույլ խեցեղեն (դամբարան № 6)
- III Սանրատամ դորշմով և փորագիր զարդերով սև խեցեղեն (դամբարան № 6)
- IV Սև խեցեղեն, փայլանախշով, փոսիկներով, վերագիր կոճակներով և բազմաթիվ կանթերով զարդարուն (դամբարան № 6)
- V Բրոնզե ձ-աձև բանդակներ և ֆուլունքների արձանիկներ (1—4 դամբարան № 7, 5—7 դամբարան № 2)
- VI Բրոնզե կաթսաներ և բոժոժներ (1, 11—19 դամբարան № 7, 2—10 դամբարան № 2)
- VII Բրոնզե կոճակներ, լանչապանակի բեկոր, դանակ և զավաղանի դուխ (1—11 դամբարան № 2, 12—14 դամբարան № 7)
- VIII Բրոնզե դամբարան և անհայտ նշանակության իրեր (1—19 դամբարան № 2, 20—24 դամբարան № 7)
- IX Բրոնզե, արծաթե, ոսկե, շագախե, ապակե ուլունքներ, կնիք, վանակատի և կայծբարի նետասլաքներ (1—2, 4—6, 8—10, 12 դամբարան № 2, 3, 7, 11 դամբարան № 7)
- X «Բուրանոթներ» և բեկորներ (1—3 դամբարան № 2, 4—9 դամբարան № 7)
- XI Կանթեղներ և ընկույզի կեսի ձևով քրեղաններ 2—4 դամբարան № 2, 1, 5, 6 դամբարան № 7)
- XII Ընդերուզված փայլուն և խոհանոցային խեցեղեն (1—2, 6—8, 10—12 դամբարան № 2, 3—5, 9, 13—14 դամբարան № 7)
- XIII Բրոնզե զարդեր (դամբարան № 9)

- XIV Շքեղ զարդարված կճուճներ (դամբարան № 9)
- XV Շքեղ զարդարված խեցեղեն (դամբարան № 9)
- XVI Խեցեղեն (դամբարան № 8)
- XVII Սափորներ և քրեղաններ (դամբարան № 9)
- XVIII Բրոնզե գոտի Կախիկնում հայտնաբերված կուրբիերից (պատահական գլուտ)
- XIX Տարրեր առարկաներ դամբարաններից (1, դամբարան № 10, 2—6 դամբարան № 11, 7 դամբարան № 12)
- XX Սափորներ, սկահակներ և կճուճներ (դամբարան № 11)
- XXI Կճուճներ, բրեզաններ, խոհանոցային խեցեղեն (դամբարան № 11)
- XXII Խեցեղեն (դամբարան № 12, 1, 3 գտնված ծածկի սալի վրա)
- XXIII Երկաթի սանձեր և դանակներ (1, 3 դամբարան № 4, 2, 4, 5 դամբարան № 2, 6 Ազարակ գյուղից)
- XXIV Բրոնզե մանյակներ և ապարանջաններ (1, 3, 4 դամբարան № 4, 2, 5, 6 դամբարան № 2)
- XXV Զարդեր բրոնզից, արծաթից, սարդիոնից և ոսկուց (1—8, դամբարան № 3, 9, 11—14 դամբարան № 2, 10, դամբարան № 4)
- XXVI Քարե ուլունքներ (1—3 դամբարան № 2, 4 դամբարան № 4)
- XXVII Ուլունքներ շաղախից, ապակուց, սաթից (1, 2, 3բ, 4բ, վ, դամբարան № 2, 3ա, 4ա, դամբարան № 4)
- XXVIII Սափորներ և քրեղաններ (1, 3 դամբարան № 2, 2, 4 դամբարան № 4)
- XXIX Գավաթներ ու շերեփներ (1—9 դամբարան № 2, 10—13 դամբարան № 3, 14—16 դամբարան № 4)

LIST OF THE FIGURES

1. Settlement №1
2. Excavated room №2
3. Tomb №1
4. Tomb №2
5. Tomb №7
6. Model of war chariot (Tomb №7)
7. Hittite war chariot
8. Bronze statuette of a bird (Tomb №7)
9. Beads of cornelian stone (Tomb №2)
10. Tomb №8
11. Tomb №9 (Flagstone for covering)
12. Tomb №9 (reconstruction)
13. Tomb №9 after the excavations, remnants of beams and the hole opened by the robbers are seen on the wall.
14. Bronze head of a bull (Tomb №9)
15. Richly decorated vessel (Tomb №9)
16. Tomb №12
17. Porcelain box (Tomb №11)
18. Box from Talin (accidentally found)
19. Tomb №3
20. Tomb №4, after removing the upper layer
21. Tomb №4
22. External view of Tomb №13
- 23a. Golden diadem (Tomb №2)
- 23b. Golden diadem, beads and buttons, (Tomb №2)
24. Golden diadem (Tomb №4)
25. Detail of the golden diadem (Tomb №4)
26. Golden ear-rings and beads (1—3, 6. Tomb 4, 4—5 Tomb № 3)
27. Opposite side of the objects in the figure №26
28. Golden ornaments and beads (Tomb №2)
29. Golden bracelet with head of a serpent (Tomb №4)
30. Ritual vessel (Tomb №2)
31. Ritual vessel in the shape of the head of a ram (Tomb №4)
32. Urartian flagon (Tomb №2)

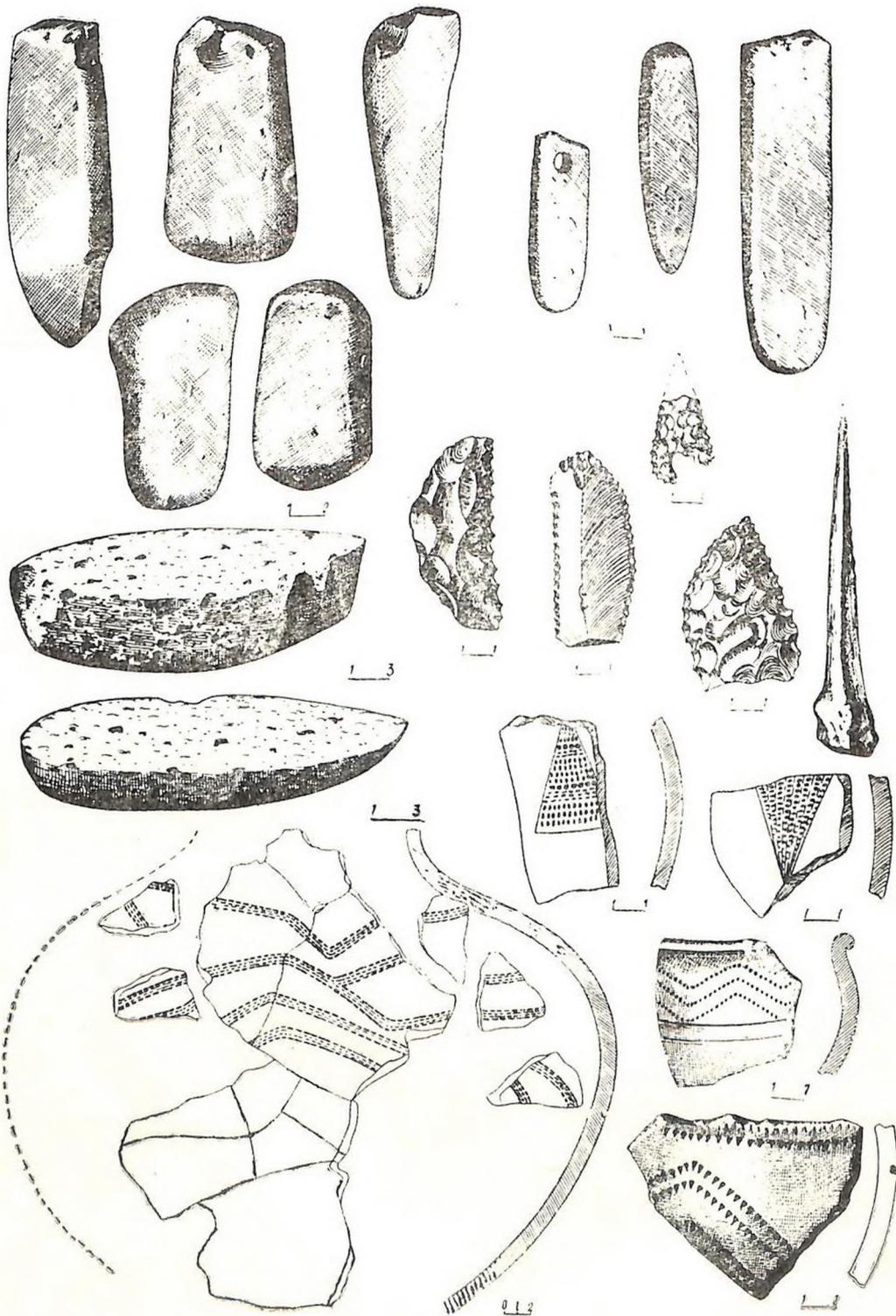
LIST OF THE TABLES

I Objects from the settlement (room №2). II Bronze artifacts, red decorated and grey unburnished earthenware (Tomb №6). III Black pottery decorated with a ctenoid stamp and carved (engraved) ornamentation (Tomb №6). IV Black pottery with the burnished ornamentation, concavities, imposed "buttons" and a number of handles (Tomb №6). V Horn-shaped sculptures and statuettes of birds (1—4 Tomb №7, 5—7 Tomb №2). VI Bronze pots and baubles (1, 11—19 Tomb №7, 2—10 Tomb №2). VII Bronze buttons, a fragment of a breast plate, a knife and a head of a (verge) sceptre (1—11 Tomb №2, 12—14 Tomb №7) VIII Bronze nails and articles of indistinct function (1—19 Tomb №2 20—24 Tomb №7). IX Beads of bronze, silver, gold, paste, glass, a stamp, obsidian and flint—stone arrow heads (1—2, 4—6, 8—10, 12 Tomb №2, 3, 7, 11 Tomb №7). X "Incense burners" and fragments (1—3 Tomb №2, 4—9 Tomb №7). XI "Candelabrum" and bowls (2—4 Tomb №2, 1, 5, 6 Tomb №7). XII Earthenware with incrustations, burnished and kitchen pottery (1—2, 6—8, 10—12 Tomb №2, 3—5, 9, 13—14 Tomb №7).	XIII Bronze adornments (Tomb №9) XIV Richly decorated pots (Tomb №9) XV Richly decorated earthenware (Tomb №9) XVI Pottery from the Tomb №8. XVII Jugs and bowls (Tomb №9). XVIII Bronze belt from Lori—Berd (an accidental discovery). XIX Different objects from the burials (1 Tomb №10, 2—6 Tomb №11, 7 Tomb №12). XX Jugs, vases and pots (Tomb №11). XXI Pots, bowls and kitchen pottery from the tomb №11. XXII Earthenware from the burial №12 (1, 3 found on the stone of the ceiling). XXIII Iron bridle and knives (1, 3 Tomb №4, 2, 4, 5 Tomb №2 6 Agarak village) XXIV Bronze ringlets and bracelets (1, 3, 4 Tomb №4, 2, 5, 6 Tomb №2) XXV Adornments of bronze, silver, cornelian stone and gold (1—8 Tomb №3, 9, 11—14 Tomb №2, 10 Tomb №4). XXVI Beads of stone (1—3 Tomb №2, 4 Tomb №1). XXVII Beads of paste, glass and amber (1, 2, 3b, 4b, c Tomb №2, 3a, 4a Tomb №4). XXVIII Jugs and bowls (1, 3 Tomb №2, 2, 4 Tomb №4). XXIX Mugs and large spoons (1—9 Tomb №2, 10—13 Tomb №3, 14—16 Tomb №4).

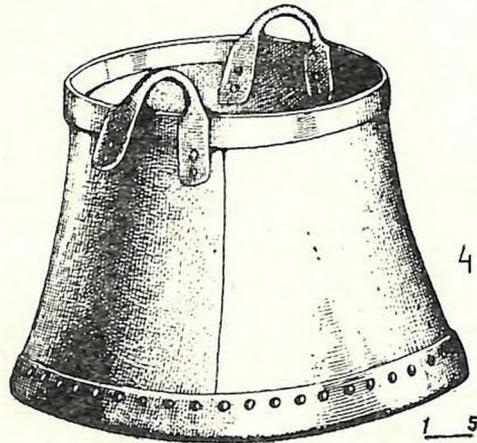
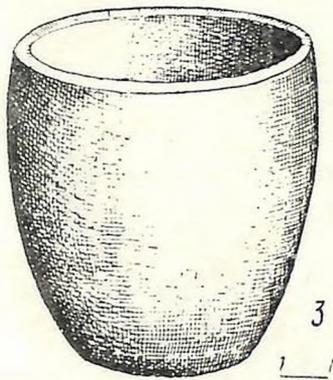
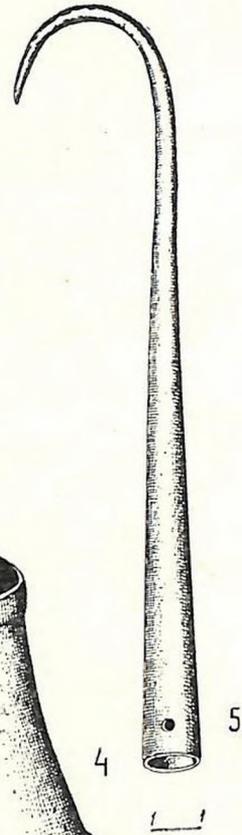
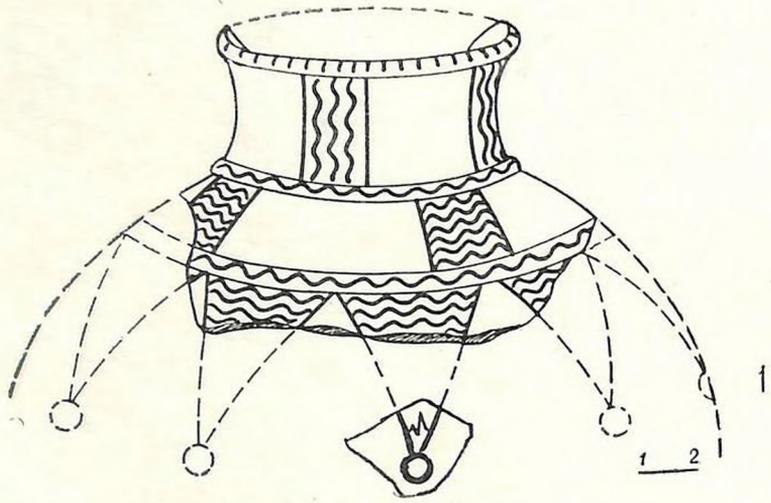
TABLES

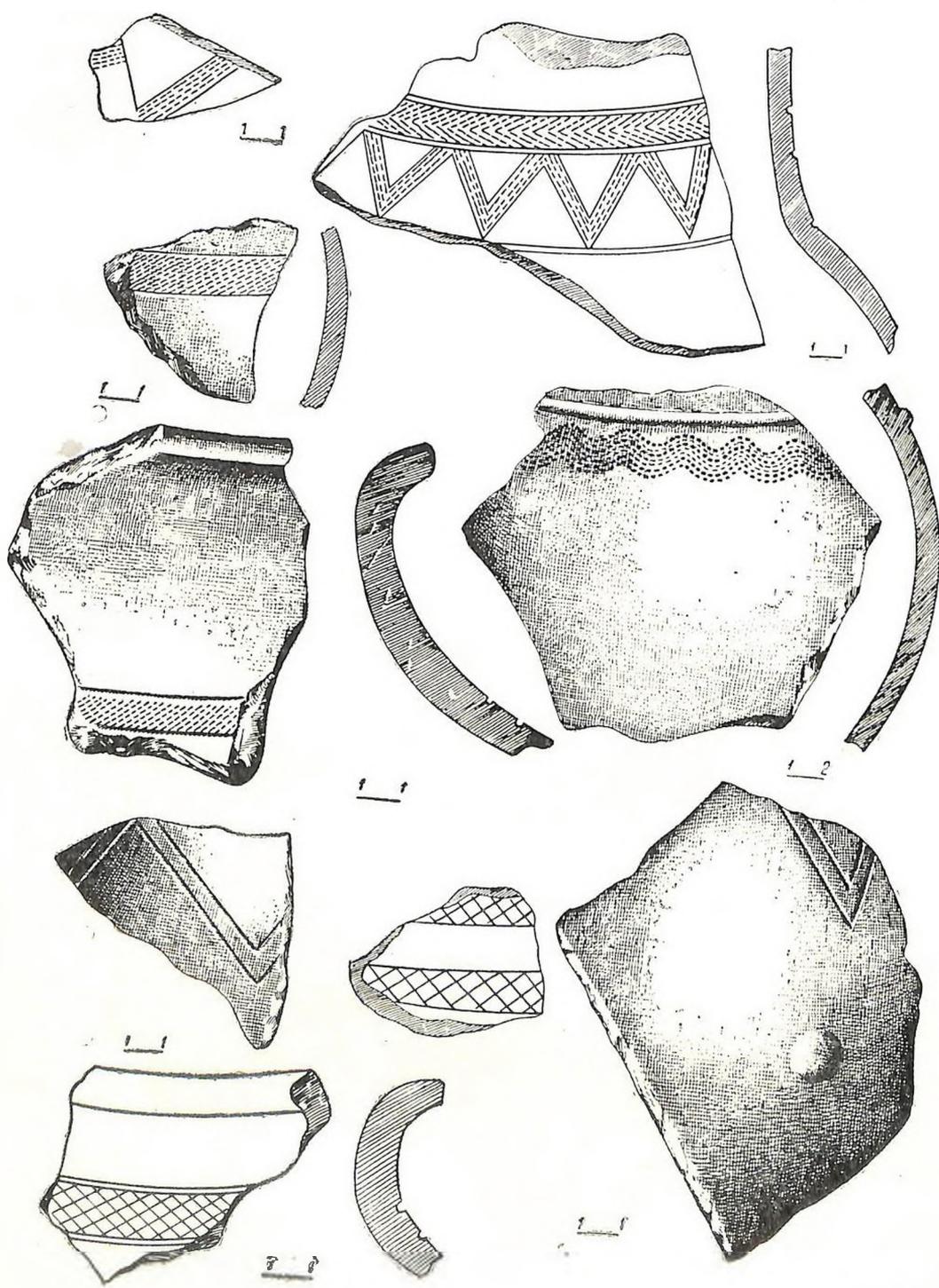
CONTENTS

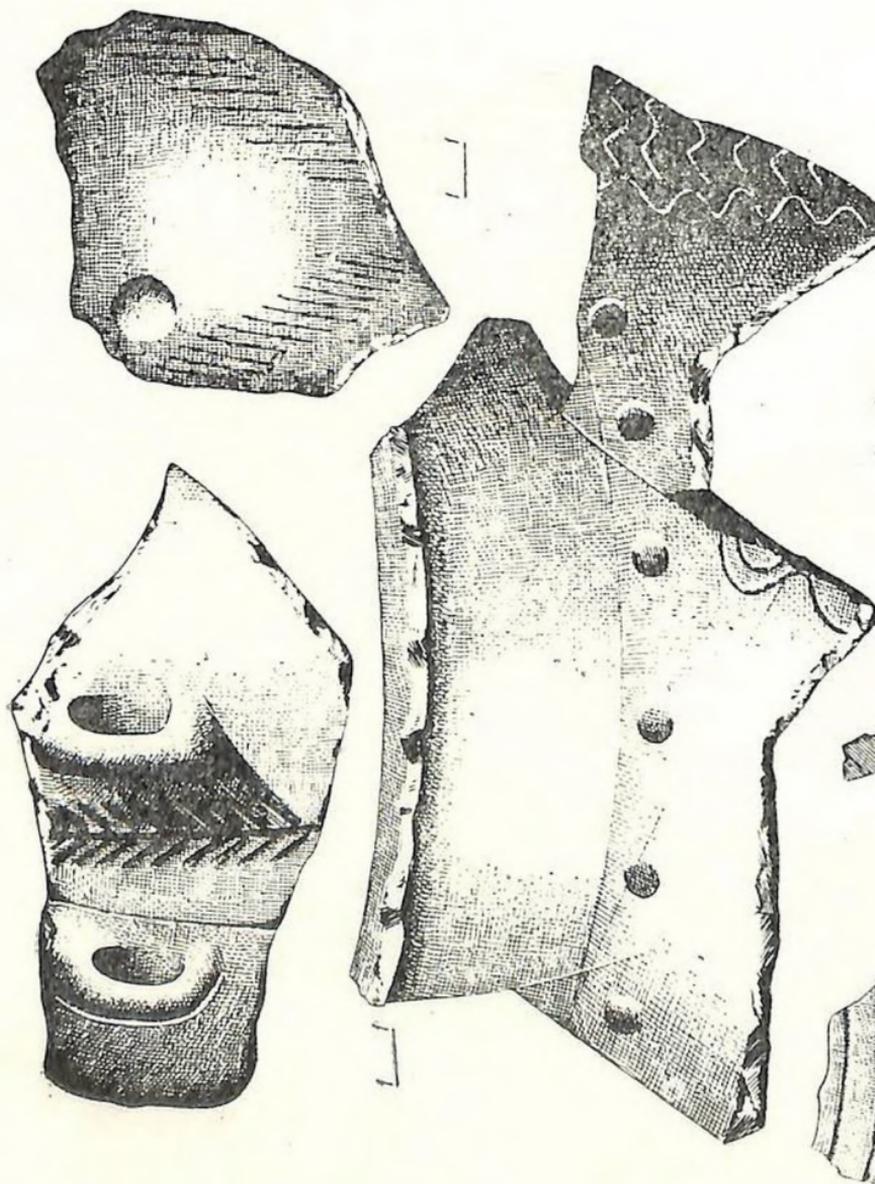
TABLES

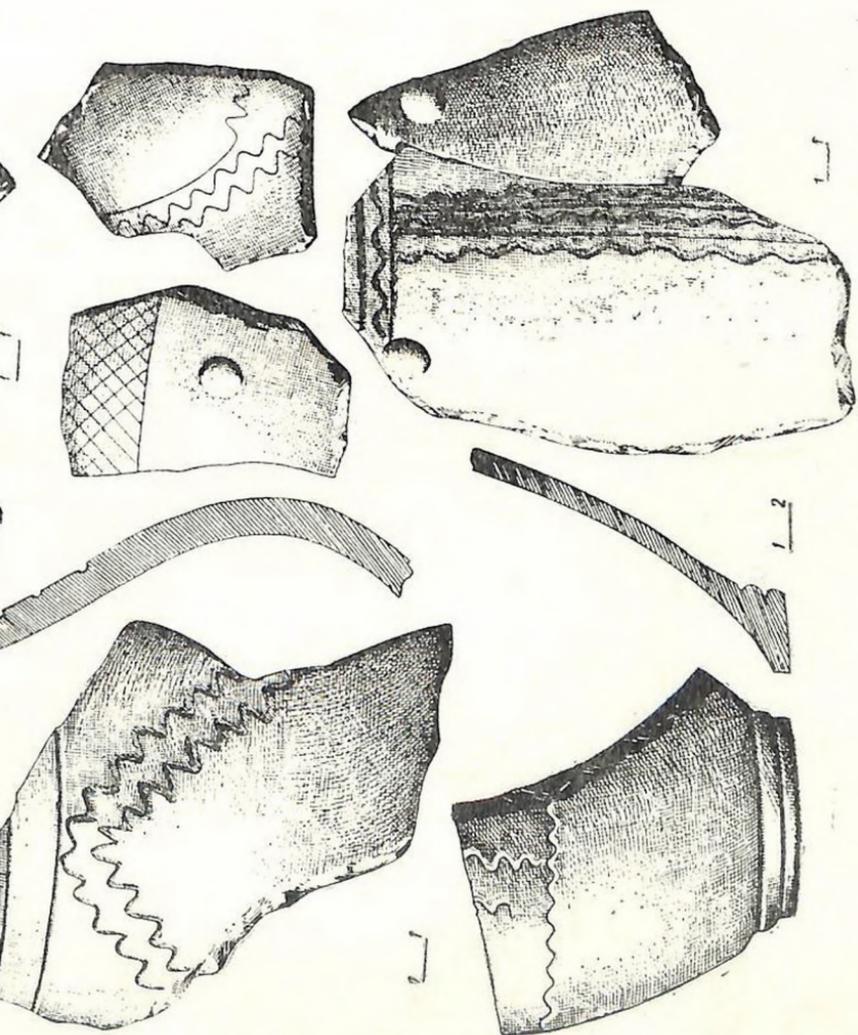

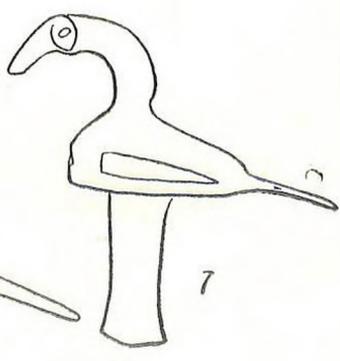
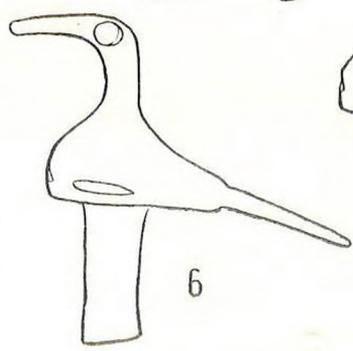
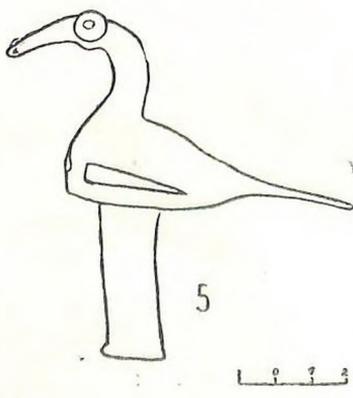
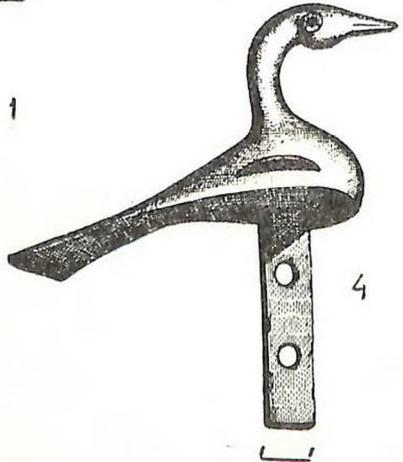
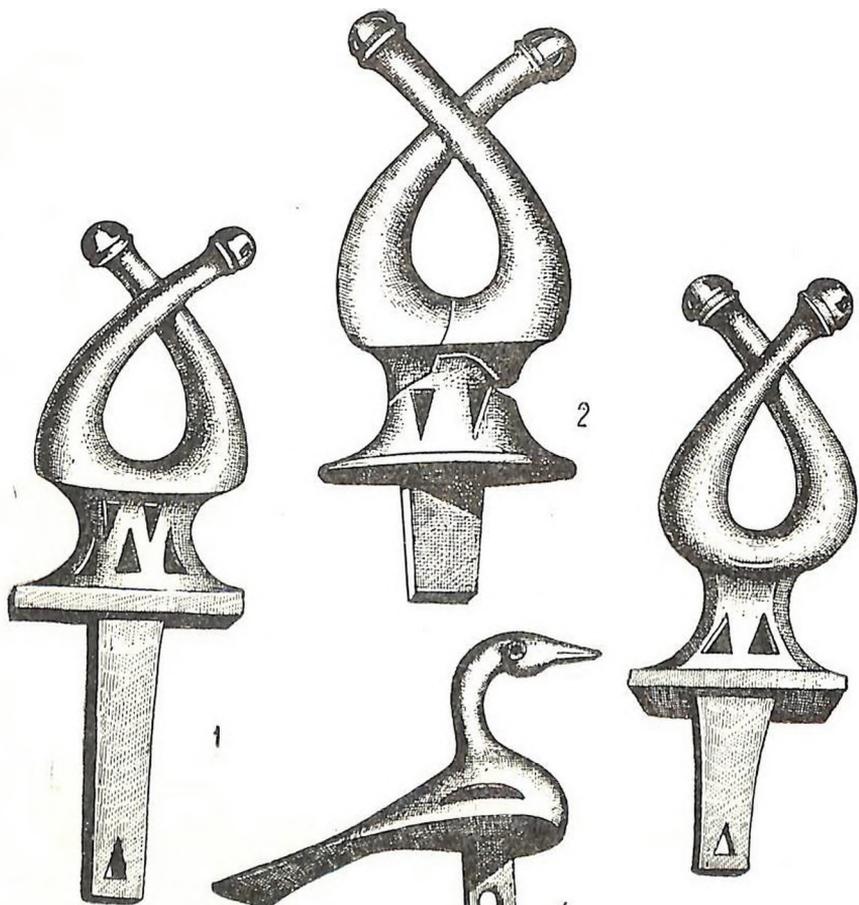
89-2

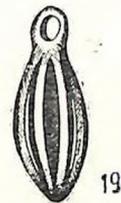
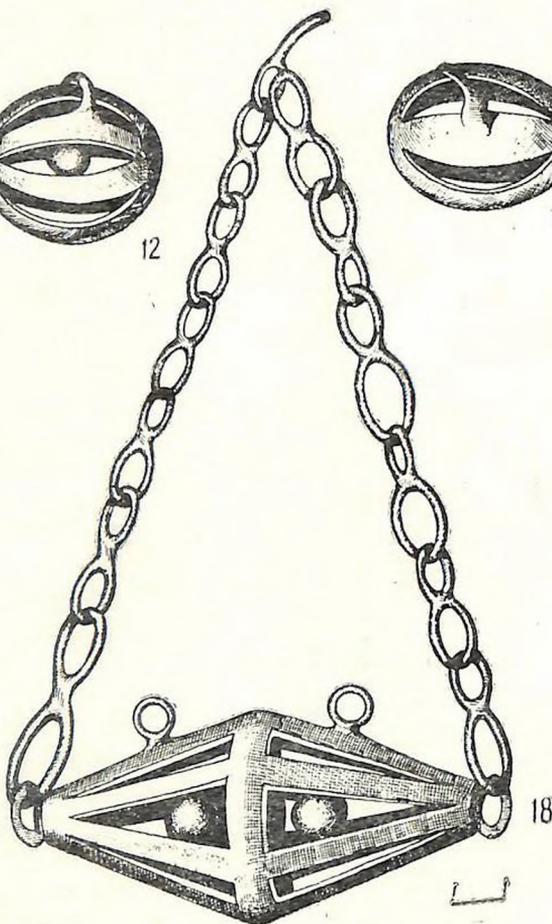
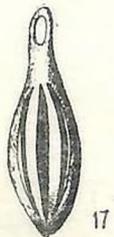
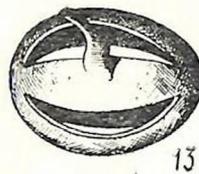
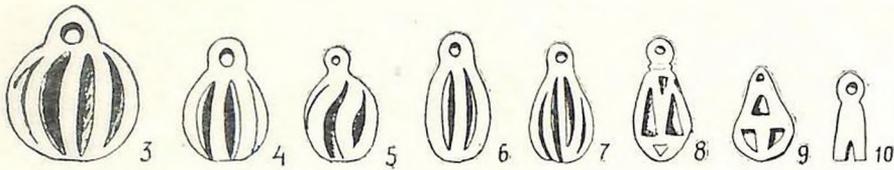
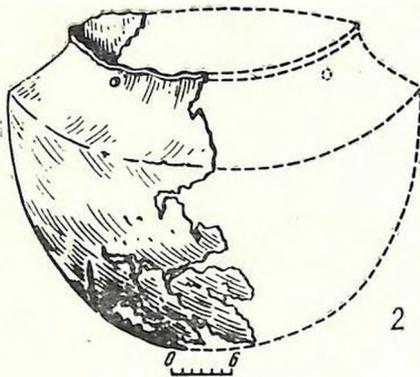
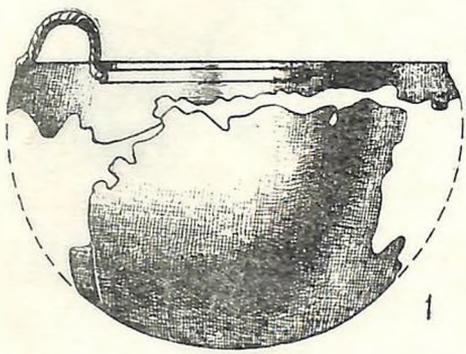

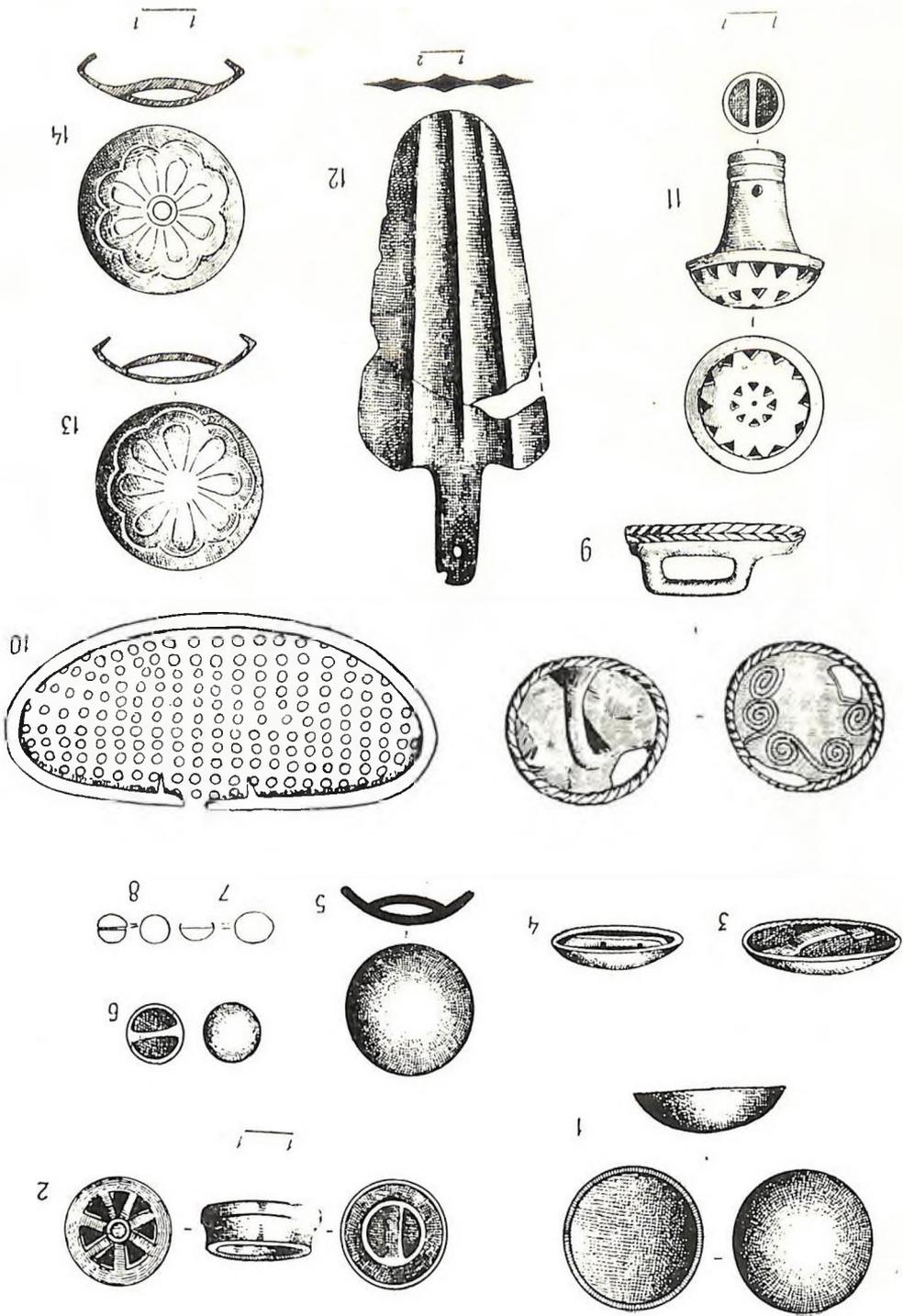

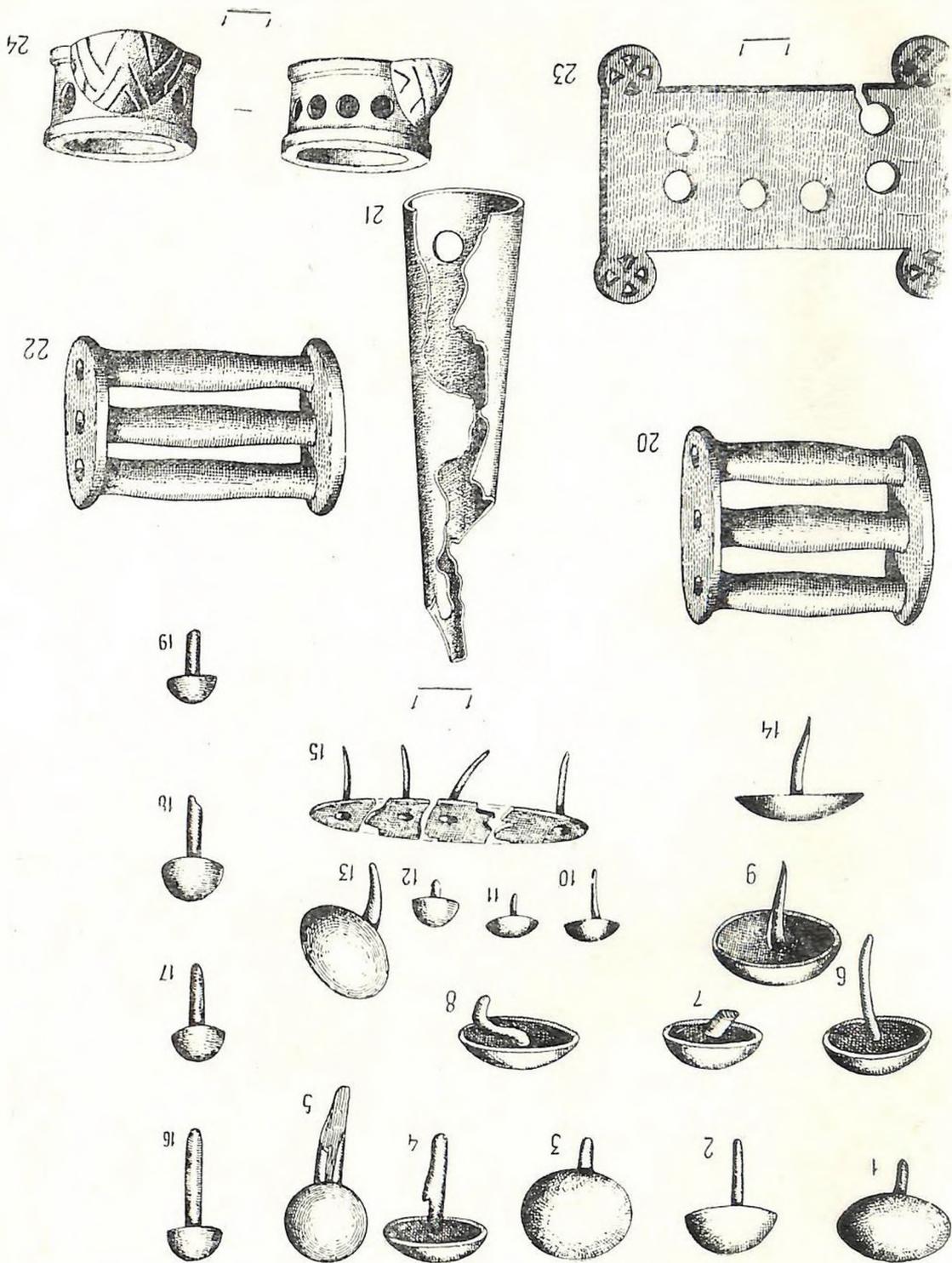

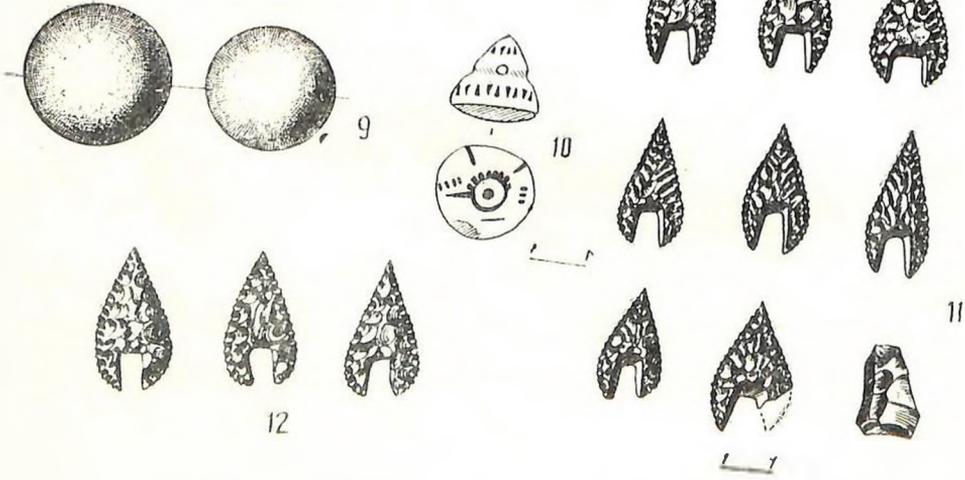
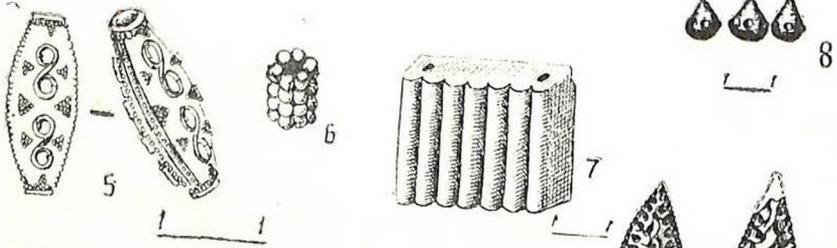
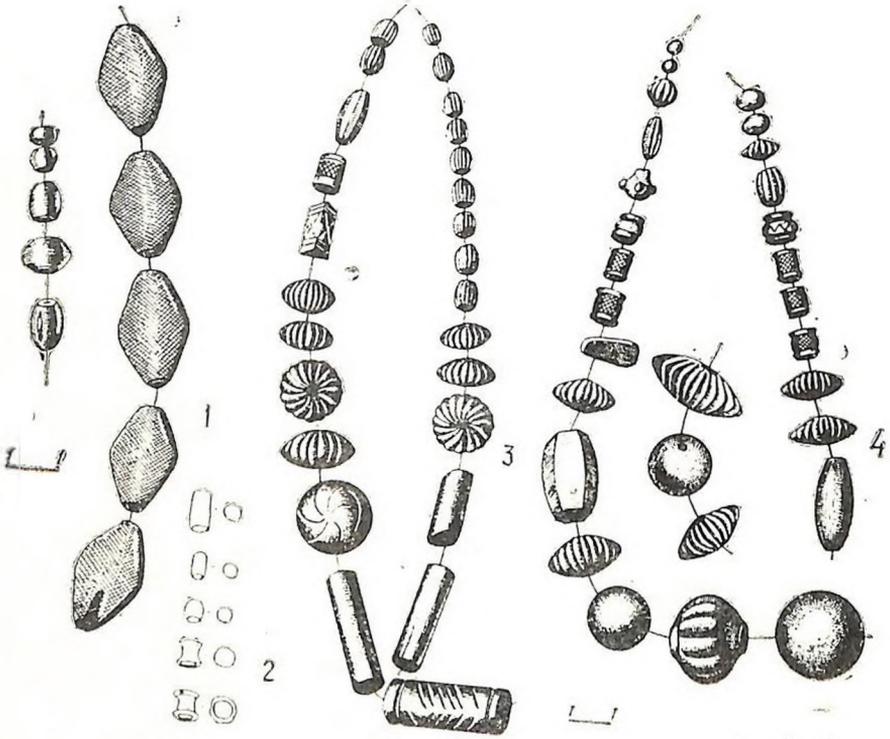

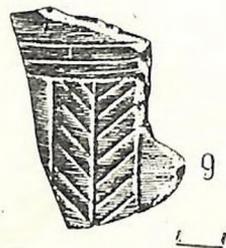
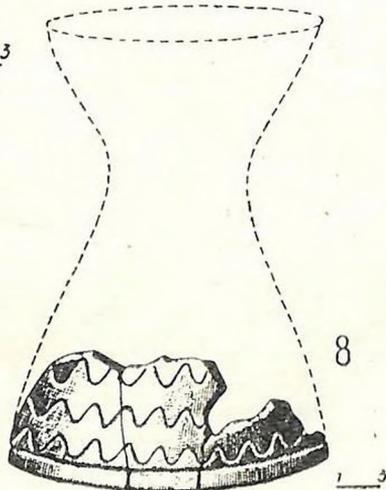
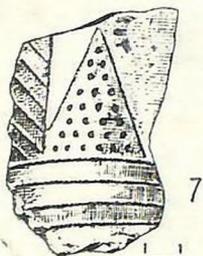
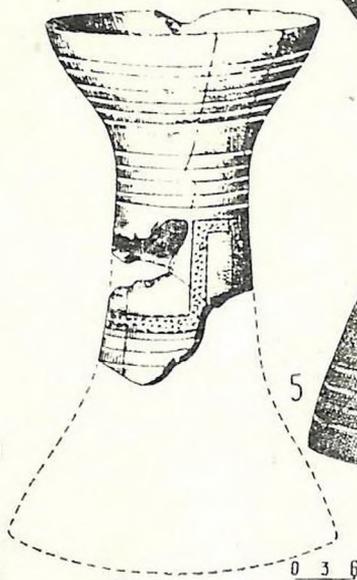
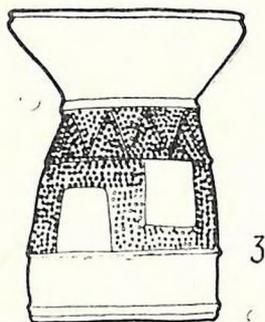
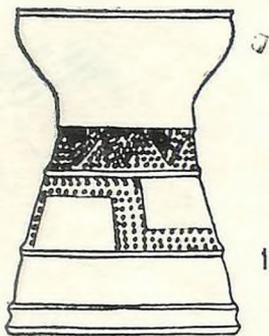

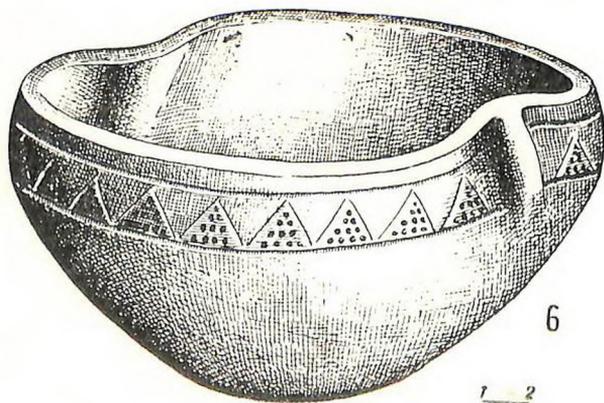
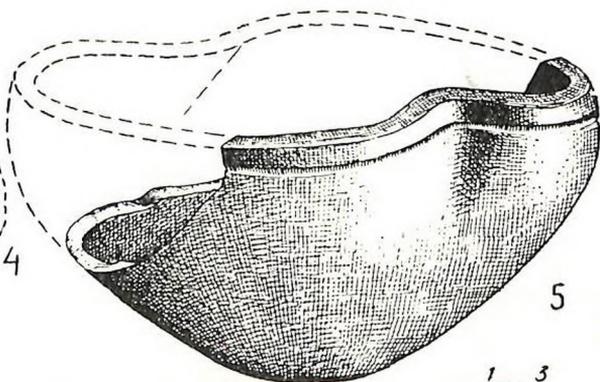
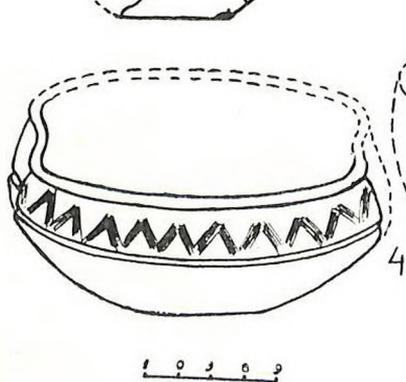
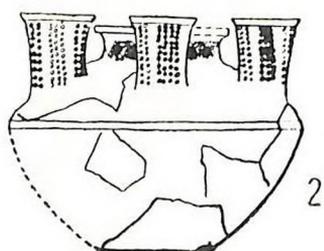
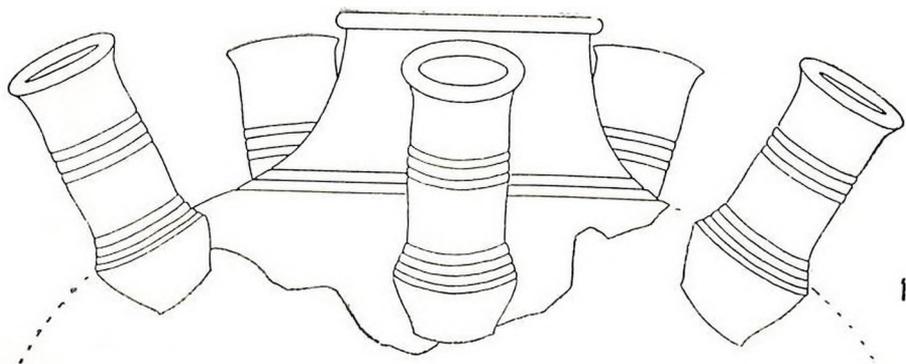

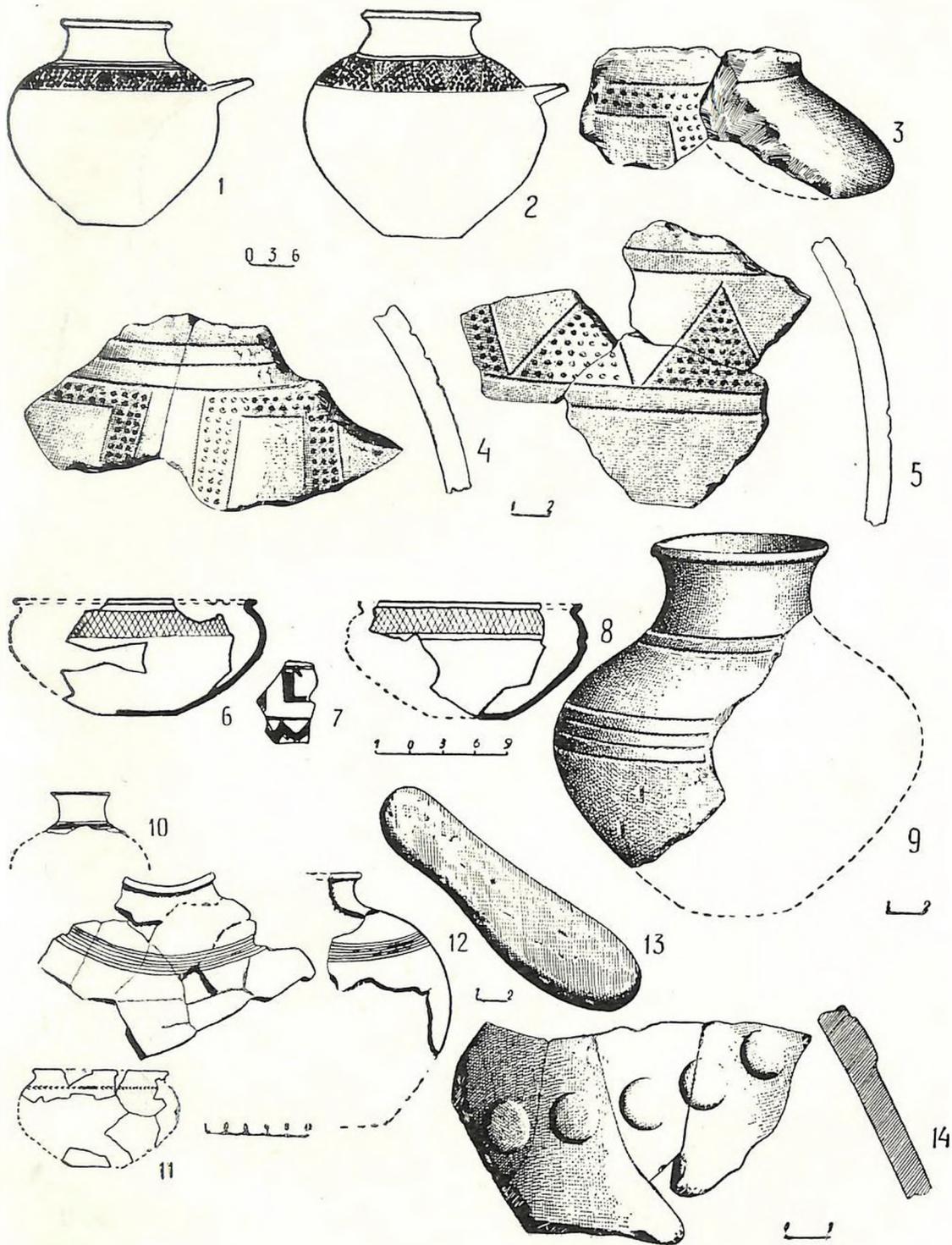

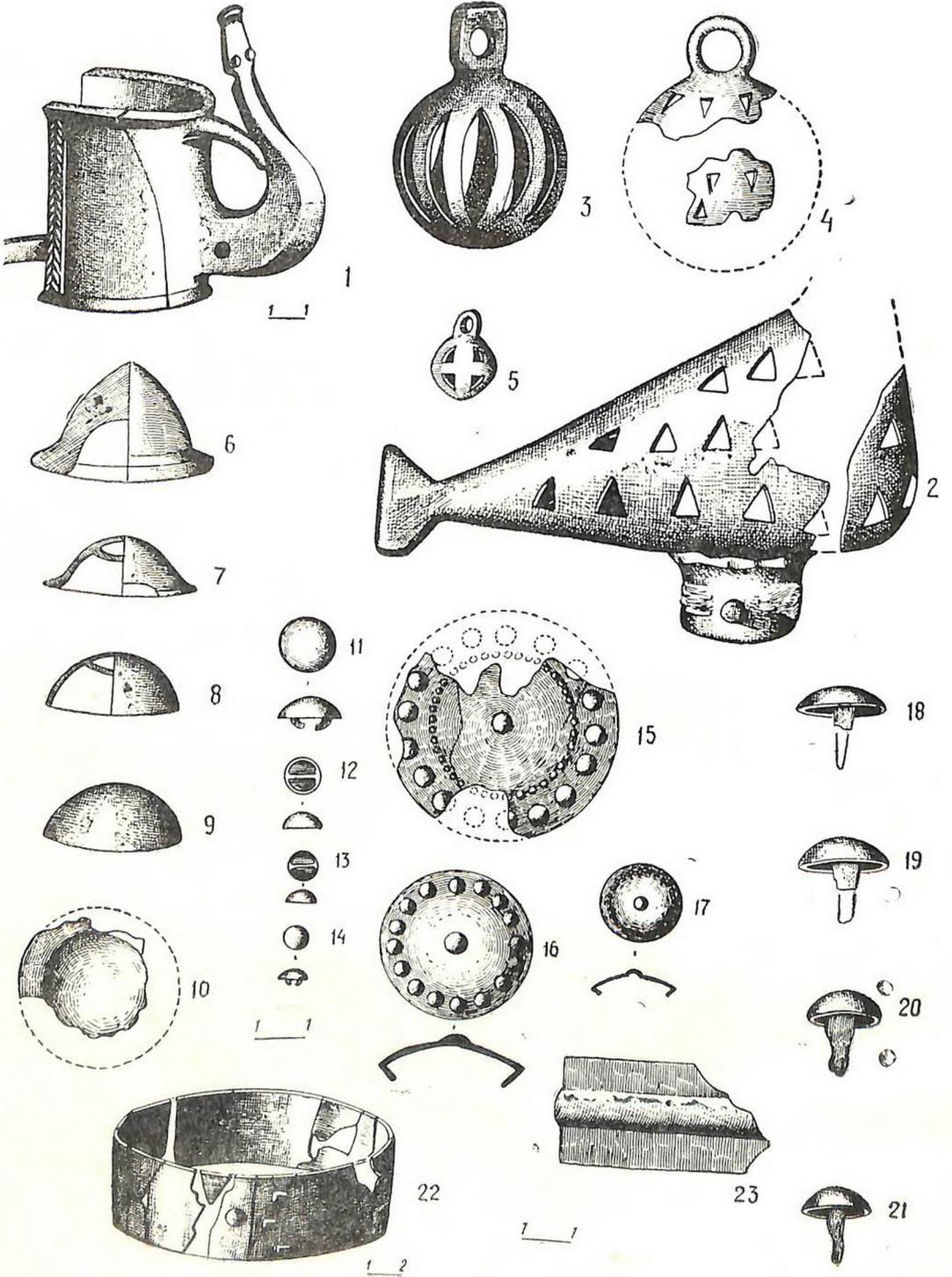

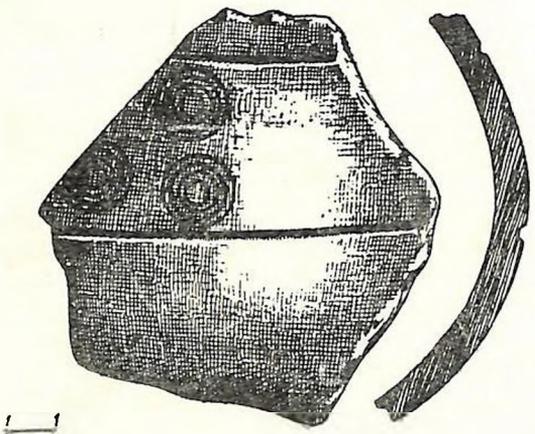
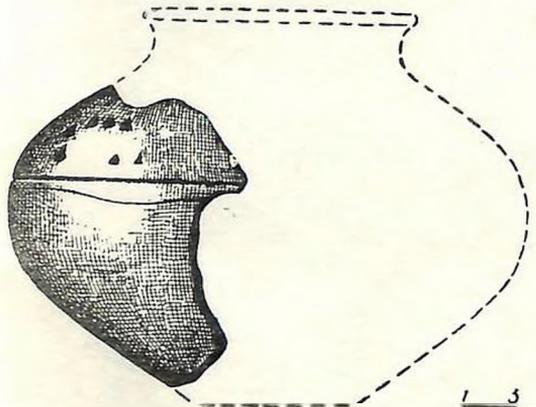
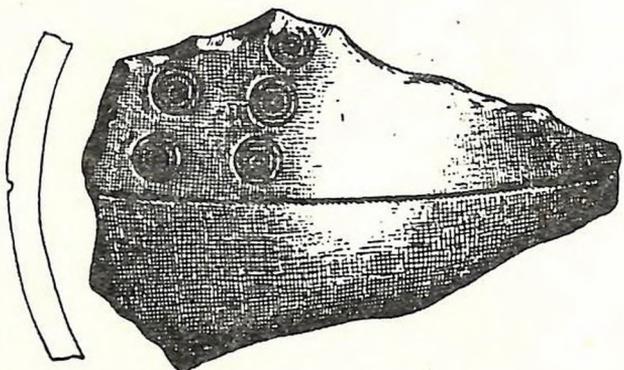
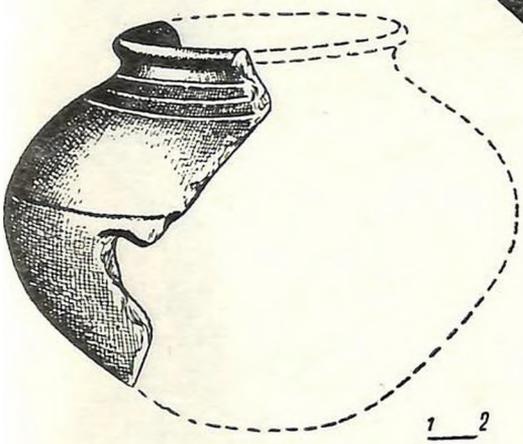
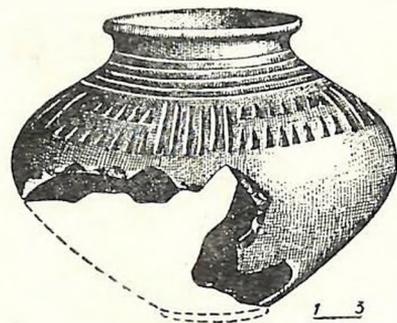

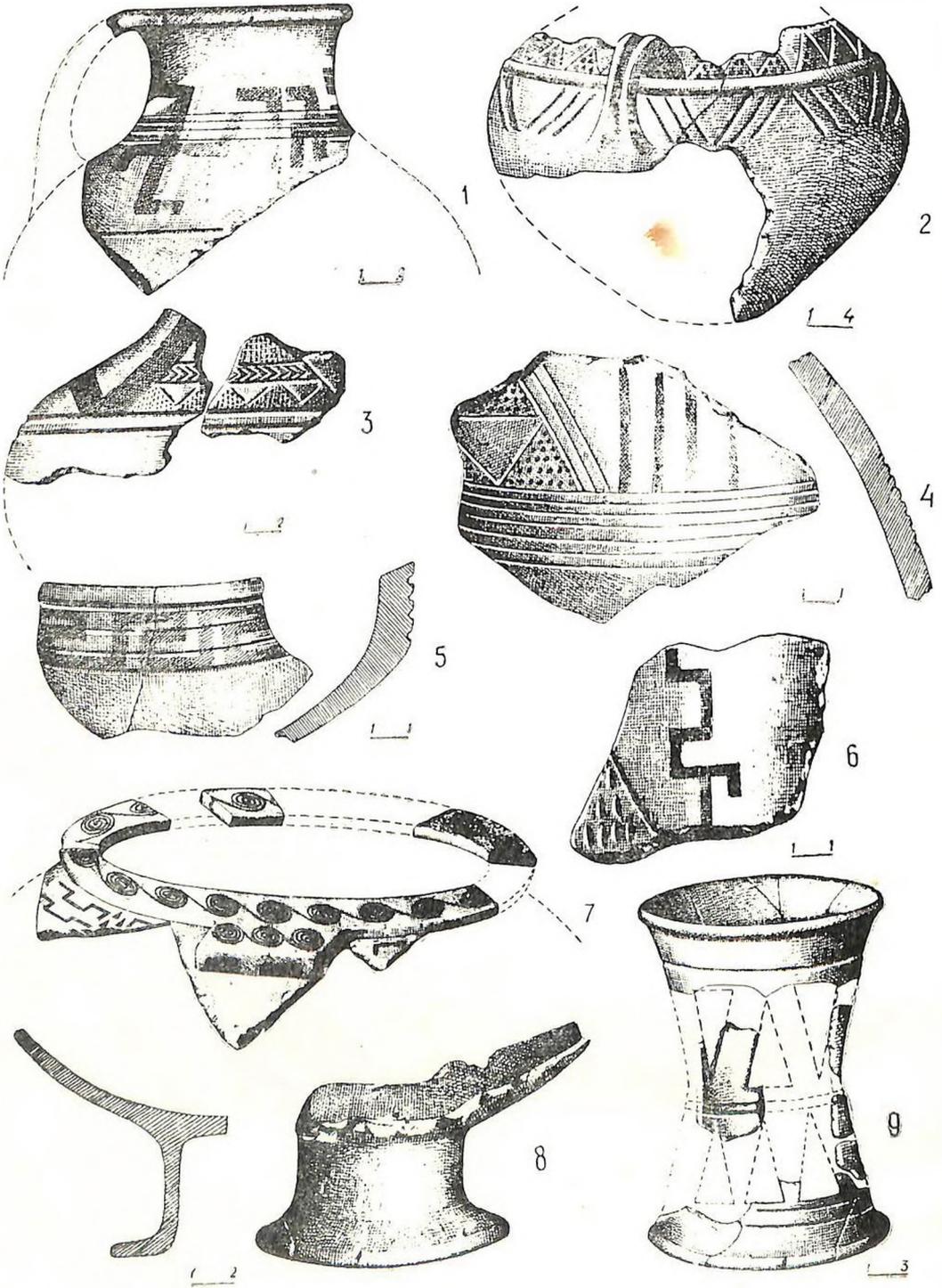

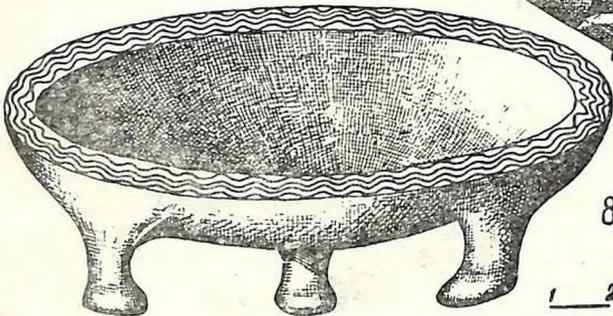
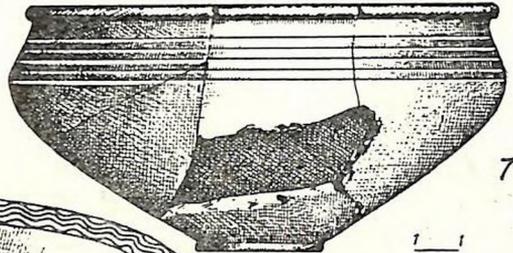
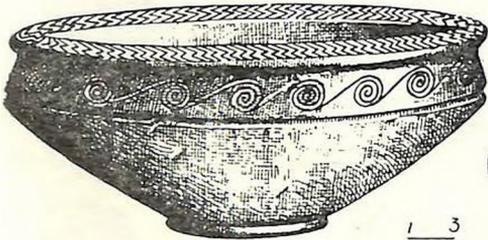
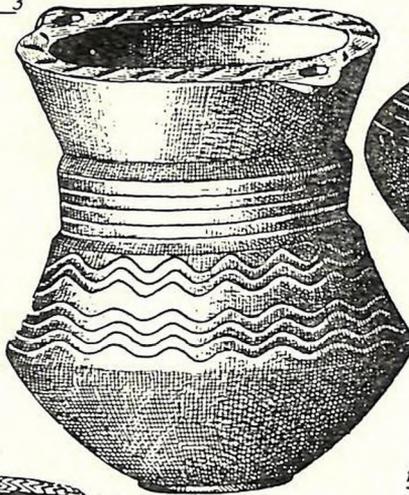
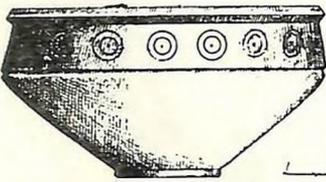
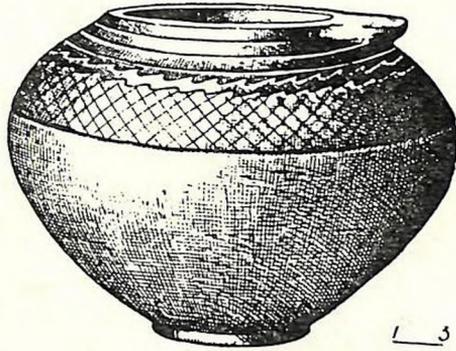

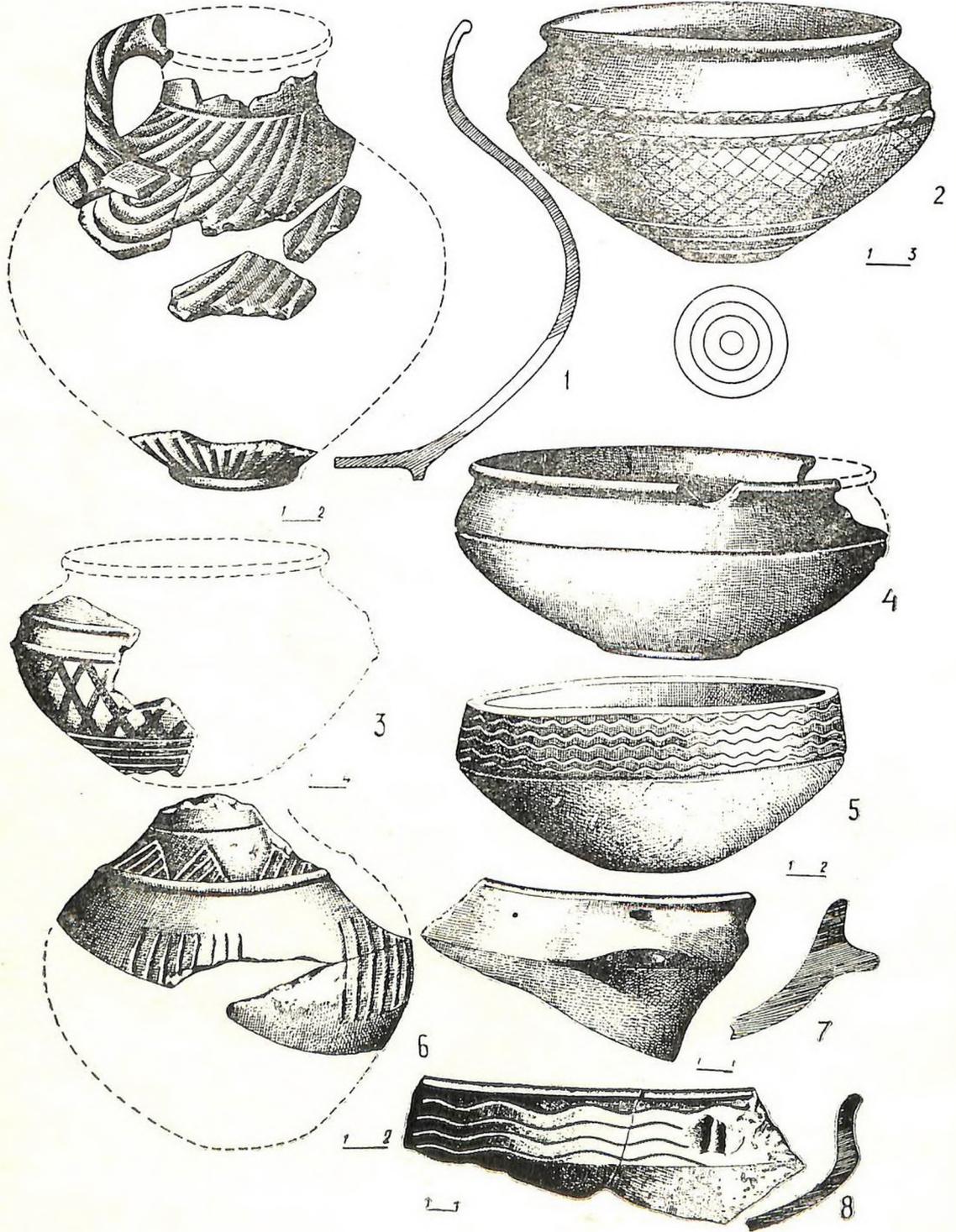

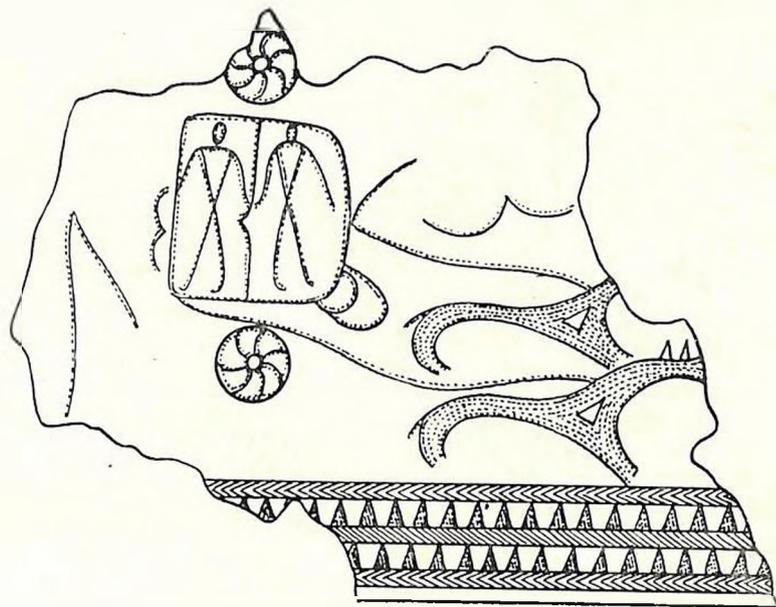
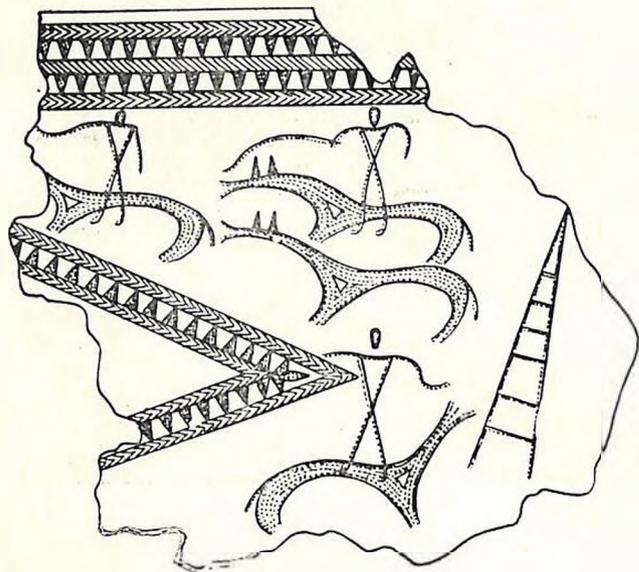
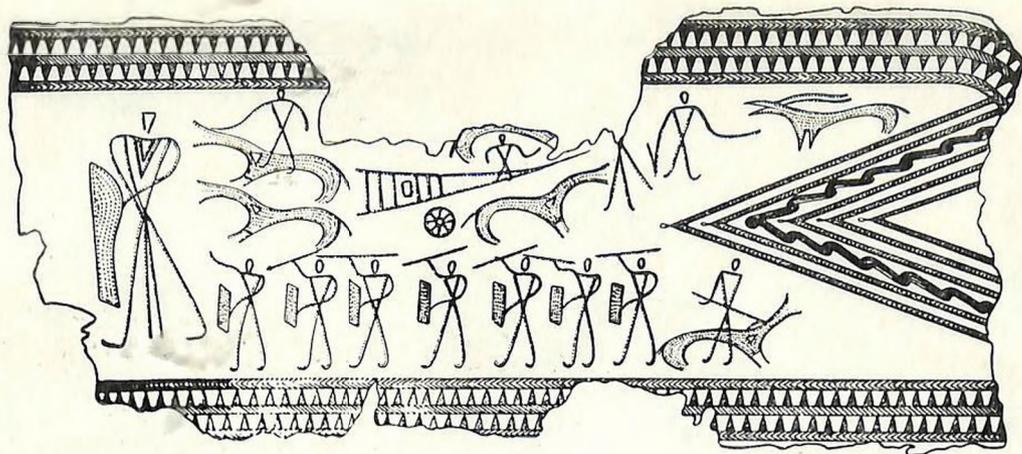

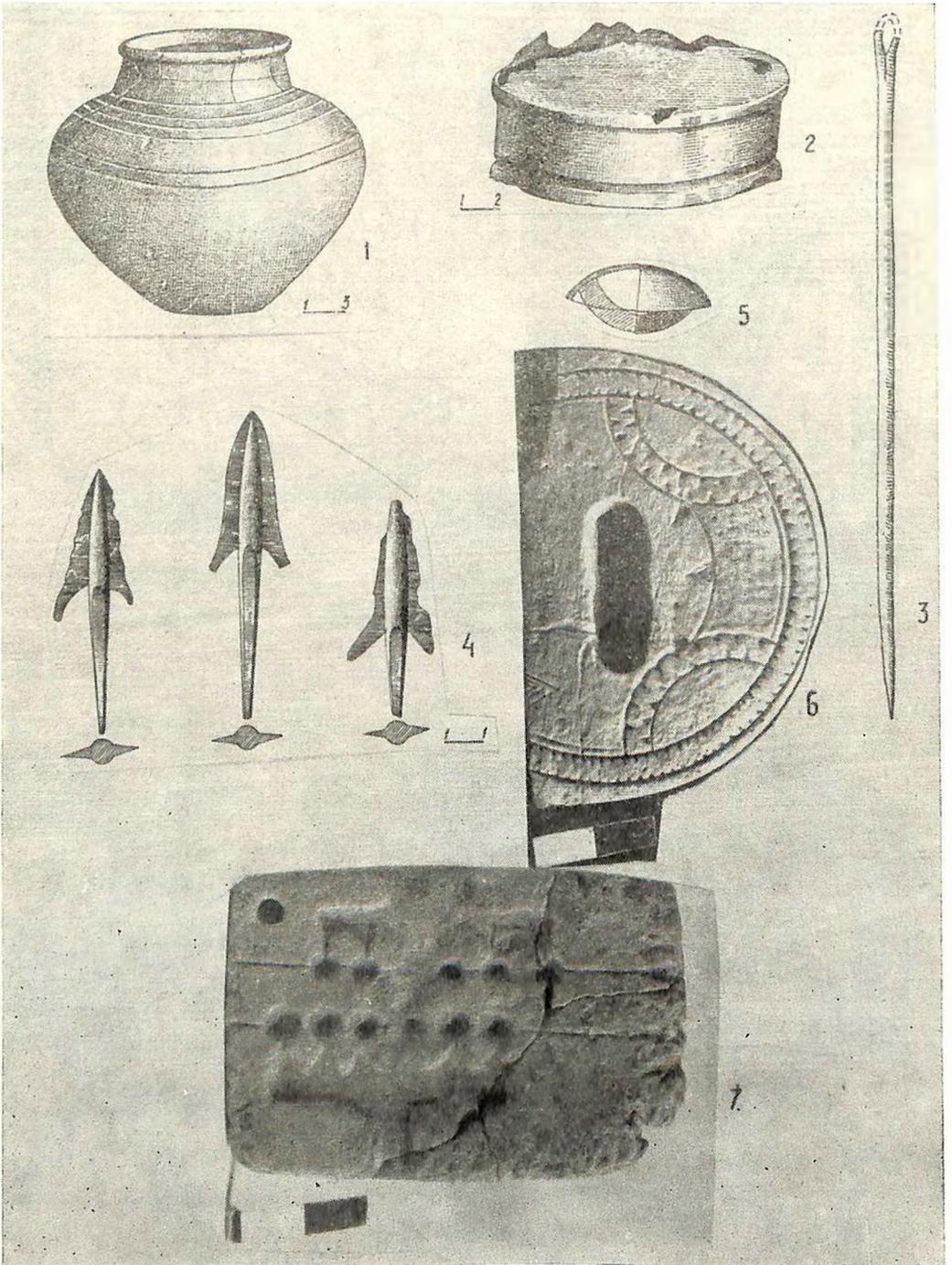

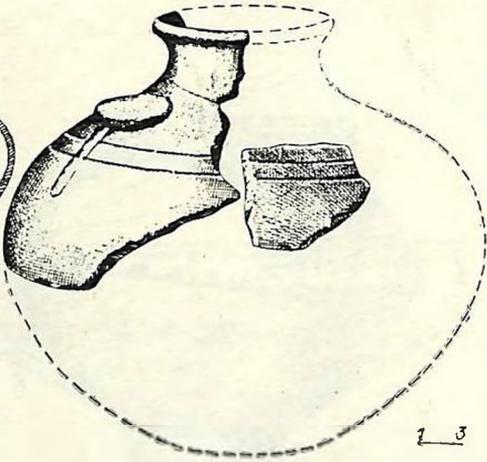
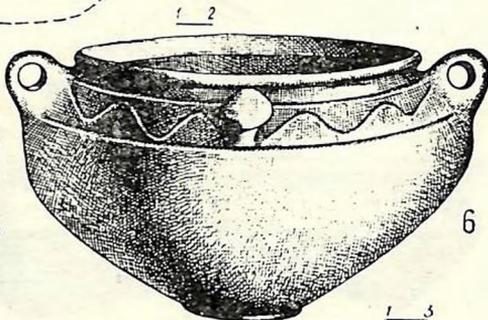
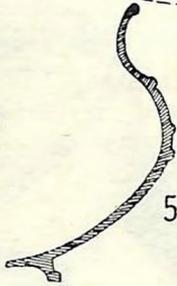
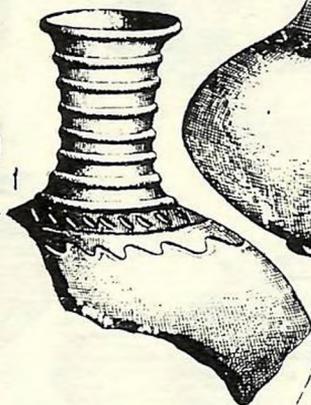

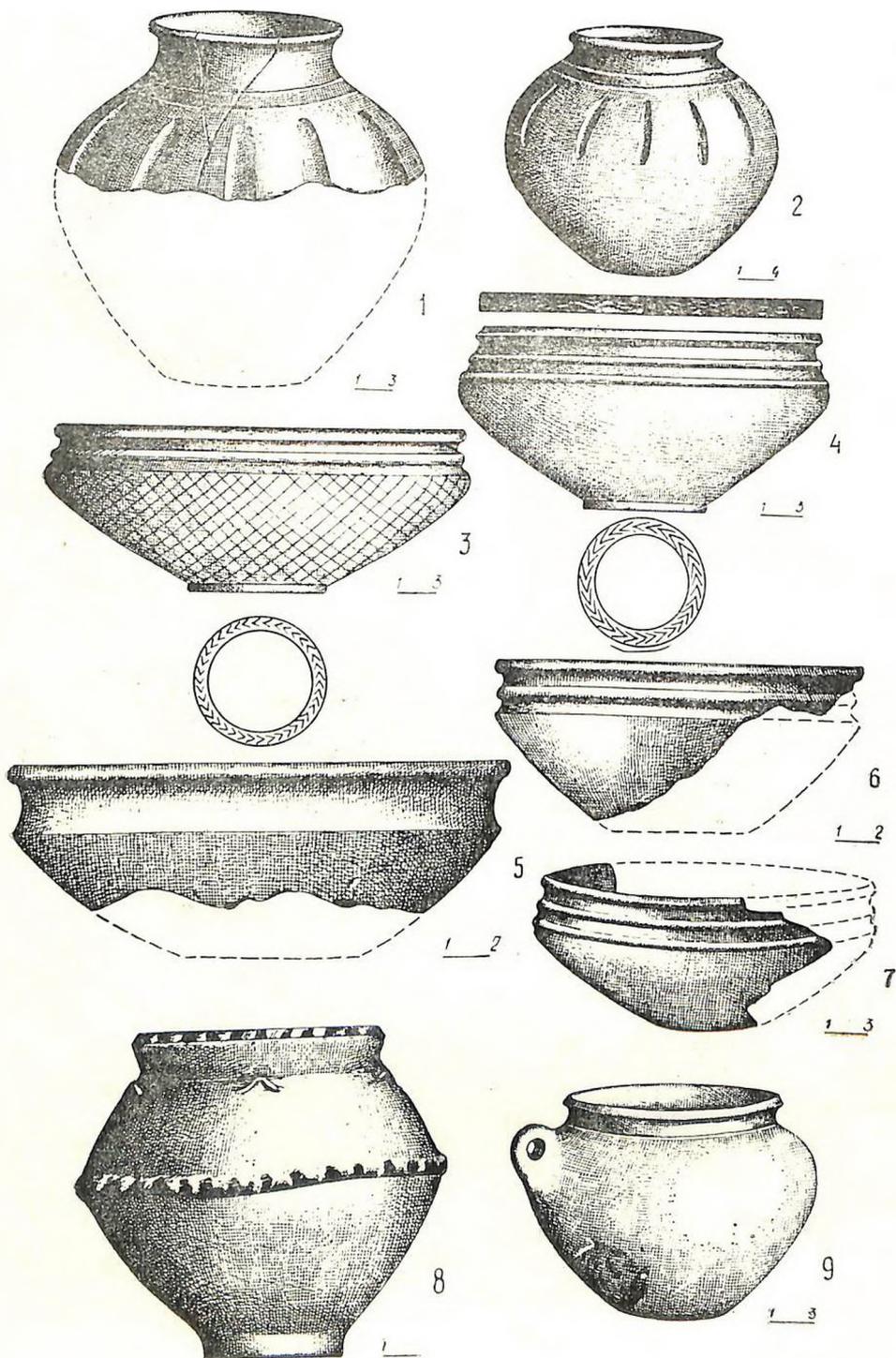

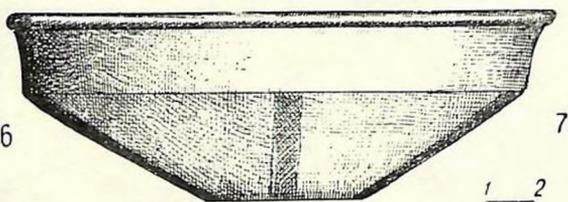
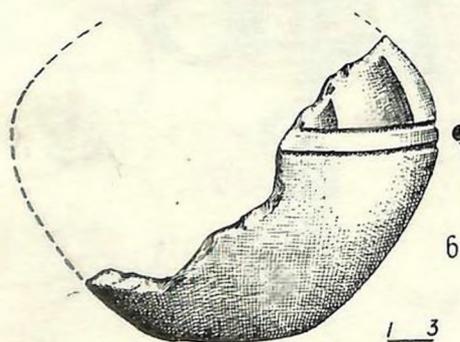
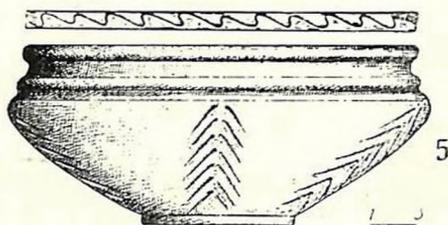
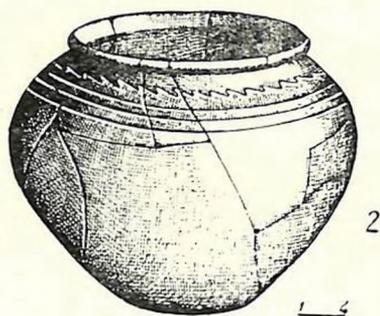
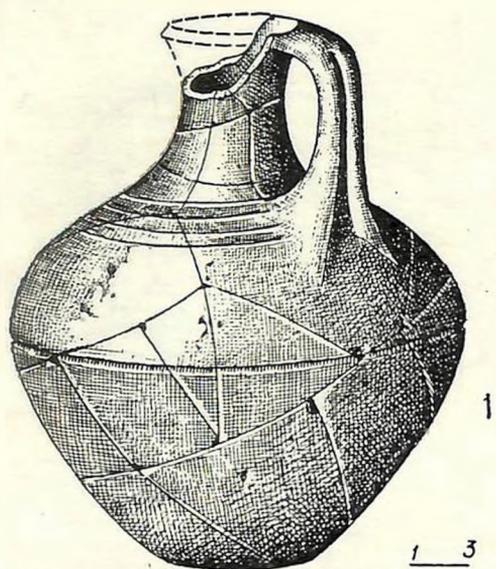

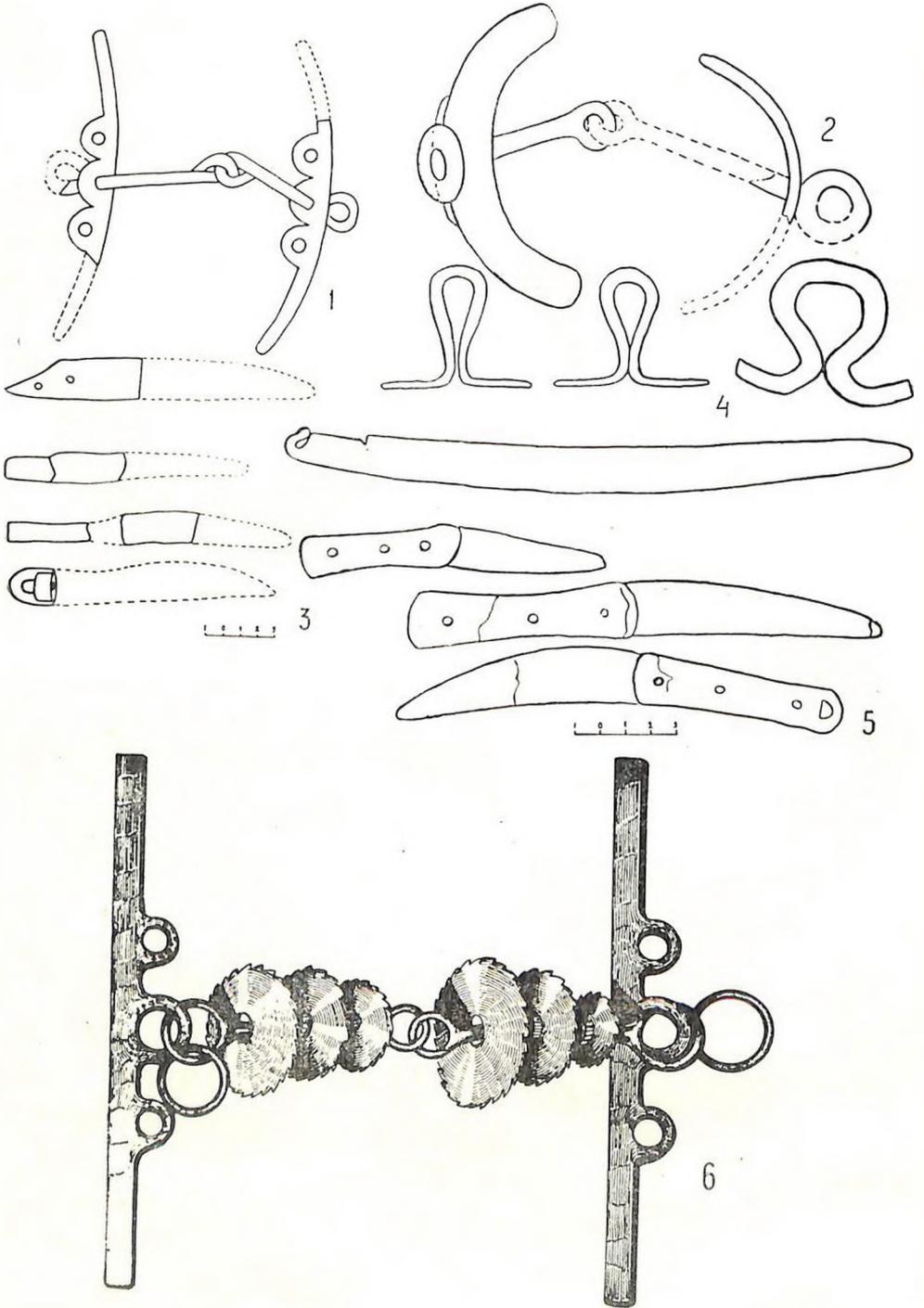

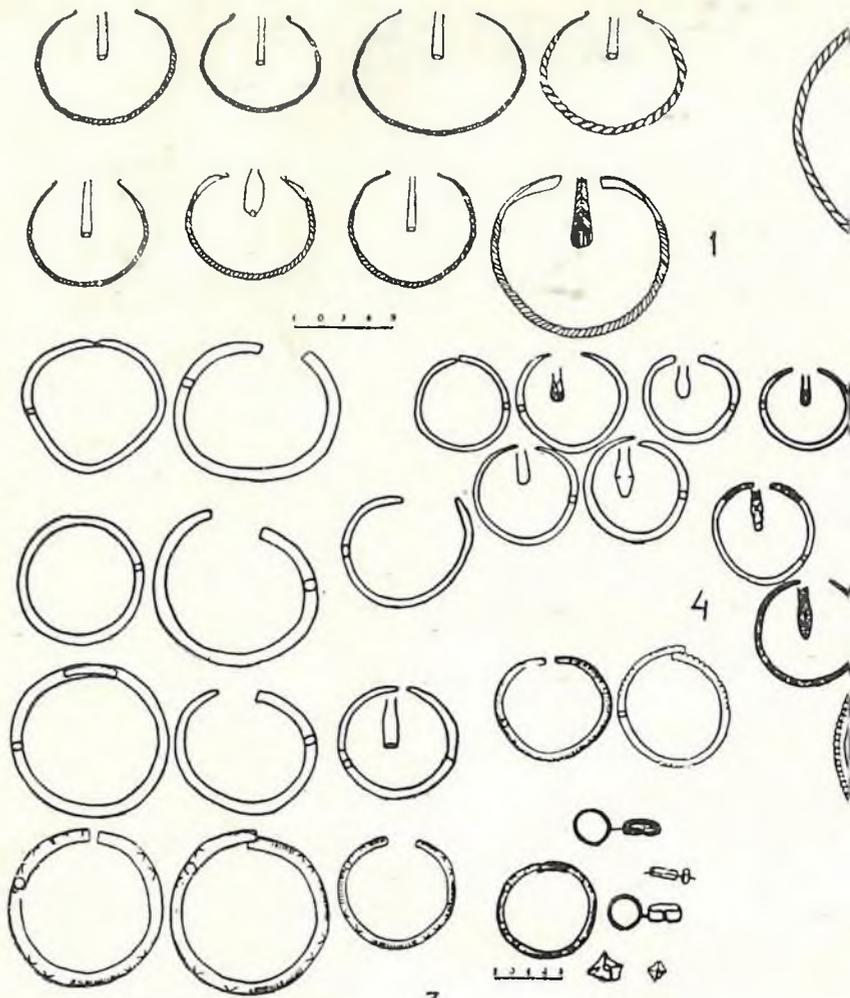

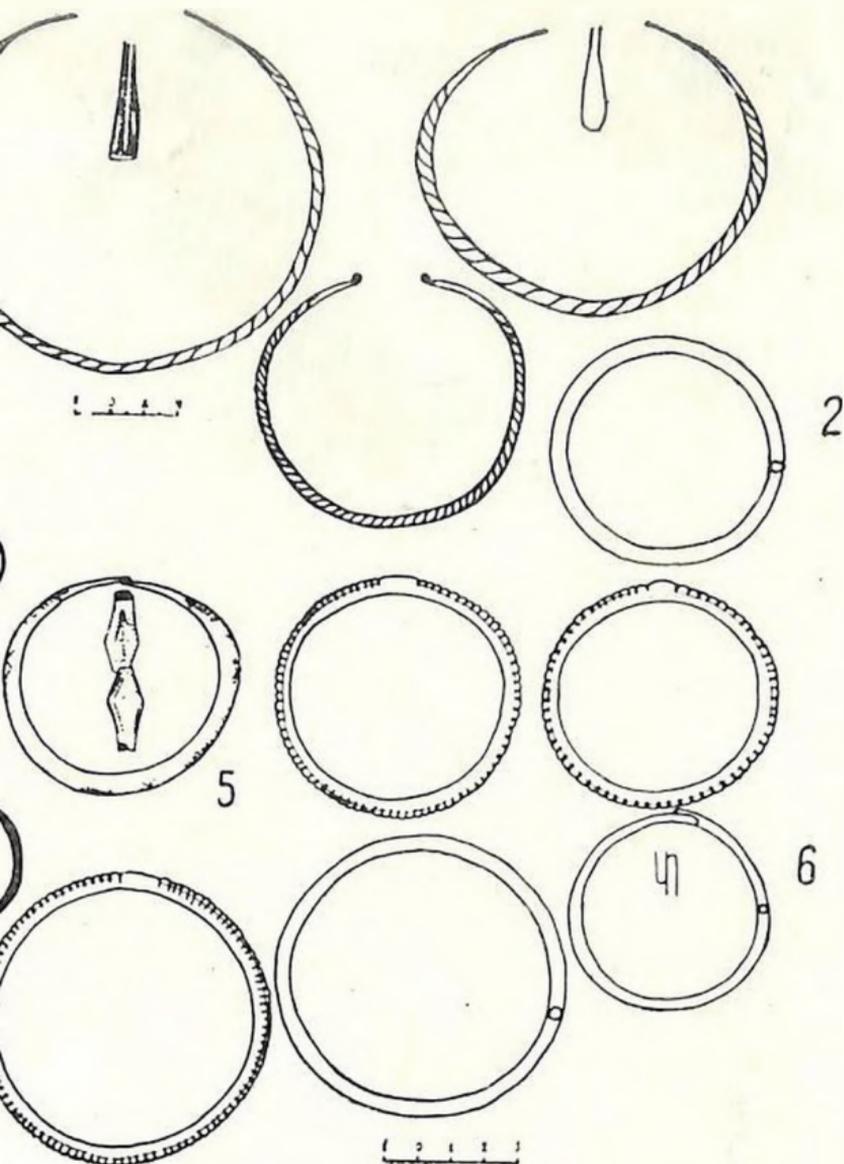

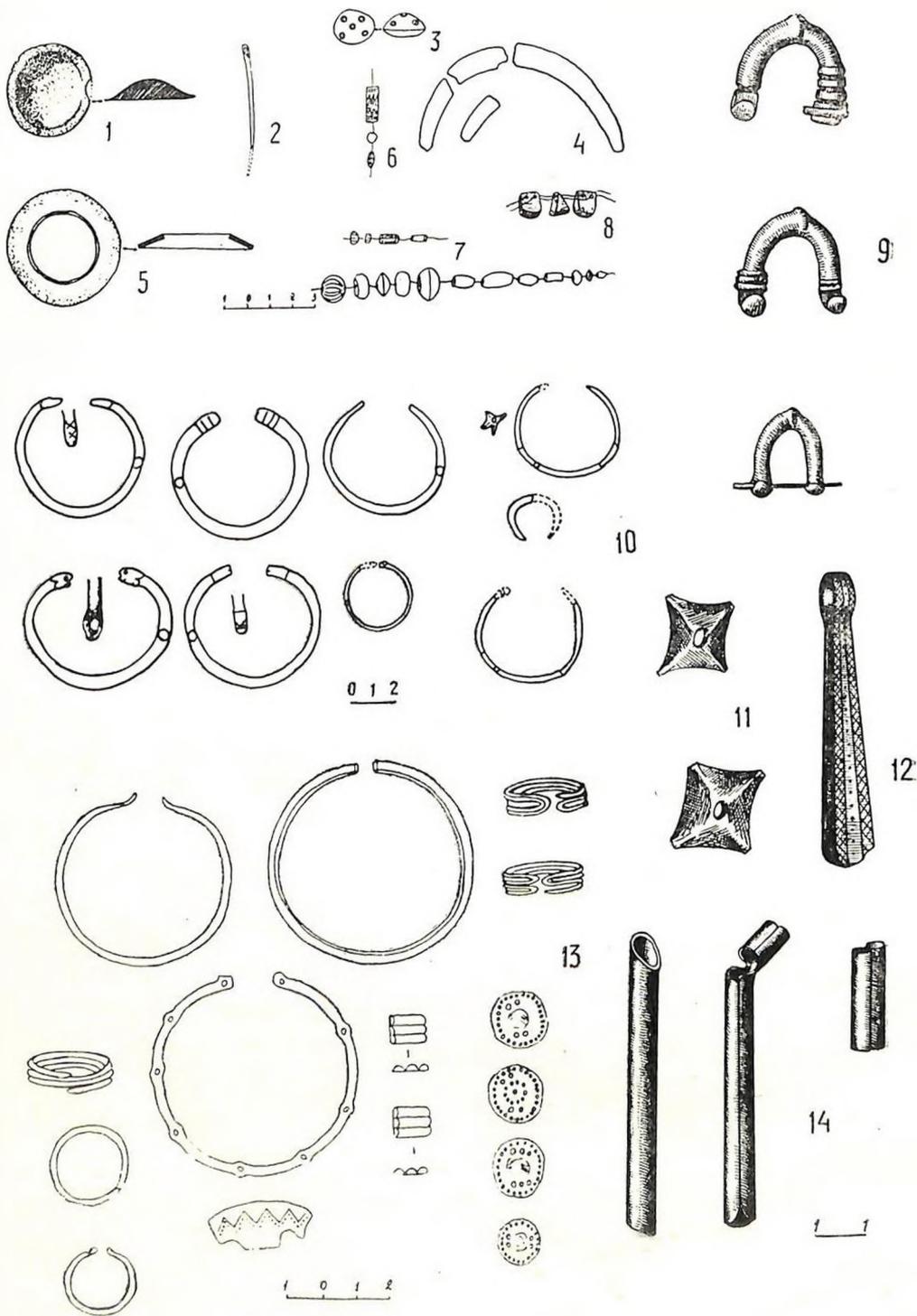

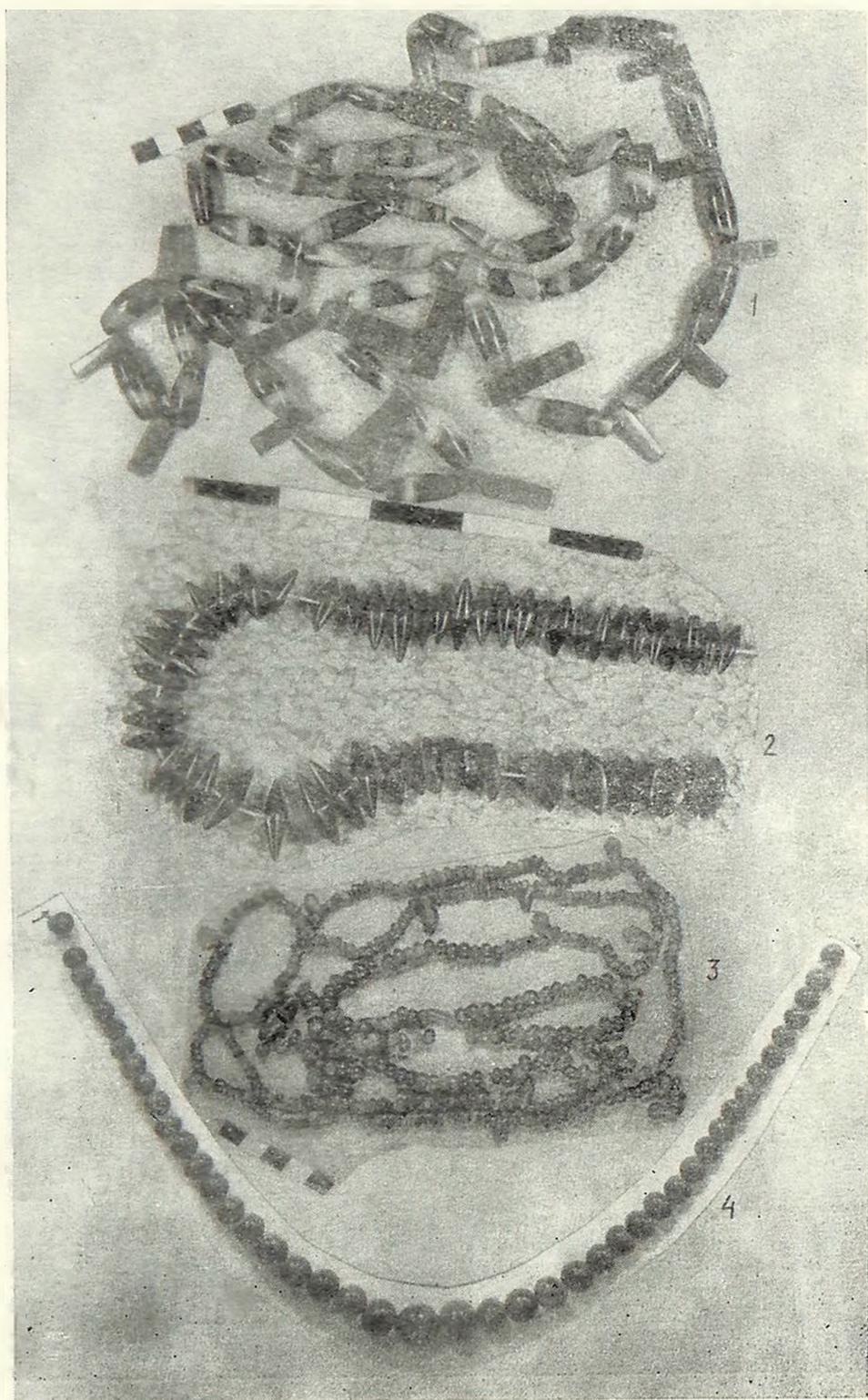

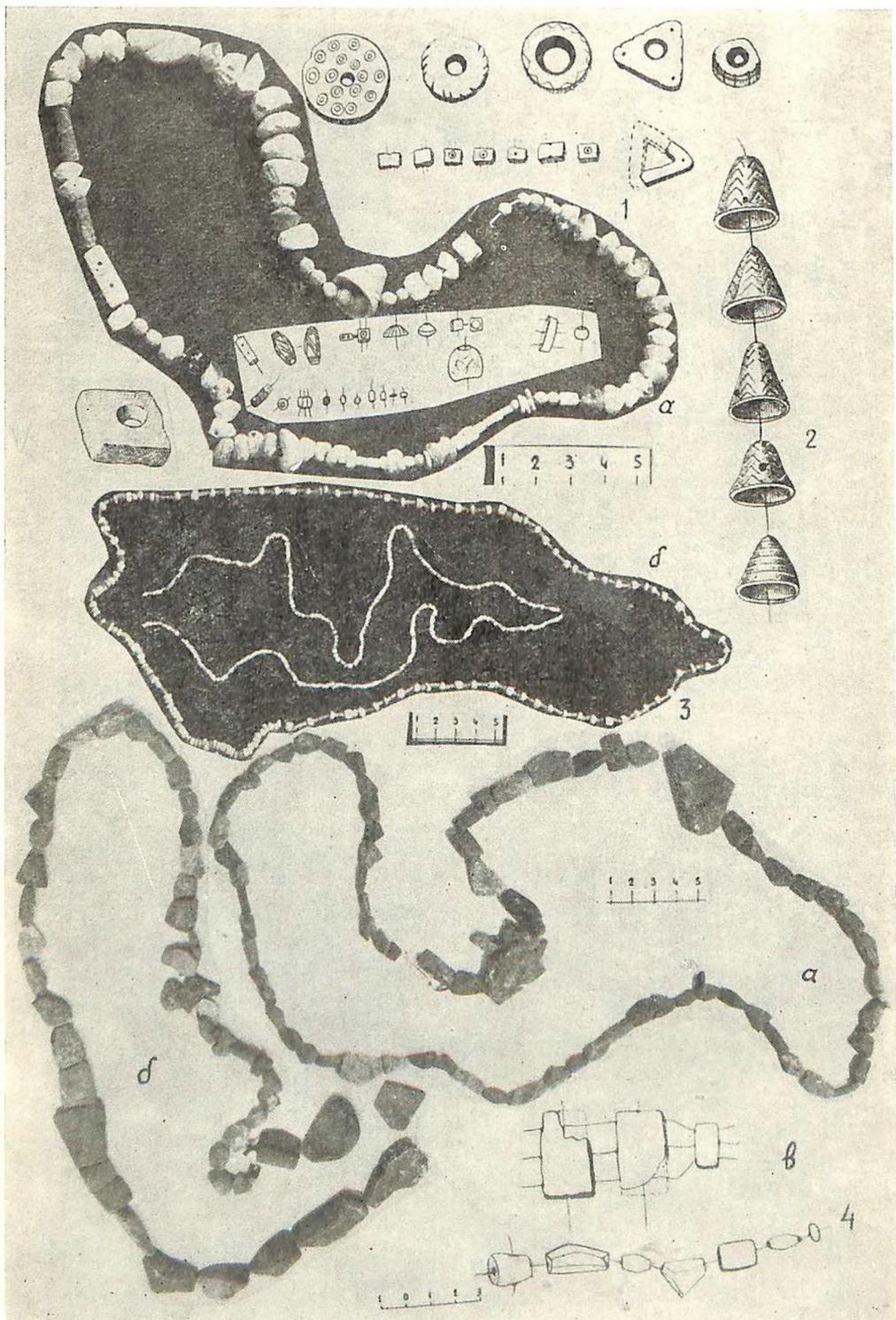

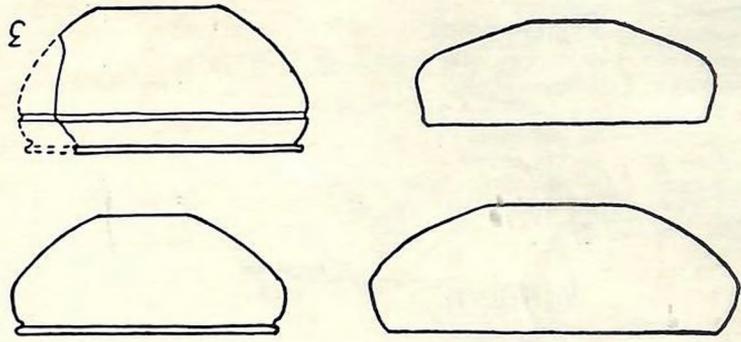
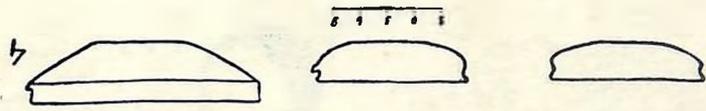
3

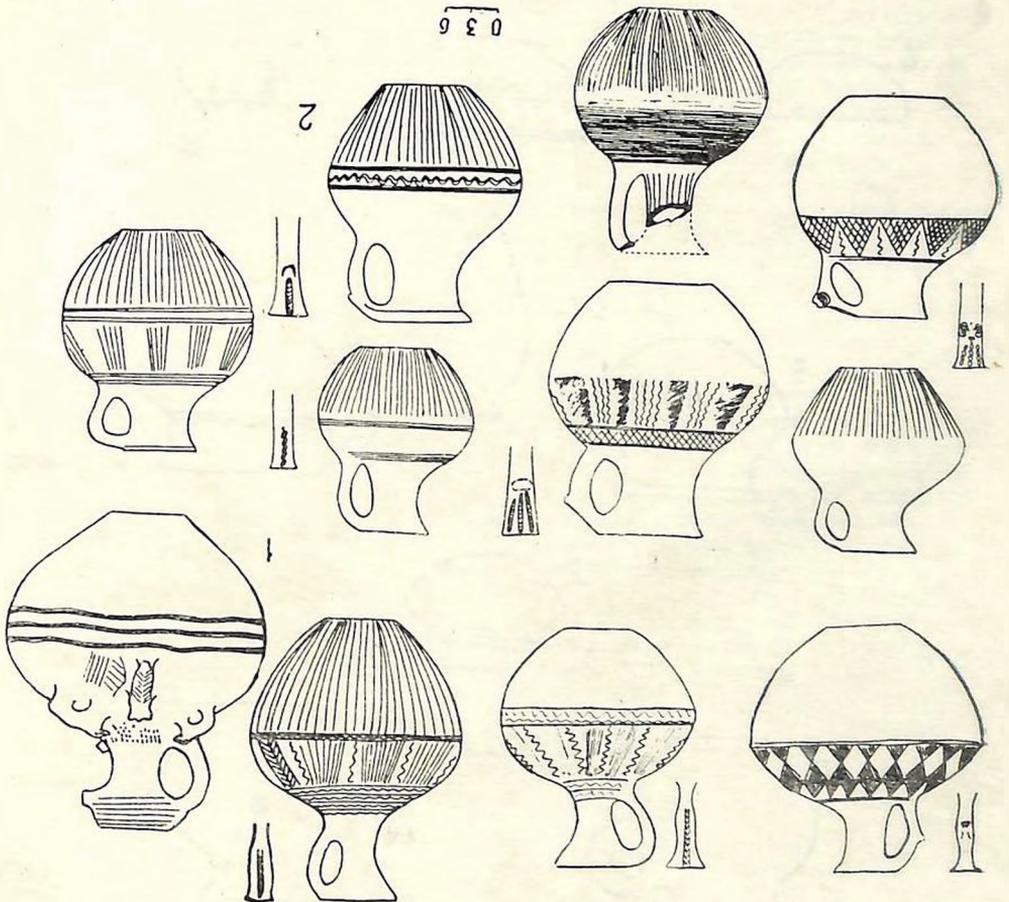

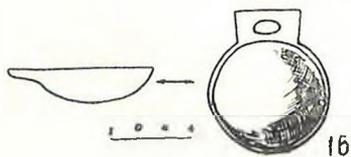
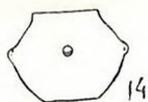
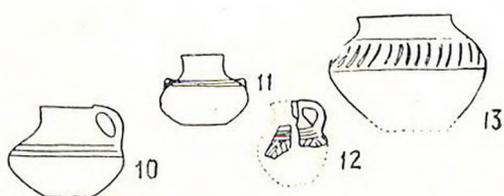
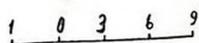
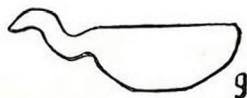
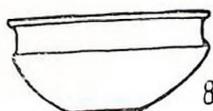
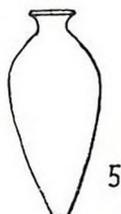
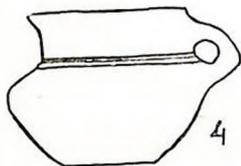
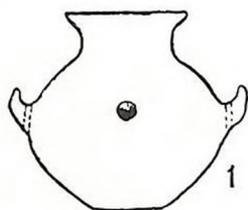

0 3 6

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
Глава I. Памятники эпохи средней бронзы	12
Глава II. Памятники эпохи поздней бронзы	25
Памятники ранней фазы	25
Памятники поздней фазы	41
Глава III. Памятники эпохи раннего железа	51
Памятники ранней фазы	51
Памятники эпохи широкого освоения железа	58
Список сокращений	76
Резюме (на арм. яз.)	77
Резюме (на англ. яз.)	80
Список рисунков	82
Список таблиц	82
Таблицы	85

Բ Ո Վ Ա Ն Գ Ա Կ ՈՒԹՅՈՒՆ

Ներածություն	5
Գլուխ I. Միջին բրոնզի դարաշրջանի հուշարձանները	12
Գլուխ II. Ուշ բրոնզի դարաշրջանի հուշարձանները	25
Վաղ փուլի հուշարձանները	25
Ուշ փուլի հուշարձանները	41
Գլուխ III. Վաղ երկաթի դարաշրջանի հուշարձանները	51
Վաղ փուլի հուշարձաններ	51
Երկաթի լայն տարածման դարաշրջանի հուշարձանները	58
Համառոտագրություններ	76
Ամփոփում (հայերեն)	77
Ամփոփում (անգլերեն)	80
Նկարների ցուցակ	83
Աղյուսակների ցուցակ	83
Աղյուսակներ	85

C O N T E N T S

Introduction	5
Chapter I, Middle Bronze age monuments	12
Chapter II, Late Bronze age monuments	25
Monuments of the early phase	25
Monuments of the late phase	41
Chapter III, Early iron age monuments	51
Monuments of the early phase	51
Monuments of the age of wide exploitation of iron	58
Abbreviations	76
Summary (in armenian)	77
Summary (in english)	80
List of the figures	84
List of the tables	84
Tables	85

ԳԱՆ Գիճճարար Գիտ. Գրար.

FL0391803

2 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР

СЕДА ГРАНТОВНА ДЕВЕДЖЯН

ЛОРИ-БЕРД, I

Редактор издательства *И. Г. Анкарян*
Художник *К. К. Кафадарян*
Худож. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Технич. редактор *А. М. Манучарян*
Корректор *М. Б. Геворкян*

ИИБ № 203

Сдано в набор 12.09.1979 г. Подписано к печати 2.02.1981 г.
ВФ 05956 Формат 60×84¹/₈. Бумага № 1. Шрифт литературный. Печать высокая.
Печ. л. 5,5+29 табл +3 цвет =7,25. Усл. печ. л. 14,5. Учетно-изд. л. 13,18.
Тираж 2000. Зак. № 943. Изд. № 5386. Цена 2 р. 30 к.

Издательство АН АрмССР. 375019, Ереван, ул. Барекамутян, 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР. 378310, г. Эчмиадзин

P III
47026

V.